

В номере:

Публицистика

Сергей Фесенко. **Размышления о добре и зле** 3

Проза

Георгий Каюров. **Состояние Мейлоха** 12

Владимир Уланов. **Княжеский крест** 19

Эльдар Бадырханов. **Месяц Марса** 43

Евгений Татарский. **Момент истины** 58

Очерк

Виктор Корнован. **Человек своего времени** 63

Короткая проза

Александр Петруша. **Истории жизни** 76

Поэзия

Игорь Хомечко 83

Виктор Панько 85

Геннадий Барабаш 87

Валентина Калинина 89

Дебют

Валериу Балан 91

Олег Довбыш 93

Литература для детей

Ион Горган. **Лев и Стрельчиха** 95

Педагогика

Кристина Пынзарь.

Причины плохой успеваемости в подростковом возрасте 98

Соотечественники

Пресс-центр ФМС РФ в РМ 101

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

**Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Ольга Бедная, Анна Кашина,
Юрий Харламов, Сергей Власов, Алексей Дука, Виктор Хантя, Маргарита Сосницкая,
Матвей Левензон, Максим Замшев, Анна Малдофа, Надежда Дёмина, Иван Дуб,
Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд, Валерий Реницэ, Игорь Хомечко.**

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художник-иллюстратор

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

**Издательский Центр «Наследие», Александр Сава, Ольга Дерезинская,
Александр Зингалюк**

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать
в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Сергей ФЕСЕНКО

57 лет. Ведущий программист Воронежской областной клинической больницы №2. Публиковался в журналах «Невский альманах» (С-Петербург), «Подъём» (Воронеж), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Идиот» (Витебск).

Размышления о добре и зле

Задумываясь над окружающим миром, люди часто задаются вопросами о степени его совершенства, наличии или отсутствии гармонии, согласованности и обоснованности всех наблюдаемых в нём явлений и процессов. В большинстве случаев они с горечью приходят к отрицательному ответу. Особенно тяжёлым испытанием эти печальные выводы являются для поверхностно верующих людей. Они говорят: «Как же так? Если есть Бог, как и почему он терпит такое обилие страданий на Земле? Где же его Всесилие, Мудрость и Милосердие?» Цель настоящей статьи – попытка предложить в качестве ответа на эти вопросы мировоззренческую позицию, которая, будучи внутренне непротиворечивой, не уходя от суровой реальности и не закрывая глаза на чудовищность страданий, испытанных и испытываемых человечеством с древних времён до наших дней, давала бы на них положительный ответ.

Первое и самое главное, с чем мы сталкиваемся в подобных рассуждениях, это рассмотрение понятий Добра и Зла. Здесь можно выделить два взаимосвязанных раздела: сущностный (их природа) и субъективный (наше отношение к их проявлениям). В каждом из них существуют два аспекта: материальный (степень наличия или отсутствия материальных благ и условий жизни, степень физических страданий тела) и моральный (степень соответствия поведения человека некоторым нормам). Причем, если в рассмотрении сущности Добра и Зла материальная сторона логически вытекает из моральной, то в нашем отношении к проявлениям Добра и Зла, наоборот, материальный аспект является логически первичным, а моральный – его частным случаем. Соответствующей будет и последовательность анализа этих вопросов.

Хотя на первый взгляд разговор о природе этих понятий в гораздо большей мере нуждается в каком-то подобии «доказательств» и обоснований, чем рассуждения о нашем отношении к ним, я позволю себе поступить прямо противоположным образом: в первой части ограничусь лишь краткой констатацией определённой мировоззренческой позиции, а попытаюсь как-то обосновывать утверждения буду преимущественно во второй. Почему так? Я исхожу из того, что наиболее базовые, мировоззренческие понятия и позиции подобно аксиомам в математике практически не поддаются доказательству, являясь «функцией» конкретной

личности, с её жизненным опытом, системой знаний, сложившихся представлений и выводов. (По этой причине споры между людьми, например, о политике никогда ни к чему не приводят, за исключением тех случаев, когда спорят по частным вопросам полные единомышленники). В них можно только искать и находить (или не находить) внутренние противоречия. А доказывать можно пытаться лишь второстепенные вещи, принимая наиболее важные за основу.

Природа Добра и Зла: моральный аспект

В моральном плане основой Добра в человеке является *душа*. Совесть – её внешнее проявление. Зло может быть первичным и вторичным. Источником первичного Зла является *эгоизм*. Именно он – начальный побудительный мотив и исходная причина всех, даже самых чудовищных, преступлений. (Зло ради Зла – это исключение и признак психических отклонений либо проявление вторичного Зла). Источник эгоизма – человеческое тело, включающее в себя мозг, наделённый разумом и инстинктами. Вторичное Зло – реакция на первичное (месть, обида и т.п.). Оно может порой образовывать длинные и запутанные цепочки проявлений Зла, конкретные причины которых могут, казалось бы, не иметь с эгоизмом ничего общего (фанатизм, чувство долга, защита своей семьи, своего класса, своей страны и т.д.) Но самым первым звеном любой такой цепочки всегда является эгоизм.

«Оправданием» того, что эгоизм при всем многообразии его проявлений и влияний на земную жизнь в качестве «побочного эффекта» является источником Зла в обществе, можно считать вытекающую из сущности любой современной великой религии (христианства, ислама, иудаизма, буддизма) идею о второстепенности земной жизни и земных проблем, всех событий и обстоятельств истории, представляющих собой лишь своего рода экзамен для *души*, готовящий её к более важной миссии, которая ожидается после смерти тела, и о первостепенности именно этой, основной миссии. Точно так же, как учеба в школе и вузе, с их строгостями, ограничениями и переживаниями учащихся, является лишь подготовкой к настоящей жизни и осознаётся во всей её важности лишь после вступления молодого человека в эту жизнь, так и сущность и необходимость нашего земного

«экзамена», земных страданий, осознаётся *душой* лишь после смерти тела. То есть, чтобы правильно оценить смысл многих явлений (в том числе и очень неприятных), часто бывает нужно посмотреть на них с другого расстояния, значительно раздвинув временные рамки. Например, тяжёлая и мучительная операция может показаться ненужной и бессмысленной, даже изуверской пыткой, осуществляемой утончённым палачом и садистом, если рассматривать только время непосредственно перед операцией (когда пациент, будучи больным, не испытывал тем не менее и отдалённого подобия тех страданий, которые затем претерпел под ножом хирурга), период самой операции и период сразу после неё. Но если раздвинуть временные рамки на многие годы или даже на всю жизнь этого человека, то операция будет восприниматься как чудо спасения от неминуемой смерти, пример мудрости, мастерства и самоотверженности хирурга-спасителя. Так и все, даже самые тяжёлые перипетии земной жизни нашего тела и даже порой вся жизнь целиком, представляющая собой одно сплошное страдание, являются на фоне посмертной, вне-телесной миссии нашей *души* всего лишь полезными и кратковременными курсами переподготовки со сдачей многочисленных экзаменов и зачётов. Не выдержать или плохо сдать эти экзамены (переходить в своём эгоизме некие пределы) – гораздо худшая проблема для *души*. Такие пределы проявления эгоизма, когда он приносит Зло другим людям, пытается установить в процессе земной жизни душа (совесть). От *души* (совести) исходит всегда и у всех только Добро. Нет «злых» *душ*, и нет никакой духовной основы или духовного источника у Зла (*дьявол* и т.п.) *Душа* даже самого отъявленного негодяя пытается направить его к Добру. Но сила (энергетика) у разных *душ* разная, отсюда – разный итог противоборства *души* и тела в ситуациях противоречия между ними, то, что мы называем «хорошим» или «плохим» поведением. (Многие средневековые монахи, занимаясь такими варварскими вещами, как самоистязание и умерщвление плоти, уже тогда догадывались о важной роли тела как источника Зла в мире, не видя при этом проблему Зла во всём её многообразии).

Может возникнуть, правда, такой вопрос: «Если телесная фаза существования *души* со всеми обстоятельствами земной жизни вторична, то какой смысл в данных нам моральных заповедях, столь схожих, кстати, у всех великих религий? Какие именно свойства *души* «тестируются» в процессе их выполнения?» Попробуем разобраться, отдавая, конечно же, себе при этом отчёт, что здесь мы вступаем в область догадок и предположений...

Сначала задумаемся: а что нам вообще известно о Боге (Высшем Разуме и т.п., какое бы название ни использовать)? По большому счёту – только одно: это творческое начало, создавшее и постоянно совершенствующее всё сущее. Далее вспомним, какие основные признаки присущи «хорошему» поведению человека, в том числе в подавляющем большинстве ситуаций конфликта *души* с эгоистическими инстинктами тела? Можно выделить два таких признака. Первый. При конфликте целей настоящего или ближайшего будущего с целями будущего далёкого, иногда очень далёкого, иногда даже «загробного» («спасение *души*»), способность и воля предпочесть вторые первым. Следующий признак. Умение предпочесть пространственно-близкому, очевидному и простому («интересу» своего тела – *эгоизму*) пространственно-удалённое, умозрительное и более сложное (менее очевидное) – интересы других людей. Короче говоря, умение предпочитать далёкое близкому, а будущее – настоящему. Но не являются ли эти признаки важнейшими критериями способности и склонности к «творческой деятельности», то есть к тому, что, являясь сутью Творца, требуется и от *душ* как его будущих «помощников» (или даже, быть может, «частей»)? Конечно, повторяюсь, это всего лишь догадка, но такая, которая, будучи принята, ставит всё на свои места.

Природа Добра и Зла: материальный аспект

Будучи источником *эгоизма*, человеческое тело является соответственно гениальной «конструкцией», «кибернетической подсистемой» общественного механизма (то, что человек создан как существо социальное, доказывать не стоит). По законам кибернетики любая сложная система (а человеческое общество является системой сверхсложной) тем более устойчива и живуча, способна к самосохранению и развитию, чем более автономными, способными к саморегуляции и самосохранению являются её составные части, отдельные подсистемы, чем более они для поддержания своего функционирования и «здоровья», а следовательно, и для выполнения своих функций в системе, способны опираться на собственные ресурсы, иметь встроенные системы управления и контроля над их состоянием, не передоверяя эти функции другим подсистемам и «центру». Именно в этом заключается гениальная (как и всё, созданное Высшим Разумом) сущность *эгоизма*, вовсе не являясь какой-то недоработкой Создателя. Поэтому наше тело наделено склонностью заботиться в первую очередь о себе. Если бы оно было создано со

склонностью заботиться в первую очередь о других (при том, что необходимую для такой заботы информацию о нужном и полезном или, наоборот, о вредном оно через нервные окончания и органы чувств получает лишь о себе, а не о других), то такая забота по законам кибернетики неизбежно была бы значительно менее эффективна и привела бы очень скоро к вымиранию человеческого рода, т.е. к разрушению всей общественной системы. Попутно заметим (хотя это отдельная большая и сложная тема), вышесказанное применимо не только к биологическому аспекту общества, но и к его экономике как основы развития цивилизации. Одним из условий экономического развития является соответствие базовых экономических отношений (наличие или отсутствие и степень развитости института частной собственности) человеческому эгоизму. Попытки отменить или резко ограничить право частной собственности влекут за собой нарушение этого соответствия, в результате чего эгоизм становится не столько двигателем экономики, сколько её тормозом и фактором загнивания.

Самое наглядное проявление эгоизма в человеческом обществе – *конкуренция*, являющаяся одним из важнейших двигателей *цивилизации* (под которой здесь и далее мы будем понимать всю совокупность материальных достижений общества, отдельно от культуры как совокупности его духовных достижений).

Есть у эгоизма и обратная сторона – способность к *сотрудничеству* и *компромиссу*. Духовные усилия отдельных людей, направленные на удержание собственного эгоизма в некоторых пределах, у каждого конкретного человека и в каждой конкретной ситуации могут привести к результату с любым знаком. Но они индивидуальны по своей сути и не обладают свойством складываться при переходе на уровень групп людей (особенно больших групп). Напротив, вытекающие из эгоизма материальные интересы и устремления людей могут частично совпадать и становиться общими, переходя в материальные интересы коллективов, социальных слоев, классов и т.д. Более того, материальные интересы групп способны мобилизовать на свою защиту не только собственно материальные, эгоистические по своей природе человеческие устремления, но иногда и энергию души. Ведь для каждого человека борьба за те же материальные интересы уже перестаёт быть проявлением и следствием *эгоизма*, если для него это в первую очередь – материальные интересы других членов группы, ради которых он порой забывает о своих собственных (такое хоть и редко, но случается)! Не менее важное значение для развития *цивилизации*

имеет такое свойство *эгоизма*, как способность к компромиссу, которая проявляется при столкновении *эгоизмов* (в процессе той же *конкуренции*, например). Ведь *эгоизм* – это стремление к реально достижимому благу для себя в любых конкретных условиях, в том числе в условиях соперничества со стороны других *эгоизмов*. Поэтому *конкуренция* не является битвой гладиаторов на уничтожение, по принципу «я или ты», «все или ничего», а предполагает учёт после некоторой «пробы сил», взаимных интересов.

Кроме того, *эгоизм* является огромным источником *дополнительной энергии* развития в обществе. Работа «на себя» часто происходит на пределе сил и выносливости (имеются в виду, конечно, затраты не только физической энергии, но и умственной и творческой), будь то ферма, мастерская, офис предпринимателя, лаборатория учёного и т.п. И цена этого перенапряжения для человека всегда соизмеряется с конкретным достигнутым результатом и оправдывается им. Но если даже представить на минуту невозможное, что все люди искренне, в силу своей воображаемой альтруистической природы, готовы работать только ради общего блага, то как они измерят, оценят и обоснуют для себя необходимость работы «на грани» или даже «за гранью» сил и здоровья? Они никогда не увидят и не почувствуют полученный через их перенапряжение дополнительный эффект для общества, не определят необходимую меру этого перенапряжения.

Таким образом, эти стороны и свойства *эгоизма* – порождаемые им *конкуренция*, генерация огромной *дополнительной энергии* в обществе, способность к *сотрудничеству* и *компромиссу* – являются важнейшими двигателями *цивилизации*, материального прогресса. Активно и энергично стремясь к своим «шкурным» интересам, человек вынужден учитывать и удовлетворять интересы других, в том числе и общества в целом, что становится Добром в материальном измерении этого понятия. Первым серьезное внимание на это обратил Адам Смит в своей знаменитой книге «Исследования о природе и причинах богатства народов», где он, рассуждая об удивительном эффекте совпадения эгоистических побудительных мотивов деятельности капиталистов-предпринимателей с пользой этой деятельности для общества, использовал символический образ «Невидимой Руки» (божественного влияния), которая приводит к такому результату. Та же идея содержится и в созданной примерно в то же время трагедии Гёте «Фауст». Широко известна (во многом благодаря её использованию Булгаковым в качестве эпиграфа к «Мастеру и Маргарите» – великому роману о Добре и

Зле) следующая цитата из «Фауста»: «...Так кто же ты, наконец? – Я – часть той силы, что вечно хочет Зла и вечно совершает благо». Действительно, если вдуматься, станет очевидно, что подобный механизм действует не только в экономике, но и во всех остальных сферах человеческой жизни, где имеется конкуренция между людьми (от политики до науки, искусства и личных отношений). Однако это не приводит каждого отдельного человека к Добру в первоначальном, духовном, смысле. К нему ведет только следование голосу совести. (Хотя *цивилизация* и способствует в какой-то мере победе *души-совести* над телом, более полно удовлетворяя его потребности и тем самым уменьшая его напор в противодействии *душе*. Ведь обещавшему от голода человеку труднее следовать голосу совести, чем более сытому).

Частично таким же образом происходит и развитие *культуры*. Но, в отличие от *цивилизации*, *культура* может развиваться и в результате бескорыстного творчества отдельных людей, движимых вдохновением, жадой творчества, любовью к человечеству и т.п.

В качестве небольшого отступления можно отметить, что история человечества крайне редко демонстрирует действие даже самой доказанной общественной закономерности «в чистом виде», без многочисленных «примесей» различных искажающих результат привходящих обстоятельств. Одним из таких примеров является короткая, но яркая и предельно иллюстративная история Соединённых Штатов Америки. Именно здесь мы убеждаемся, сколь потрясающих воображение успехов в развитии *цивилизации* может достигнуть народ, основу которого составили в своё время авантюристы, бродяги, изгои и даже отбросы Старого Света. Люди, мораль у которых либо начисто отсутствовала, либо являлась замаскированной производной материальных интересов. Люди, главным «объединяющим» началом которых был (и остаётся до сих пор!) предельный индивидуализм. Именно это объединяющее *эгоистическое начало*, не сдерживаемое и не ограниченное моралью, традициями, культурными, сословными, религиозными и «чрезмерными» законодательными рамками, на которые была так щедра Европа, и выполнило роль «Невидимой Руки» в невиданных масштабах! Ну а *культура*... *Культура* Америки до сих пор «лидирует» среди развитых стран мира по своей примитивности и по степени её охвата рыночными отношениями, что является оборотной стороной сверхвысокой эффективности частнопредпринимательской экономики этой страны.

Итак, полностью за счет энергии *эгоизма* (то

есть за счет Зла) происходит развитие *цивилизации*, поскольку это развитие всегда является *суммарным результатом совокупных действий* огромного количества людей, и частично – развитие *культуры* (духовных его достижений).

Что касается роли Добра (*души-совести*), то она – в спасении *души*, а не в решении материальных проблем человека и общества, т.е. выходит за пределы земных проблем и земного существования.

Таким образом, эгоизм является основой практически всей материальной, земной жизни: как того, что принято считать собственно Злом, так и того, что принято считать (с материальной точки зрения) Добром. Одновременно порождаемое им Зло является важнейшим средством испытания, «тренировки» и подготовки *души* к выполнению её главных функций. И на вопрос, когда же должны кончиться страдания человечества, может быть только один ответ: не кончатся никогда, потому что не должны кончиться, потому что они необходимы, потому что только в расчёте на них и создана такая «тренировочная база», как телесная жизнь наших *душ*, испытывать и «тренировать» которые без Зла, порождённого эгоизмом нашего тела, было бы нечем.

Отношение к Добру и Злу: материальный аспект

В явном или неявном виде люди привыкли применительно к категориям Добра и Зла (как и ко многим другим явлениям окружающего мира) оперировать шкалой, где есть два направления: «положительное» и «отрицательное» – и некое срединное «*нормальное*» значение («ноль»). С материальной точки зрения под «*нормой*» мы предпочитаем видеть некое «неплохое» существование или положение вещей («без излишеств, но терпимо»). Всякое отклонение от «нормы» в ту или другую сторону мы склонны объяснять какими-то причинами (в том числе очень часто – чьим-то злым или добрым умыслом). При этом подразумеваем, что сама эта «*срединная норма*» является чем-то «автоматически» или изначально данным и не нуждается в каких-либо объяснениях и причинах. И применительно к понятию *норма* это – совершенно правильно, поскольку отражает саму суть «нормального». Но когда мы помещаем эту «норму» в некую «нейтральную середину» между «хорошим» и «плохим», мы совершаем серьёзную мировоззренческую, а заодно (как будет показано далее) и сугубо житейски-практическую ошибку. Почему так, и где же эта самая «норма» должна располагаться на нашей воображаемой шкале Добро-Зло? Ещё раз задумаемся, что же такое Зло

в материальном смысле? Это – нехватка каких-то благ, в той или иной степени важных, необходимых или желательных для нашего существования. Такая нехватка всегда воспринимается нами как Зло лишь по сравнению с большей обеспеченностью этими благами. Но по сравнению с обеспеченностью ещё меньшей то же самое количество благ будет уже восприниматься как Добро! Двигаясь по вышеупомянутой воображаемой шкале Добро-Зло всё дальше и дальше в отрицательном направлении, мы всё время будем находиться в «зоне Добра», но с постоянно уменьшающимся «количеством» последнего. Причём каждый, даже самый ничтожный объём этих *благ*, будет являться результатом каких-то усилий, обстоятельств, везения и т.п., то есть будет обязательно иметь свои *причины* и своё *объяснение*. В конце концов мы дойдём и до настоящей *нормы, состояния*, при котором уже не будет никаких улучшающих нашу жизнь благ, а останется лишь то, что дано изначально самой природой.

Проводя столь распространённую аналогию Добра со светом, а Зла – с тьмой, заметим, что есть *источники* и *причины* у света, но нет таковых у тьмы! Тьма – это полное или почти полное отсутствие света, но не существует анти-света! Так же дело обстоит и с температурой (по Кельвину), и с движением, и с энергией, и вообще с *наличием* чего-либо (предметов, явлений, частиц и т.п.) и полным или почти полным его отсутствием («*ноль*», «бесконечно малая величина», *абсолютный ноль* по Кельвину, тьма и т.п.). Так же, как на энергетическом уровне существует «*абсолютный ноль*» и отсутствует отрицательная половина соответствующей шкалы, так и в жизни людей существует изначально «нулевой», «*базовый*», подлинно «*нормальный*» уровень благ и обстоятельств жизни, при которых жизнь вообще возможна, и любое отклонение от этого уровня, возможное лишь в сторону большей обеспеченности облегчающими жизнь условиями, есть Добро, имеющее непременно какую-то причину и источник.

Только в первобытные времена мы находим такое «базовое» состояние. Человек рождается голый. С ним на свет не появляются ни одежда, ни жилище, ни блага цивилизации, ни еда, за исключением материнского молока, и то лишь на первое время. Все, что древний человек получал от Бога, это руки, ноги, голова и окружающая природа, в которой он, прилагая большие усилия, находил необходимое для своего существования. Первобытный человек был безумно рад, обнаружив какую-нибудь пещеру, и не мог даже мечтать о хижине. Любое появление дополнительного облегчения

его жизни имело причину, *источник* и *объяснение*, тогда как отсутствие этого облегчения до того, как оно появилось, ни в каких *причинах* и *объяснениях* не нуждалось. И так – на всем протяжении истории человечества вплоть до наших дней, когда мы, хотя и получаем при своём появлении на свет от семьи и общества некоторый набор благ, совершенно ошибочно считаем этот набор чем-то само-собой разумеющимся, некоторой «нормой», забывая, что всё это является результатом каких-то явлений и процессов со знаком «плюс», имеет в основе какие-то *источники* и *причины*, а вовсе не «падающей с неба» природной данностью. Это справедливо даже для тех случаев, когда указанный «набор благ» – нищенски малая по своему относительному размеру величина! Из подобных рассуждений вовсе не следует вывод, что мы должны «радоваться малому» и, как герой из песни Высоцкого, «сказать ещё спасибо, что живой». Напротив, человек никогда не должен останавливаться на достигнутом, стремясь как можно выше подняться в своих достижениях и в реализации своих целей над рассмотренной *нормой* («*нулём*», «*базовым уровнем*»). Но при этом следовало бы помнить, что единственное, дающееся нам без всяких усилий или не нуждающееся ни в каких объяснениях, это – пустота, отсутствие каких бы то ни было благ и улучшений жизни!

Почему же мы так склонны в реальных жизненных ситуациях вместо причин и возможностей «хорошего» искать причины «плохого» (очень часто стараясь при этом найти «виноватых»). Во-первых, это намного проще – найти причины ухудшению в виде чьей-то злой воли, глупости или ошибки, чем найти объяснения часто сложной, запутанной и непонятной цепочке и сочетанию внешних условий, стимулов, мотивов, целей и ресурсов множества людей, приводящих к улучшению положения дел. Пример: разрушить (скажем, взорвать) дом намного легче, чем его построить. Найти виновных в разрушении и объяснить мотивы злодейских действий также намного проще, чем объяснить и понять механизм совместного действия множества факторов, обеспечивших его строительство. Презумпция простых объяснений играет здесь с большинством людей злую шутку. Да и вообще, практически всё, что нас окружает в полной противоречий реальной жизни, содержит бесчисленное количество очевидных теневых сторон: это либо неприятно, либо вредно, либо опасно, либо скучно, либо препятствует нашим желаниям и целям и т.д. и т.п. Чтобы это понять или почувствовать, не надо быть семи пядей во лбу. В большинстве случаев вполне достаточно работаю-

щих нервных окончаний. Невольно вспоминается афоризм, принадлежащий архиепископу Йоркскому Сирилу Гарбетту: «Критиковать может каждый дурак, и многие из них именно этим и занимаются». Кроме того, искать виноватых и обвинять значительно приятнее. Мы всегда подсознательно испытываем гораздо большее удовольствие от осуждения кого-то, чем от восхваления. Особенно если предмет нашей критики является кто-то выше нас: правительства, богатые люди, знаменитости и т.п. Вследствие своего неистребимого и глубинного эгоизма, живя в условиях постоянной явной или неявной конкуренции, мы, часто незаметно для себя, оцениваем уровень своего благополучия не столько по наличию или отсутствию каких-то абсолютных благ (за исключением, конечно, самых необходимых для жизни), сколько по нашему положению в различных иерархиях с другими людьми: по уму, богатству, власти, талантам, красоте, уважению или даже зависти к нам окружающих и т.п. И когда мы осуждаем кого-то, то невольно чувствуем на каком-то подсознательном уровне, что как будто поднимаемся на ступеньку выше в очередной иерархии.

Каковы же проявления и последствия подобной позиции в реальной жизни? Люди сплошь и рядом склонны возмущаться поведением других людей, местных властей, правительств, работодателей и т.п., быть недовольными условиями и обстоятельствами жизни, искать и «находить» виноватых или, по крайней мере, искать причины неприятных для них явлений. Всегда при этом они, явно или неявно, отталкиваясь от некоторой планки своих ожиданий, сравнивают существующий порядок вещей с относительно «лучшим». Но с каким «лучшим»? Возможны всего два варианта. Первый. «Лучшее» – это то, что существует только в их воображении, то, что по их представлениям «должно быть», но чему нет и не было соответствия в реальной жизни (примеры: коммунизм, «настоящий» социализм, «справедливый» капитализм, «государство всеобщего благоденствия», «набожное» и «благочестивое» поведение большинства окружающих и т.п.). Эта позиция абсурдна, если не сказать резче, базируется больше на эмоциях, чем на разуме, имея, тем не менее, огромную распространённость. Второй вариант. «Лучшее» – это что-то, реально существующее где-то еще (или реально существовавшее в прошлом). Кивая на это, люди ищут причины тому, что «здесь и сейчас» плохо. Несмотря на внешнюю обоснованность такой позиции, ее логика оказывается вывернута наизнанку. Гораздо правильнее задумываться и искать причины, почему «там» и «тогда» лучше,

и ответ, при достаточно компетентном и разумном изучении вопроса, *обязательно* будет найден. Но ответа на вопрос, почему «у нас» хуже, никогда нет и быть не *может*. Точнее, он может быть всегда *только один*: потому, что это проявление *нормы*, «базового уровня», изначально заданной природы человека и прочих природных данностей.

В качестве иллюстрации неадекватности нашего стремления искать причины «плохого» (то есть, в конечном счёте, – «нехватки Добра») представим себе, что, гуляя в каком-нибудь ранее диком лесном районе, мы с удивлением обнаруживаем появившийся тут загородный особняк. Естественно, мы вполне можем задаться вопросами: когда, как и почему он здесь появился, кому принадлежит и т.п. И при определённой степени любопытства мы вполне можем со временем получить на них ответы. Но нам никогда не придёт в голову, находясь далеко за городом и оказавшись на первой попавшейся лесной поляне, «удивиться», почему здесь нет какого-нибудь дворца, а тем более искать этому какие-то «причины»!

Отношение к Добру и Злу: моральный аспект

Выше, при рассмотрении вопроса о природе Зла, уже говорилось о важной роли *эгоизма* в жизни людей и общества, о том, что он, в свою очередь, обусловлен «конструкцией» нашего тела и является единственным первичным источником Зла в обществе. Но тут мы сталкиваемся с кажущимся противоречием при анализе этого понятия. С одной стороны, именно эгоизм является силой, заставляющей одних людей вступать в борьбу с другими за «место под солнцем», препятствующей приобретению этими другими различных жизненных благ и даже отнимающей порой блага, уже имеющиеся (вплоть до такого важнейшего «блага», как сама жизнь). В этом смысле и с этой точки зрения он, безусловно, есть источник Зла. Но с точки зрения нашего отношения к Добру и Злу, то есть обоснованности и оправданности наших ожиданий чего-либо от окружающего мира и общества, с точки зрения рассмотренных выше понятий *нормы* и *отклонений* от неё можно ли считать Злом то, что, будучи неотъемлемой частью природы человека, безусловно, является *нормальным*? Рассматривая *эгоизм* с этой, более широкой позиции, в моральном плане правильным было бы относиться к нему как к *базовому*, «нулевому» уровню, даже несмотря на все его неприятные проявления в отношениях между людьми, начиная от людоедства первобытных и кончая конфликтами современных. Не случайно и современные люди ведут себя порой как дикари по отношению друг к дру-

гу, оказавшись где-нибудь вдали от цивилизации в результате кораблекрушения и т.п. (Примером яркой художественной иллюстрации этого служит «Повелитель мух» У. Голдинга). А когда отношения между людьми шаг за шагом отходят от таких «базовых» проявлений, это также имеет всегда свои причины и объяснения (развитие цивилизации, образования, воспитания и т.п.) И точно так же отсутствие этих факторов, отсутствие продвижения «вверх» от «базового» уровня ни в каких причинах и объяснениях не нуждается. Итак, все, что мы называем Добром, всегда и обязательно имеет причины. Все, что мы называем Злом – это просто отсутствие причин, порождающих Добро, своего рода относительный «базовый» уровень, не нуждающийся в каком-то объяснении («такова жизнь», «на нет и суда нет» – эти и им подобные присказки отражают интуитивное понимание народами данного обстоятельства). Это – один взгляд на проблему. Другой, неизмеримо более распространенный, исходящий из стремления искать причины «плохого», обозначен выше.

В качестве примера противоречивости *эгоизма*, его способности, будучи Злом, подавлять другое Зло, им же порожденное, делая при этом Добро для общества, можно рассмотреть природу такого раздражающего людей явления, как коррупция. При всей его неприглядности, это – абсолютно «базовое», «нормальное» явление! («Нормальное», повторюсь, не означает, что с ним следует мириться). Оно является типичным проявлением преобладания у огромной части членов общества личных, эгоистических интересов над моралью и чувством долга. (Точнее, над общественной моралью и долгом перед обществом. Но чем более узкую сферу отношений и связей человека мы будем рассматривать, тем больше шансов встретить примеры преодоления человеком своего эгоизма, проявлений самоотверженности, преданности, даже самоотречения. Особенно это касается членов семьи и близких друзей. Ведь далеко не каждый коррупционер способен совершить преступление против конкретной личности, а многие являются вполне достойными мужьями, отцами, сыновьями и друзьями). Но никакая мораль не спасает большинство людей от попрания интересов общества тогда, когда это им действительно выгодно. Поэтому если и стоит в связи с коррупционной темой чему-то удивляться, то уж никак ни тому, что коррупция где-то есть, а скорее тому, что её «где-то нет». И там, где коррупции нет, точнее, где она в основном преодолена, это объясняется возникновением *условий*, при которых она становится слишком опасна и, по большому счету, слишком невыгодна.

Примерная схема естественного и постепенного формирования в обществе таких условий:

- рост экономики приводит к увеличению отчислений в бюджет, в результате «государство богатеет» и все больше (опережающими темпами) тратит на себя и на свой аппарат, зарплаты чиновников значительно растут;

- соответственно растет их социальный статус в обществе, для все большего числа людей становится очень привлекательной профессия госслужащего;

- конкурентная борьба за эти места обостряется (как между теми, кто мечтает попасть «извне» в эту систему, так и между самими чиновниками за сохранение своих кресел и за продвижение по карьерной лестнице); причем, если раньше, при небольших зарплатах, на госслужбу и в правоохранительную систему рвались в основном потенциальные воры, рассчитывавшие получить «свое» главным образом на взятках, способные и склонные покрывать друг друга, то при зарплатах, значительно превышающих среднюю в стране, претендовать на эти места будет все большая часть потенциально честных людей, вполне согласных ограничиться таким уровнем благосостояния и менее склонных покрывать своих нечистых на руку коллег-конкурентов;

- в этой конкурентной борьбе одним из самых эффективных приемов является уличение соперников в каких-нибудь грехах с позиций «честности», «принципиальности» и «неподкупности»;

- таким образом, риск разоблачения взяточника все увеличивается, а стимулы к мздоимству слабеют на фоне и так все возрастающего благополучия этого слоя общества;

- если прибавить к этому растущие доходы СМИ в результате роста цен на рекламу и ее объема при росте экономики, повышающие их независимость и роль в обществе, позволяющие им все лучше реализовывать свои «контрольные» функции «четвертой власти» (отличный способ для любого журналиста прославиться и хорошо заработать – это разоблачить какого-нибудь коррупционера – чем выше, тем лучше), то самый падкий на взятки чиновник трижды подумает, что он может получить и что потерять в результате соблазнительной, но незаконной сделки.

В результате описанных процессов мы со временем получаем хорошо и эффективно работающий государственный аппарат (включая, конечно, и правоохранительные органы), большую защищенность граждан, честный бизнес, гражданское общество, правовое государство и т.д. Причем все это оказывается достигнуто не в результате возвы-

шенных целей и прекрасных побуждений какого-то «доброго царя», президента, парламента и т.п., а исключительно благодаря эгоизму, проявляемому людьми на всех уровнях и во всех сферах общества. Там же, где действительно появляется «добрый царь», президент, парламент, диктатор и т.п., желающие сделать для общества (и даже для человечества) «как лучше», дело кончается резней, разрухой, «диктатурой пролетариата», фашизмом, «исламским государством», инквизицией и тому подобными явлениями. Как говорится, «благими намерениями вымощена дорога в ад». Мировая история дает этому множество примеров. Дело здесь, конечно, не в том, что любовь к своей стране, к человечеству является чем-то нехорошим или предосудительным. Это замечательные чувства, и дай бог, чтобы побольше людей их испытывало. А в чём же тогда дело? Почему на протяжении всей мировой истории (не учитывая, быть может, её самых ранних стадий, когда способы производства, производственные отношения и общественные связи в целом были неизмеримо проще, а размеры людских сообществ значительно меньше) позитивные общественные изменения никогда не были результатом чьих бы то ни было благих намерений?

Во-первых, как бы ни были велики ум, воля и власть над людьми конкретного человека (или даже большой группы единомышленников), сила их влияния на общественные процессы не идёт ни в какое сравнение с суммарной мощностью человеческого эгоизма членов общества. Можно поработить людей, подчинить их поведение каким-то навязанным извне правилам и даже (что значительно сложнее) их мысли – своему влиянию. Но никогда и никому не удавалось победить человеческий эгоизм. В крайнем случае, его можно страхом загнать вглубь, но невозможно подчинить своим целям. И если суммарный вектор эгоизма членов общества не совпадает с направлением усилий и целями вооружённых благими намерениями идеалистов, то тем хуже для этих усилий и целей, а иногда (в случае диктаторского и, особенно, тоталитарного режима) – и для общества в целом. Когда же указанный вектор совпадает с «благими намерениями», вклад последних в «общее дело» позитивного развития бывает столь же ничтожен, как вклад мухи на спине у вола из популярной присказки «мы пахали». Хотя при этом нередко и историки, и, тем более, многие простые люди именно этой «мухе» приписывают общественные достижения.

Это – что касается *возможности* или *невозможности* «мудрого руководства» привести общество в некое *желаемое* состояние, к некоторой зара-

нее *запланированной* модели. Но допустим, что это всё-таки возможно. Что же будет происходить с обществом в этом гипотетическом случае? Иными словами, какова потенциальная адекватность самой этой модели? При рассмотрении этого вопроса у нас появляется объяснение «во-вторых», которое заключается в следующем. Человеческое общество представляет собой настолько сложную систему, что претендовать на понимание роли и значения сколько-нибудь заметной части действующих в нем связей, закономерностей и процессов может только очень ограниченный человек (какими, кстати, и являются очень часто фанатики идеи). И любая воображаемая реализация искусственной модели общественного устройства приведёт лишь в той или иной степени к разрушению или нарушению нормальной работы каких-то его частей, механизмов и функций, а в конечном счёте – к социальным катаклизмам. В качестве иллюстрации это можно сравнить с действиями не разбирающегося в технике дикаря, который, желая улучшить работу пусть даже устаревшего трактора или автомобиля, разрушает «вредные» и «мешающие работе», по его мнению, детали и блоки.

Таковы исходные позиции практически всех «революций снизу» в мировой истории: уничтожить некий «источник зла и несправедливости», а в результате – «всё само собой образуется»! А ведь, казалось бы, способ избежать столь разрушительных для общества ошибок чрезвычайно прост – стоит только не забывать слова широко известной молитвы: «Господи! Дай мне силы изменить то, что можно изменить, дай мне терпение принять то, что изменить нельзя, и дай мне мудрость, чтобы отличить одно от другого». Но рассчитывать на то, что моральные заповеди могут исправить ход истории, предотвратив развитие нежелательных, а порой и катастрофических процессов в обществе, видимо, не приходится...

Выводы

Все вышесказанное – это попытка обосновать очень коротко формулируемый принцип отношения к проявлениям «хорошего» и «плохого» в жизни, причём как в материальном, так и в моральном аспекте: всегда *спрашиваем* и *задумываемся* не «*почему хуже?*», а «*почему лучше?*»

При таком мироощущении и миропонимании (помимо их серьезных претензий на более объективное отражение реальности) жить нам стало бы гораздо комфортнее психологически. Из нашей жизни почти полностью исчезло бы такое чувство, как *возмущение*. Ведь возмущение – это результат иллюзий, чрезмерных ожиданий, результат непри-

ятного удивления чем-либо. А при вышеописанном взгляде на жизнь в ней практически не может быть ничего удивительного в плохом смысле. Признавая многое неприятное нам в окружающих «нормой», «извиняя» это *природой* человека («таковы люди, такова жизнь»), глядя на это спокойно (что совсем не означает призыва к пассивности и смирению: мы имеем полное право бороться за свои интересы; ведь когда в лесу нас пытается укусить ядовитая змея, мы не возмущаемся этим, а берем палку или камень и убиваем ее), нам будет тем приятнее встречать в людях всякое отклонение от этой «нормы», всякое проявление честности, благородства, щедрости души и т.п., и тем больше мы будем ценить такие нечастые находки в окружающих. Мы поймём, что понятие «вины» кого-то перед нами является, по большому счёту, вредным самообманом. Всякий, кто причинил нам какое-то Зло, должен рассматриваться нами как представитель и проявление суровой внешней среды, от чего мы должны пытаться защититься, насколько можем, и кого мы порой должны пытаться нейтрализовать, опять же, насколько сможем (иногда как в вышеприведённом примере со змеей). Но не «обвинять» и не «осуждать» при этом. Это справедливо даже для случаев, когда причинивший нам Зло проявляет тем самым «вопиющую неблагодарность», делая это в ответ на совершённые нами для него «добрые дела». Ведь Добро, сделанное нами кому-то по долгу нашей души-совести, а не в расчёте на «взаимность», остаётся в «активе» деяний нашей души, нашей заслугой и благом прежде всего для самих себя, независимо от последовавшей «ответной реакции». Если же это Добро совершено нами именно в расчёте на взаимность, по принципу «я – тебе, а ты – мне» (в чём, разумеется, нет

ничего предосудительного с нашей стороны), это означает, всего лишь, что мы просчитались, совершая подобную «сделку», и винить в этой «ошибке» должны только себя. В общественной жизни, в политике мы не будем с возмущением и негодованием проклинать проворовавшихся чиновников и продажность власть предержащих, охать и ахать по поводу тотальной коррупции. Мы просто посмотрим внимательно на страны, в которых эти проблемы уже в значительной степени решены, поймем, что подобные вещи, будучи проявлением все того же «базового» уровня, природы человека, имели место когда-то и там, разглядим причины и механизмы общественного развития, которые за длительный срок привели постепенно к частичному преодолению этих проблем, и будем прежде всего решать конкретные задачи своей жизни, внося при этом посильный вклад в создание и укрепление таких механизмов и в нашей стране. Ведь все хорошее вырастает постепенно и незаметно, а плохое приходит быстро и болезненно. Отказавшись от иллюзий, мы не станем игрушками в руках стремящихся к своим (как и все люди!) интересам политиков, как тех, кто находится у власти, так и тех, кто к ней рвется, рассчитывая добиться ее нашими руками и, нередко, за наш счет (имея в виду чрезмерную дестабилизацию общественной жизни). Короче говоря, при таком мироощущении мы будем смотреть на жизнь либо спокойно, как на объективно predeterminedданность, либо, иногда, с радостным удивлением и благодарностью. Такой взгляд позволит нам в сегодняшнем бурном и полном противоречий мире поддерживать душевное равновесие, осознавать внешнюю и обрести внутреннюю душевную гармонию.

Георгий КАЮРОВ

Состояние Мейлоха

Рассказ

Весной сорок пятого года из вынужденной эвакуации потянулись домой, в Молдавию, беженцы. Станция Раздельная кишела народом с тюками и маленькими детьми, на лицах которых не было видно улыбок. Ожидаящие своего поезда выгадывали где угодно краешек свободного места и старались на ходу перекусить. Стелили тряпицу, платок или прямо на промасленной газете, в которую и был завернут скудный паёк, точнее, его остатки.

Неподалёку от единственного крана с водой разместилась семья из пяти человек. Мужчина, Лейба Райшевич, лет шестидесяти, одетый в чёрную плотную куртку, сидел посередине и дремал, а четверо его спутников, прислонившись к нему со всех сторон, спали. Эти четверо были его дети: два сына – четырнадцати и семнадцати лет – Мойша и Яков, и двадцатичетырёхлетняя дочь Зелда со своей дочкой – пятилетней красавицей Идой, внучкой мужчины. Неожиданно толпа ожила и заметалась. Лейба поднял голову и, махнув пробежавшему юноше, одними губами, чтобы не разбудить детей, спросил:

- Куда поезд?
- На Измаил! – прокричал тот.
- Ти-ихо, – погрозил кулаком ему вслед Лейба. – Дети же спят.

И тут же сам сорвался с места, растолкав спящих. На него вытаращились детские сонные глаза, а маленькая Идочка расплакалась, но Лейба не обращал на детей внимания, хватая тюки и набрасывая их себе на спину.

- Быстро. Быстро встаём и собираемся, – распоряжался отец. – Поезд наш пришёл.

С первыми лучами солнца Райшевичи ступили на землю станции Бессарабка. Растроганный глава семейства не находил себе места. Он быстрым шагом пробегал вдоль полотна, подходил к наблюдавшим за ним детям и крепко обнимал их, каждого целуя в лоб.

- Вот мы и дома, – шептали его губы. – Вот мы и дома, – и слёзы сыпались крупными каплями.

Лейбу трясло от восторга и счастья, нахлынувшего на него при виде родного края, о котором мечтал в тяжёлые, холодные и тёмные бессонные ночи, полные страха и безнадёжности в годы войны!

– Дети! Вдыхайте запах родины, – обезумев от переполняемого восторга, лепетал Лейба. – Слышите гудок нашего паровоза? Уехал уже. Смотрите, смотрите, вездесущие галки. У нас они красивы! Главное – насладитесь запахом родины. Родина, дети, – это то, ради чего хочется жить.

- Я кушать хочу, – захныкала Идочка.

– Покушаем, покушаем, – трясущимися губами шептал Лейба, не имея сил унять обуявший им пыл. – У нас теперь будет много еды. У нас теперь всего будет много.

Словам отца улыбнулась только Зелда, остальные восприняли без эмоций. По их лицам было видно – кушать-то им хотелось сильно именно сейчас и они не понимали отца – когда это будет? Только несколько лет голодной эвакуации приучили детей молча сносить лишения и равнодушными лицами отвечать на обещания – «всё будет».

– Сейчас, сейчас, – встрепенулся и засуетился Лейба, – надо придумать, как добраться до Романовки. Сейчас, – и побежал искать станционного смотрителя.

С поезда вышло много людей, но они как-то быстро разошлись. Пока Лейба метался по перрону, разыскивая кого-нибудь из железнодорожников, к станции подъехала подвода, гружённая мешками с пшеницей. С неё соскочил мужик и, сняв из-под телеги ведро, направился поить лошадей. Навстречу ему из-за угла выскочил озабоченный Лейба и едва не сшиб, но от радости схватил того в охапку и ну трясти.

Мужик с подводы оказался болгарин из села Твардица.

– Мне в Романовку не с руки ехать, ну да ладно, грузитесь. – И, немного поразмыслив, добавил. – Но я вас только до мельницы довезу, а там уж сами.

- Сами, сами, – со всем соглашался Лейба, перетаскивая и укладывая на мешки тюки и торбы.

Романовка, еврейское местечко, находилась в трёх километрах от железнодорожной станции Бессарабка. Переполняемый восторгом, Лейба шёл рядом с телегой, то и дело обгоняя её или отставая и, навесив широкую ладонь на брови, подолгу всматриваясь в знакомую местность.

- Сами-то будете из Романовки? – поинтересовался болгарин.
- Из неё, – ответил Лейба. – Дом наших предков.
- До войны у вас всегда была прекрасная ярмарка, – похвалил крестьянин.

– Да-а, война всё уничтожила, – поддержал разговор Лейба. – Мы всё восстановим!

– Почему же? – в голосе болгарина появилась ирония. – Ярмарка была и во время войны. Только для немцев и румынов.

– Я помню, как на ярмарку съезжались крестьяне со всей округи, – не расслышав или не уловив иронии в голосе собеседника, окунулся в воспоминания Лейба. – Люди могли продать излишки сельскохозяйственной продукции и купить всё необходимое для хозяйства, для дома – одежду и обувь, даже новинки цивилизации.

Едва миновали холм, тут же в долине растянулась вдоль речки Кагыльник, на несколько километров своей главной улицей, Романовка. Пересечённый ландшафт местечка как бы разделил её на две части – верхнюю и нижнюю. В центре села возвышалась красивая кирха. Дома в основном были крыты светлой черепицей, и с обеих сторон улицы ровной линией стояли каменные заборы с расписными воротами и калитками у каждого двора. Повсюду преобладал белый цвет. Это ещё больше подчеркивало чистоту и порядок.

– Смотрите, дети! – Лейба пытался растормошить, отвлечь детей от голодной дремоты. – Вон, хорошо видно – это верхняя часть, а наш дом находится с той стороны холма – в нижней части. Дети! Дети! – не унимался отец. – Вон, напротив церкви школа. Вы будете в ней учиться, – мужчина не находил себе места от радости. – У нас всегда все улицы содержались в образцовом порядке.

Романовскую мельницу можно было узнать по широкому мучному пятну у входа и скопившимся подводам.

– Надо же! – снова воскликнул Лейба, жадно съедая глазами окрестности родного села. – Мельница работает.

– Ага, дождёшься, – ухмыльнулся болгарин.

– Ну как же? Вон же подводы стоят, – с укором возразил Лейба.

– Стоят-то они стоят, спросишь, какой день стоят? – не унимался мужик. – Я своё зерно везу в Табаки. Круг, а скорее получается.

Пока семья выгружалась, болгарин успел поздороваться со всеми мужиками и кое с кем перекинуться парой слов. В это время Райшевичи выгрузились и терпеливо ждали у подводы, чтобы попрощаться.

– Если ваш дом был по нижней улице, – вернувшись, сказал на прощание болгарин, – то идите вон к тем высоким воротам, – и он указал камчой вдоль улицы.

– А что случилось? – не поняв странного расставания, переспросил Лейба.

– Там всё узнаете. – И укатил.

– Нет вашей улицы, – равнодушно объяснил наблюдающий за семьёй мужик из очереди. – Немец уничтожил всю нижнюю улицу. Всё, что на ней было, танками закатал. Туда идите. Вам всё там скажут. – И потерял интерес к прибывшим.

Снова навьючившись тюками, семья направилась к высоким воротам, на которые указали мужики. Хоть идти – рукой подать, но шли медленно и долго. Идочка никак не хотела к маме на ручки и шла весь путь сама, часто останавливаясь и приседая на отдых.

Здесь тоже стояли подводы, но очередь продвигалась быстрее. Помогая друг другу, мужики таскали мешки с зерном в огромного размера мрачный сарай. На входе их встречал высокий, стройный, с красиво посаженной головой, прекрасным, пышущим здоровьем лицом, похожим на русского гусара, еврей. Его речь завораживала невероятной дипломатичной учтивостью, которая, казалось, вселяла надежду на обязательное свершение всего того, о чём мечтали эти крестьяне, с доверием к этому человеку расстающиеся со своим добром. Внешний вид этого «дипломата» вселял веру в каждое сказанное им слово.

– Как имя? – мельком взглянув на гостей, поинтересовался он, не отрываясь от учёта вносимых в сарай мешков.

– Лейба, – представился отец семейства с глазами, полными слёз от восторга. Он замешкался, но тут же засуетился, притягивая к себе детей. – Это Миша... то есть Мойша, Яков, Зина... пардон – Зелда и маленькая Ида.

– Мейлох, – сухо назвал «дипломат» – Идите на кухню, – не взглянув на отпрысков мужчины, он закинул карандашом за спину и продолжил учёт.

Впервые за все годы скитаний семью накормили настоящей еврейской едой, обогрели и вселили надежду, – они не зря выжили. Сытая Идочка сразу же уснула. Мойша и Яков сидели на кровати и едва сдерживали отрывки, чем вызывали счастливую улыбку у сестры. Самым счастливым ощущал себя Лейба, а когда вошёл в комнату хозяин и, сграбастав его в объятия, расцеловал, совсем обезумел от счастья и не находил себе места.

– Повторите ещё, – трепетали его губы, а хозяин повторял снова и снова.

– Вы посланники Бога, потому что просто так такого в жизни не бывает! Вы выжили!

– Только моей Эммочки с нами нет, – зажав улыбающийся рот широкой ладонью, проговорил Лейба и, указывая пальцем в потолок, добавил. – Она умерла там, в эвакуации.

– Зато есть Идочка! – грохотал на всю комнату Мейлох.

– И старший мой пропал без вести, – не унимался отец.

– Зато есть Идочка! – снова прокричал хозяин, и Лейба не боялся, что тот разбудит любимую внучку.

– У себя оставить не могу, – с расстановкой перешёл к деловому разговору Мейлох, когда Лейба немного успокоился. – Работа найдётся. И для тебя, и для твоих пацанов. Девке работы нет.

– И на том спасибо, – лепетал Лейба, с каждым словом, сказанным Мейлохом, хватая того за руку.

– А вот поселю я вас у одного болгарина Мити. Дом семнадцать знаешь?

– Это же дом... Кислянских? – лицо Лейбы словно покрыли чёрной тряпкой. – А что с ними?

– Ничего, – равнодушно отвечал Мейлох. – Ещё не вернулись. Я, пока их нет, разрешил пожить этому болгарину. Он свой дом в соседнем селе, после бомбёжки, отстраивает. Детей у него – мал мала меньше. И твоим кусок хлеба найдёт. У нас такой уговор с ним был. – И уже в дверях добавил: – На работу можете завтра же выходить.

Наутро, когда Лейба с сыновьями пришли к Мейлоху, у того во всю кипела во дворе работа. Хозяин, недолго мешкая, махнул жменей Якову.

– Ты старший?

– Я.

– Вот, держи. – Он сунул пареньку тетрадку с карандашом в руки и добавил: – Продолжай записывать. Вы за мной.

В очень короткое время Мейлох объявил Лейбу управляющим своего хозяйства и навесил на него все работы – доить корову, кормить свиней, чистить хлев.

– И, в общем, всё, что будет по двору, делаешь ты, – ткнув в грудь мужчины пальцем, закончил Мейлох и, положив руку на плечо Мойши, повёл того за собой.

– Твоё рабочее место, – придвигая стул к столу, указал на него Мейлох и откуда-то из-под стола вытащил огромный тюк, связанный из женского платка. Не успел Мойша опомниться, как хозяин вывалил из него на стол кучу цветных бумажек.

– Знаешь, что это? – поинтересовался Мейлох.

Мойша не мог глаз оторвать от такого пёстрого количества скомканных денег.

– Немой, что ли?

– Нет, – тихо ответил Мойша. – Это деньги.

– Правильно. Все бумажки раскладываешь по кучкам – бумажка к бумажке. Вот тебе тетрадка. Сюда будешь записывать. Каждую стопку пересчитываешь и записываешь. Писать умеешь?

– Умею.

– Считать?

– Умею.

– Вот и хорошо, – довольно потерев руками, похвалил Мейлох. – Твоя зарплата будет... будет... – Мейлох на мгновение задумался, прикидывая сумму. – А будет вот какая! Всё, что попадётся меньше рубля и рубль – это и будет твоя зарплата.

Будни семьи Райшевичей потекли по восходящей. Самому старшему из детей в семье болгарина, на постой к которому определил Райшевичей Мейлох, было пятнадцать лет. Звали его Фёдором. Он быстро нашёл общий язык с Мойшей и Яковом. Самому младшему Стёпке – шесть. Вместе с детьми Райшевичей за стол садилось двенадцать детей. Заботливая хозяйка, мать семейства Маруся, так вкусно готовила, что дети съедали до крошки.

Оба взрослых сына Мейлоха, как и многие другие представители еврейских семей, всю неделю разъезжали по сёлам и занимались всевозможной коммерцией: скупали перья, шерсть, яйца, шкуры, щетину. В пятницу вечером Мейлохи собирались в полном составе. Если можно, представьте себе обеденный стол, за которым восседает семья ухватистых коммерсантов, то описать это страшно. Злые языки позволяли себе намекать, – Мейлохи давно потеряли счёт доходам. Им и война хорошими барышами обернулась.

С появлением новых наёмников Мейлох-старший днями отсыпался. Он ожидал, пока все домочадцы покинут двор, высыпал на стол гору денег и передавал тетрадку Мойше, предварительно заперев двери в дом. Не забывал похвалить юного кассира:

– Ты, Мойша, в нашем деле самый важный человек, – скидывая башмаки и позёвывая, говорил Мей-

лох. – Самый умный, красивый и, главное, очень честный. Я это сразу понял. Ты держись меня, и станешь богатым. Приступай, – устраиваясь удобнее на кровати, подавал последнюю команду благодетель. – Двери никому не отпирай.

Как-то, выслушав утренние наставления хозяина, Мойша приготовился услышать равномерный сап, как команду – можно приступать к работе, но неожиданно тот обернулся и, пристально глядя на мальчика, внушительно втыкая палец в матрац, сказал:

– Запомни, пацан, на всю жизнь – деньги не любят шума. – И уснул.

Супруги Мейлоха, Сары, тоже весь день не было дома. Она занята была в ткацкой мастерской у двоюродного брата мужа – Якова Туркенича. У Туркеничей так же всё было поставлено на широкую ногу, а когда прогнали немцев, то дела пошли ещё лучше, поскольку весь доход оставался на фабрике, и, главное, после немцев осталась вся техника компании «Зингер» – ткацкие станки, швейные и оверлочные машины.

– Дядя Мейлох, – однажды не удержался, чтобы поинтересоваться Мойша. – Как получить надел земли?

– Зачем это тебе? – приподнявшись и подперев голову рукой, уставился мужчина.

– Семья у нас... – растерялся Мойша. – Нам бы пшеницу свою. Кукурузы немного...

– А-а-а, будет вам и пшеница, и кукуруза, и ячмень, – отворачиваясь к стене, сквозь зевоту сказал Мейлох. – Приходите с отцом и братом сегодня после девяти вечера.

Лицо мальчишки просияло. Вот и он внёс свою лепту в обогащение семьи. Весь день, занятый пересчётом несметных богатств хозяина, он мечтал, как сообщит отцу и брату о том, что у них появится собственный земельный надел, и они смогут выращивать на нём собственную пшеницу и кукурузу. Удачными в этот день оказались и подсчёты – рядом с Мойшей лежало девять рублей – четыре мелочью и пять по рублю. Эти деньги с лёгкой и щедрой руки дяди Мейлоха перешли в его собственность. По дороге домой Мойша отложил два рубля в свои сбережения, рубль приготовил отдать Зелде, а всё остальное – отцу.

Обрадованный сообщением сына, Лейба даже нарядился в выходной костюм, собираясь к благодетелю. В назначенный час трое мужчин Райшевичей предстали перед Мейлохом.

– А-а, да, – по лицу хозяина было видно, он забыл об обещании. – Идёмте.

Все прошли в сарай. Мейлох достал два пустых мешка, один сунул в руки Лейбе, другой – Якову.

– Мойша, иди сюда, – приказал хозяин, развязывая крестьянские мешки с зерном. – Помогай, – с этими словами Мейлох набрал из мешка полные жмени зерна. – Ну, чего стоите? Мешки раскрывайте. А ты, Мойша, иди к той стенке, там стоят мешки с кукурузой. Яков, с ним иди. И смотри, много не бери. Две-три жмени с каждого мешка, не так заметно.

Через пару часов Райшевичи возвращались домой, став обладателями двух мешков пшеницы и стольких же кукурузы. Удручённые способом приобретения, но довольные тем, что теперь и у них есть своя мука и не будут нахлебниками в семье болгарина.

К середине августа в хозяйстве Мейлоха работы прибавилось – пошёл новый урожай. Десятки подвод стекались к романовской мельнице. Крестьяне дневали и ночевали на улице, ожидая очереди, а главное, гадая когда же на мельнице закончится профилактика механизмов. В это время в доме Мейлоха шло крупное совещание между администрацией мельницы и хозяином. Урожай выдался богатый, а значит, предвещал и большие барыши.

– Ну не могу часто закрывать мельницу на профилактику, – стонал под напором уговоров Мейлоха заведующий мельницей. – Ты пойми меня правильно, застукают нас.

– Кто тебя застукает? – не унимался коммерсант. – Ты же можешь работать сверхурочно, если идёт большой наплыв?

– Допускается инструкцией, – обтирая обильный пот, соглашался заведующий.

– Вот и хорошо. Нагрянет проверка, а ты ей скажешь – мол, так и так, днём не успели, ночью домалываем. Всё в интересах крестьянина. И держи «благодарность» наготове, – с этими словами Мейлох подsunул под руку заведующего газетный свёрток. – Тут кругленькая сумма. Думаешь у них там, наверху, деньги не любят?

– Ох, подведёшь ты меня под монастырь, – тяжело вздыхал заведующий, беря свёрток. – А моя доля где?

– Вот и твоя доля. – И Мейлох подsunул следующий свёрток, который так же благополучно спрятался в больших карманах френча завмельницы.

– Только сделай так, чтобы никто не собирался на площади перед мельницей, – на прощание распорядился заведующий.

– Всё будет сделано, – дружелюбно похлопав того по плечу, сказал Мейлох. – Подошлю кого-нибудь,

пусть слух пустит, а мы их тут быстро разгрузим.

У Мойши появилась новая обязанность. По поручению хозяина он ни свет ни заря отправлялся к мельнице и, околавываясь среди крестьян, пускать слух, будто мельница откроется не раньше, чем через неделю.

– Кому надо быстро, – между прочим подсказывал он, – может обратиться к хозяину вон тех высоких ворот.

Поразмыслив, чествуя на чём свет стоит работников мельницы и администрацию, крестьяне отправлялись к Мейлоху и за небольшую плату устраивали свой груз на хранение, а за приличное вознаграждение – и скорый помол.

Пока мужчины были на работе, Зелда по возможности старалась помогать Марусе, справляться по хозяйству. Если семья Мити на время заняла одну комнату в доме Кислянских, то Райшевичи разместились в трёх. Зелда с самого утра принималась наводить порядок во всех комнатах своих мужчин. Много хлопот доставалось от комнаты мальчишек.

– Ума не приложу, – удивлялась Зелда, делясь с Марусей, – когда они успевают перевернуть в комнате всё вверх дном? Приходят ночью. Рано встают, а после них, словно цыганский табор ночевал.

Маруся только улыбалась, продолжая следить за готовящейся едой. У неё в комнате всегда был порядок, и она терпеливо ждала, когда семья вернётся в свой дом. Помешивая в кастрюле, Маруся успевала поглядывать за играющими во дворе младшими детьми.

– Ваша так похожа на вас, – задержав взгляд на Идочке, подметила Маруся.

– Да, от папы ничего нет, – согласилась Зелда.

– Где он?

– Похоронка пришла, – ответила спокойно Зелда. – А ваш был на войне?

– Был, – Маруся осеклась, но, что-то решив про себя, продолжила. – В румынской армии.

– Да? – пристально глядя на женщину, удивилась Зелда. – И что же?

– Ничего. Пришли советские, спросили, кто пойдёт воевать. Мой отказался. Много отказались, – и, выглянув в окно, уgomонила детей. – Хватит ссориться! Стёпка! Получишь!

Мальчишка подскочил с корточек и, ища мать в окне, промямлил:

– А что я? Я ничего. – Не услышав материнского голоса, продолжил. – Мы скоро уедем, – важно сообщил Стёпка Идочке, которая перекладывала песок деревянной лопаткой, изготовленной специально для неё дядей Митей. – Вот папа дом достроит, и мы уедем.

– Мы тоже скоро уедем, – вторила мальчику девочка.

– Никуда вы не уедете, – упрямылся тот. – Вашего дома нет, а отец ваш не спешит строить новый.

– Уедем, – надув губы, упрямо повторила Идочка. – Мой папа тоже дом строит.

– Что же он вечерами дома сидит? Мой папа целый день работает, а каждый вечер едет на стройку.

– Мой тоже строит, – не сдавалась Идочка. – Только ты не видишь.

– Ага-а, не вижу...

– Стёпка! Я кому сказала?! – снова крикнула из окна Маруся.

– Ваш совсем беленький, – разглядывая играющих детей, сказала Зелда.

– У меня все были беленькими, поначалу. Это они потом становятся чёрненькими, – с любовью в голосе произнесла Маруся и, сделав паузу, с особым трепетом закончила: – Все в отца.

Женщины снова умолкли, погрузившись в свои думы.

– Вы были у себя? – прервала молчание Маруся. – Отстроились бы.

– Собираемся. Папа всё время откладывает, волнуется. Он говорит, надо подождать, какая власть будет. Ждёт, когда будут компенсации выдавать пострадавшим от бомбёжек?

– Ой! – с иронией вздохнула Маруся. – Мой не ждёт. Когда она будет, да и будет ли? Всем сейчас тяжело. Стёпка! – за разговором женщина внимательно следила и за детьми. – Ты куда? Со двора ни ногой!

– Не-а, мама. Мы тут, – снова оглядываясь по сторонам и ища мать, ответил мальчик. И, снова не услышав материнского голоса, продолжил игру с Идой. – Мой папа в подвале нашёл такие красивые штучки. Хочешь, покажу?

– Покажи.

– Идём за мной.

Дети спустились в подвал, и Стёпка принялся откидывать тюки с овечьей шерстью. Под ними был спрятан огромный сундук. Он вытащил из него чёрный мешочек с чем-то очень тяжёлым.

– Вот смотри!

– Это же вилки, чтобы есть, – равнодушно взглянув, сказала Идочка.

– Как есть? – удивился Стёпка. – Они такие красивые!

– Серебряные, – не обращая внимания на конфуз мальчика, Идочка старалась поднять тяжёлую крышку сундука. – Давай посмотрим, что там ещё есть?

– Нельзя, – обидевшись, отрезал он. – Папа заругается. Это принадлежит хозяевам дома. Там ещё есть много денег, – всё-таки не выдержал Стёпка. – Хочешь, покажу?

– Покажи!

И Стёпка раскрыл настежь сундук. Чего только не было в том сундуке. Порывшись, он достал перетянутую бечевой толстую пачку красноватых бумажек.

– Вот, смотри.

– Ух ты-ы. Что тут написано?

– Царские асгинации, – запинаясь, прочитал Стёпка и покраснел. Он не умел читать, а повторил то, что слышал от отца. – Ладно, клади всё назад. И смотри! Это страшная тайна.

– Хорошо. – Идочка прикрыла рот двумя руками, показывая другу, она будет хранить эту страшную тайну.

Заканчивалось лето. В Бессарабии оно ласковое, не очень жаркое, пахнущее зрелыми травами и наполнено радостным свистом скворцов, восседающих на больших деревьях шелковицы, как на своей собственности. Подходил к завершению полевой сезон. Дни приняли тот размеренный ритм будней, который всегда наступает после жаркой страды. В одни из выходных Райшевичи наконец решились провести место, на котором стоял их дом.

– Боже! Как у меня колотится сердце, – нет-нет, да и восклицал Лейба, обтирая платком подступающие слёзы.

Как и рассказывали люди, вся улица была закатана танками. В некоторых дворах, точнее, в очертаниях бывших дворов, сиротливо стояли редкие куски стен с крупными пробоинами от снарядов. От представшего зрелища по щекам Лейбы текли неумные слёзы.

На месте их дома, как и во всех бывших дворах, высоко поднимался бурьян. Из вспомогательных построек ничего не осталось – всё сгорело. У линии забора с наружной стороны двора был выкопан ров размером с большой танк. От самого дома остался небольшой кусок стены, выбеленный известью, замешанной на крупном речном песке.

– За четыре года произошли большие перемены, – тихо заговорил Лейба, то ли с самим собой, то ли с детьми. – Вы выросли, а дома нет, – он осёкся, пытаясь удержать накатившее волнение, но разрыдался, показывая рукой на руины. – Этот дом заказывал построить ещё мой дед. Меня назвали в его честь, – прерываясь приступами плача, старался выговориться отец. – На этом месте был пустырь. Дед позвал из соседнего села болгар. Это очень трудолюбивые люди. Пришли всем селом... Нет нашего дома... – мужчина снова разрыдался, а успокоившись, продолжил: – В нашем селе была замечательная традиция коллективного труда. Самые трудоёмкие работы – выкопать траншеи под фундамент, потом вывезти землю, завезти глину для изготовления самана и перекрыть потолки – эти работяги, делали так быстро и слаженно, как муравьи. Представляете, дети, весь строительный материал свозили на подводах. Прекрасные лошади месили глину для изготовления самана.

– Деда! Деда! – позвала Идочка. – Здесь что-то написано!

Семья окружила девочку, и все обомлели. На оставшемся куске стены дома была сделана запись: «Дорогой товарищ! Я, Сруль Райшевич, осенью 1944 года лично участвовал в освобождении моего села. Убедительно прошу, если вы что-то знаете о местонахождении моих близких: мамочки Эммы, папы Лейбы, братьев Миши и Яши, сестры Зелды, сообщите мне по адресу... С благодарностью С. Райшевич!»

На место, где должен был бы написан адрес, Лейба положил руку и погладил образованную снарядом выбоину.

– Вот и нашли старшего, – обессиленно опускаясь на колени, зарыдал Лейба.

Морально разбитые, Райшевичи возвращались домой. У калитки Лейба поцеловал дочь в лоб, погладил по головке Идочку, потрепал по волосам мальчишек.

– Заходите в дом, я сейчас.

– Ты куда, пап? – взволновалась Зелда.

– Схожу к Мейлоху.

– На ужин не опаздывай.

– Деда, – повторила за матерью Ида, – на ужин не опаздывай.

– Что бы я без вас делал?! – растроганный дед поднял внучку на руки и расцеловал.

Лейбе надо было выговориться, уж очень тяжёлой пришлась неожиданная весть о судьбе старшего сына. Отец спешил, как он считал, к благодетелю своей семьи, Мейлоху. В его понимании – это был единственный человек, который мог понять горе отца, драму мужчины, потерявшего жену и сына.

Семейство Мейлоха садилось за стол ужинать. Приходу работника никто не обрадовался. Наоборот, как только тот вошёл, в доме нависла тревожная тишина. Сара выставляла еду и старалась ни на кого не смотреть. Сыновья исподлобья обменивались ухмылочками. И только хозяин пристально уставился на незваного гостя. Почувствовав прохладный приём, Лейба растерялся и застыл у дверей, не находя слов.

– Проходи к столу, – громко сказал Мейлох и многозначительно посмотрел на супругу. Та мигом доставила ещё одну тарелку и столовый прибор.

– Слышал, ходил к дому? – начал разговор хозяин, пока гость располагался.

– Да, – покачал головой Лейба и быстро зажал рот, стараясь удержать рвущееся наружу рыдание.

– Ну-ну, успокойся, брат, – Мейлох заботливо погладил мужчину по спине. – Покушай. Сейчас выпьем... Ну-ка, мать, доставай нашу, любимую – пшеничную.

– Сын оставил записку, – задыхаясь от слёз, выговорил Лейба.

Присутствующие замерли с полными ртами. Сара так и опустилась на стул там, где стояла и с тревогой в глазах вперилась в спину работника. Только убитый горем отец не замечал происходящих изменений и того напряжения, которое охватило семейство.

– Какой сын? – найдя в себе силы, осторожно поинтересовался Мейлох, бесшумно дожёвывая кусок.

– Мой сын, – в истерике выпалил Лейба. – Он освобождал нашу Романовку. Он оставил записку... – Мужчина не смог договорить, всем телом задрожал, падая головой на стол.

От услышанного семья Мейлоха содрогнулась. Все устремили взгляды на главу семейства, но тот также сидел растерянным и не знал, что предпринять.

– Как у нас, – неожиданно подняв голову и постучав пальцем по ложке из серебряного столового прибора, произнёс Лейба. – Надо же, – взирая на всё вокруг потерянным взглядом, продолжал мужчина, вертя в руках маленькую ложечку, которую он достал из горчичницы. – Точно такую мы покупали нашему Мойше, когда у него появился первый зубик. Эмочка сама выбирала. – Убитый горем мужчина снова разрыдался.

– Это с нами кто-то из крестьян расплатился... – дрожащим голосом попытался объяснить Мейлох, но неожиданно для домочадцев резко встал и, обхватив Лейбу за плечи, поднял того. – Всё понял! – голос Мейлоха зазвучал уверенно и бескомпромиссно. – Идём со мной.

– Куда? Зачем? – не понимая, хотел отстраниться Лейба, но хозяин, крепко обхватив того за плечи, увлек за собой.

Когда они зашли в самую дальнюю пристройку к дому – холодную комнату, такие комнаты есть в каждом крестьянском хозяйстве, Мейлох начал откидывать мешки, пробираясь к середине. Очистив пространство, он потянул за утопленную в пол ручку и откинул крышку.

– Сейчас, подожди, – и, часто перебирая ногами, спустился подпол. – Вот, гляди, – вытаскивая огромного размера, обитый кованым железом, сундук, сказал Мейлох. – Мы выбрали его на вашей улице. Я не знаю, чей. Открыть не смогли. Забирай себе. Придумаешь со своими пацанами, как открыть.

Лейба стоял, не шелохнувшись и не отрывая взгляда от сундука.

– Ну, хочешь, я тебе ещё один дам? – не зная, как расшевелить мужчину, неожиданно вырвалось у Мейлоха.

– Тоже на дороге нашёл? – Лейба с укоризной посмотрел на хозяина.

– А тебе какое дело? – голос Мейлоха зазвучал угрожающе, и «дипломат» потянулся за лежащим на лавке молотком.

– Мне всё равно, – равнодушно ответил Лейба, отворачиваясь. Он струсил.

– Вот и хорошо, – шепотом проговорил Мейлох, выдыхая с облегчением. – Я тебе тачку дам, отвезти домой. Только тачку завтра вернёшь.

Вдвоём они погрузили сундук и, уперевшись грудью в ручку, Лейба покатыл поклажу домой.

Долго всматривался Мейлох в темноту и вслушивался в доносившийся скрип колёс его тачки. «Серебро надо спрятать, а потом продать, – бурлили мысли в его голове. – Нехорошо получилось. Но кто же знал? Всё надо вывезти и продать. Как же есть без серебра? Придётся новое покупать. Куда же Кислянки спрятали свои сбережения?»

Его расчётливый коммерческий разум взвешивал все за и против планов на ближайшее будущее и провернутой только что сделки.

Владимир УЛАНОВ

Княжеский крест

Исторический роман

*Тогда Иисус сказал ученикам своим:
если кто хочет идти за Мною, отвергнись
себя и возьми крест свой, и следуй за Мною.
Мф. 16,24 из Евангелия*

*Будьте мудры, как змеи, и
просты, как голуби.*

Из Св. писания

Часть 1 Испытание

*О, злее зла честь татарская.
Из летописи*

1

Ранней весной Иннокентий четвертый, глава католической церкви папа римский, сидел у раскрытого окна, наслаждаясь вечерней прохладой. В парке его резиденции буйно цвели сады, принося в помещение, где находился священнослужитель, тонкий аромат цветущих деревьев. В этом году весна пришла ранняя, теплая, радовала солнечными и даже жаркими днями.

В это время мысли папы римского были далеко от своей благодатной страны. Сейчас его волновало совсем другое. Как глава католической церкви, он заботился о расширении ее сферы влияния на веру и умы народов. Почти вся Европа была беспрекословно подчинена римской церкви. Везде были его ставленники кардиналы, посланники иезуиты, которые несли слово божье верующим и еретикам. А кто не хотел попадать под влияние истинной веры, для тех применялись различные методы соблазна, запугивания и насилия. Иезуиты – верная гвардия папы – ради истинной веры шли на подкуп, лесть, обман, а в некоторых случаях применялись яд, кинжал и завоевание чужих земель для насаждения католичества. На все это их благословлял глава католической церкви, обещая им прощение всех грехов и вечное блаженство в раю после смерти.

Сегодня думы Иннокентия, прежде всего, были о непокоренных еретиках – литовских и финских народах, а особенно русских. Необъятная и богатая Русь издавна не давала покоя римской церкви. Видя раздробленность Руси, вражду между князьями и их обособленность, неумение объединиться против своих врагов, еще в декабре 1237 года папа Григорий девятый призывал начать крестовый поход против еретиков русских. Политическая обстановка на Руси давала надежды большого успеха задуманного похода. Русь была разделена на многие княжества с самолюбивыми, завистливыми и алчными князьями, которые постоянно вели междоусобные войны. Кроме того, татарские орды сначала Чингисхана, а затем хана Бату полностью ослабили Русь и разорили западные и южные княжества русских. Появилась возможность отхватить лакомые кусочки от Литовского, Галицкого и Новгородского княжеств. Но там католикам оказали жесточайшее сопротивление, особенно русские под предводительством Александра Ярославича, новгородского князя. Завоеватели новых земель – шведы и немецкие крестоносцы – были полностью разбиты талантливым полководцем на Неве и Чудском озере. Не добившись желаемого, католическая церковь не успокоилась. Папа Иннокентий решил добиться своего если не силой, то хитростью и попытаться переманить русских на свою сторону, используя непростое положение Руси как во внутренних расприх между князьями, так и с Золотой Ордой, которая жаждала покорить русские земли. Они уже опустошили большую часть княжеств непокорной Руси. Ненасытные полчища татар грабили завоеванные земли, сжигали города, убивали и угоняли людей в плен на непосильные работы. Все это давало возможность католической церкви попытаться использовать сложившуюся обстановку в своих целях.

Осмыслив все это, Иннокентий решил действовать, но уже по-другому, более осторожно, брать хитростью, лестью, коварством ради божьего дела, дабы обратить заблудших еретиков в католическую веру.

От всех этих размышлений его оторвал брат Гавидо, который был у него в услужении. Монах неслышно подошел к папе и сообщил:

– Ваше святейшество, к вам пришли кардиналы Вильгельм де Рубрук, Плано Карпине и иезуиты монахи Гольд и Ремонт.

Иннокентий сразу же оживился, на его суровом лице промелькнуло подобие улыбки, в глазах появились радостные огоньки. Его худощавое лицо немного оживилось, но он быстро овладел собой, надел маску неприступности и суровости и уже с безразличием произнес:

– Зови их, брат Гавидо.

Монах открыл дверь, позвал священнослужителей и удалил пропуска приглашенных. Те неспешно приблизились к папе, по очереди приложились к сухой ручке Иннокентия. Тот пригласил их сесть на кресла, которые стояли вдоль стены.

После того как кардиналы и монахи удобно расположились, Иннокентий произнес:

– Я пригласил вас для очень важного разговора о деле, которое потребует много сил и, возможно, даже вашей жизни ради нашей святой веры.

Приглашенные смиренно слушали, опустив глаза в пол, не задавая вопросов.

Папа, пристально глядя на сидящих перед ним служителей католической церкви и Ватикану, своим старческим, но еще сильным голосом продолжал:

– В странах Европы наша церковь имеет почти везде свое влияние и беспрекословное подчинение нашему слову божьему, кроме Литовского княжества и княжеств Руси. И это вы не хуже меня знаете, что с востока идут несметные полчища варваров, так называемых татаро-монгол. Они уже разбили в пух и прах русских на реке Калке и опустошили южную и западную Русь. Мало того, их хан Батый, который образовал свое ханство в низовьях реки Итиль, без особого сопротивления прошел почти всю Европу, завоевал венгерское княжество и вышел к Адриатическому морю. Но благодаря тому, что ханы, которые шли вместе с Батыем, рассорились из-за соперничества за власть и ушли от него, это спасло нас от нашествия варваров, а Батый, побоявшись, что у него в тылу непокорные русские, приостановил поход и вернулся на реку Итиль, где основал город Сарай. Поэтому мы, во что бы то ни стало, должны распространить свое влияние не только на русских, финнов, литовцев, но и на татар. Наши иезуиты обязаны быть везде и наставлять этих варваров словом божьим нашей католической церкви.

Вильгельм Рубрук заерзал на своем креслице и, перебив папу, спросил:

– Неужто, ваше святейшество, думаете нас послать к этим дикарям и варварам? Они ведь еще не люди! Татары ходят в шкурах, и у них обычаи, как у хищных животных. Эти люди не щадят не только другие народы, но и друг друга. Ехать-то туда, ваше святейшество, даже страшно.

– Не надо бояться, брат Вильгельм, с вами будут распятие, святое писание, слово божие и мое благословение.

Кардинал Рубрук примолк, смиренно опустил голову, перебирая четки.

Иннокентий продолжил, вкладывая в слова интонацию, не терпящую никакого возражения:

– Вам, Вильгельм Рубрук, Иоанну де Поликарпо и Плано Карпине предстоит путь в Орду и далее в центр варварского гнезда Каракорум. Путь будет дальний и опасный. Поэтому к путешествию готовьтесь тщательно, подберите с собой каждый по несколько монахов и иезуитов для выполнения различных поручений и для связи со мной. Мне постоянно пишите полные отчеты о вашем путешествии: что увидите, услышите, а также о деяниях, которые вы будете совершать ради святой церкви и распространения нашего божьего слова. Тебе, Вильгельм, быть главным во всем этом деле. Ваша задача, кардиналов святой католической церкви, вести переговоры с татарами. Их не бойтесь, они терпимы к любой вере, хоть и язычники. Кроме того, старайтесь русских князей столкнуть лбами как между собой, так и с татарами. Не гнушайтесь ничем. Сейчас русские князья приезжают на поклон к Батые, а также к царице татарского престола регентше Туракине сына своего Гаюка, чтобы получить ярлык на княжение в своих же княжествах. Предлагайте татарам свою дружбу и любовь, не гнушайтесь обещаниями, дарите им подарки.

– Ваше святейшество, – прерывая речь папы, неожиданно спросил Иоанн де Поликарпо, – где же мы подарков дорогих наберем?

Папа нахмурился, недовольный тем, что его прервали, но с раздражением ответил:

– Все, что вам нужно, будет выделено из нашей казны. Мы не пожалеем сил и средств для того, чтобы обеспечить безопасность Европы от татарского нашествия. Хотя великое царство, которое создал Чингисхан, уже стало распадаться на отдельные улусы и орды, но опасность для нас еще велика. Надо сделать так, чтобы татары рассорились с русскими и воевали друг с другом. Мы в это время будем действовать по принципу: разделяй и властвуй. Попытаемся подчинить под свое влияние Литовское, Галицкое и Новгородское княжества.

После этих слов Иннокентий повернулся в сторону монахов Гольда и Ремонта и, обращаясь к ним, в приказном тоне сказал:

– Вам же, братья, Иисусовы слуги, придется отбыть в Новгородское княжество. Возьмете с собой тоже монахов и иезуитов, пусть они поживут в Литовском и Галицком княжествах, а в Новгород к князю Александру явитесь сами и попытайтесь его уговорить венчаться королем Руси с принятием католичества. Он пока почему-то не торопится посетить татар, либо что-то выжидает, либо что-то задумал. Своего старшего сына Андрея князь Ярослав уже давно отправил в Каракорум, и он уже у татар доживает второй год, и, как сообщают мне братья монахи, сам Ярослав собирается отбыть сперва к Батыю, затем в их столицу.

И, обратившись к Иоанну де Поликарпо, наставительно сказал:

– Тебе же, брат Иоанн, необходимо любым путем помешать переговорам князя Ярослава и, самое главное, стравить их друг с другом. Здесь все средства хороши. Запомни, мир между татарами и русскими нам не нужен.

Монах Иоанн поднял голову, перестал перебирать четки и озабоченно спросил:

– Сколько же дней пути до Каракорума?

– Наверно, месяца два, а может, и три, как будете поторапливаться в пути, – ответил Иннокентий, поправляя шапочку на голове. Он медленно встал и стал прохаживаться по своему кабинету. Подошел к раскрытому окну и, вглядываясь куда-то вдаль, не поворачиваясь к своим собеседникам, сказал:

– Ради веры нашей, ради слова божьего и наставления варваров на путь истинный мы пойдем куда угодно, мы понесем слово божие.

Папа повернулся к сидящим, поправил свою мантию и, снова усевшись на искусно отделанное слоновой костью и золотом массивное кресло, которое больше походило на трон, продолжил:

– Вспомните, братья мои, скольким уже народам мы указали путь к вере в господя нашего, принесли варварам культуру, вложили в их умы и уста божие слово. Наш путь не был устлан розами и богатством, он был тернистым и даже мученическим. Многие братья ради нашей веры положили свои жизни, но знайте, Господь все видит, все знает. Каждому из вас воздастся по заслугам за служение Господу, и будет вам вечное блаженство в чудесных садах рая.

– Ваше святейшество, на какое время нам планировать путь в далекие края? – смиренно спросил Плано Карпине.

– В ближайшее время вы должны отправиться в дорогу, чтобы опередить владимирского князя Ярослава. Вам, прежде всего, нужно у татарских ханов до прибытия русских создать о них отрицательное мнение.

Плано Карпине приподнял голову, устремив преданные голубые глаза на папу, смиренно спросил:

– А если татары нам не поверят, что тогда?

Усмехнувшись, папа ответил:

– Возможно, и не поверят, но своим словом вы внесете сомнения в их умы, а это уже немало. Татарские ханы редко кому доверяют. Они тоже, как и русские, враждуют меж собой, соперничают из-за власти. Придет, конечно, время, когда это варварское государство развалится, но это будет еще не скоро. У татарских ханов всегда рождается много детей. Сыновей своих они наделяют владениями, где они могли бы кормиться, иметь свою армию и повелевать народами. Все это приводит их к вражде между собой. А если вы очень тонко намекнете, что русские князья что-то замышляют против них, то им грозят большие неприятности. В этих случаях татары очень жестоки. Часто после приема в Орде и в Каракоруме вызванные князья лишаются жизни.

– А если и нас постигнет такая участь? – в страхе спросил Иоанн де Поликарпо.

– Едва ли. Во-первых, вы явитесь к варварам не с просьбами, а с божьим словом и с предложением великой дружбы. Кроме того, одарите их богатыми дарами. А это татары любят – брать и ничего не давать. И еще, они терпимо относятся к священнослужителям любой веры. Но предупреждаю: не лезьте сразу же к ним с нашей верой, а присмотритесь сперва. Изучите их жизнь, быт, каким идолам они поклоняются. Относитесь с уважением к их обычаям и верованиям, они это очень любят.

– А кто же у них Бог, кому они молятся? – опять спросил иезуит Иоанн.

– Молятся они, как утверждают монахи, уже побывавшие у них в логове, всеобщему Богу и Чингисхану. Они Чингисхана обожествили и обращаются к нему, считая, что он с неба все видит и слышит и помогает побеждать врагов.

Монах Гольд, поправив свою черную накидку с капюшоном, прекратив перебирать четки, подобострастно глядя на папу, спросил:

– А правда ли говорят, что татары заставляют всех пить свой отвратительный кумыс, а когда сильно угодишь хану, то в знак благодарности дарит женщину и заставляя на ней жениться? Как же быть в

таком случае?

Иннокентий на некоторое время задумался, затем ответил:

– Все это, конечно, искушение дьявола, но от кумыса и подарков хана ни в коем случае не отказывайтесь. А если уж и подарит вам хан татарку, спать с ней и грешить вас никто не заставляет. Пусть будет у вас в услужении. Но это не самое главное, что вы встретите на своем пути, много вас еще ждет испытаний, поэтому будьте мудрыми.

Все присутствующие молчали, никто больше не проронил ни слова, весь их вид выражал покорность и желание служить Богу. Они не принадлежали себе и поэтому по первому же зову должны были идти хоть на край света, чтобы нести божье слово.

2

В этом году осень выдалась теплая и почти до самого ноября радовала хорошей погодой. Деревья уже скинули листву, стояли обнаженные и тихие, как бы ожидая зиму, когда она наконец-то наступит и оденет их в белые шубы, покроет ветви серебристым инеем. И действительно, уже к концу месяца стало холодать, полетели первые снежинки. Подул холодный ветер.

Князь Александр Ярославич со своей дружиной подъезжал к городу Владимиру, где правил его отец князь Ярослав Всеволодович. Он спешил и не давал передохнуть своим ратникам. Многочисленная конная дружина князя была хорошо вооружена. Закаленные в боях воины понимали, что надо поторапливаться, и никто из них не произнес слов недовольства.

На каждом воине поблескивали кольчуга и латы, к седлу приторочено копье, щит круглый или треугольный, сбоку пристегнут изогнутый или прямой меч. На голове сферической формы шлем с невысоким шишаком, который отводил в бою от смертельных ударов меча, топора или кистеня.

Сам же молодой князь Александр заметно отличался от своих воинов и по военному снаряжению, и внешним видом. Его лицо, на первый взгляд румяное и добродушное, уже носило на себе печать власти. В переносье пролегли две не по годам глубокие складки, а голубые глаза во время решительных действий становились синими, светясь стальным блеском. Из-под шлема с откинутой полумаской выбилась темно-русая прядь волос с ранней сединой. С левого боку в ножнах был пристегнут длинный острый меч с перекрестием и полуторной рукояткой. Вместо кольчуги были надеты пластинчатые доспехи с нагрудными зеркальными бляхами, на запястьях поблескивали стальные поручни, а на ногах наколенники. Сверху небрежно накинута плотная красная накидка.

Князь спешил, боясь, что не захватит отца, который собирался в ближайшее время отправиться в Орду, а там и в Каракорум.

Александр Ярославич за победу над шведами на Неве был прозван в народе Александром Невским.

Знал бесстрашный воин, что путь его отца к татарам будет нелегким. Часто русские князья, вызванные татарами на поклон к ханам, пропадали бесследно в степях или были убиты по прихоти татарских ханов. Поэтому-то тревожился Александр за своего отца, зная, какие испытания ждут великого князя владимирского.

Вот и показались высокие стены Владимира. Александр Невский, не ожидая, когда подойдут его обоз и утепленные крытые возки, в которых ехали его жена Александра с дочерью и сыном Василием, пришпорил коня и, увлекая за собой всю дружину, во весь опор помчался к воротам города. Со стен дзорные, увидев воинов, дали знак о приближении к крепости ратников. Вскоре на колокольне ударил набат, извещающий город о великой радости – приезде Александра Невского. Городские ворота распахнулись, ожидая путников. А у ворот появился и сам Ярослав, и его приближенные воины и слуги. Князь с нетерпением ожидал сына, чтобы обнять его и провести в готовые хоромы, которые недавно отстроили специально для Александра. Отец его очень любил, чем вызывал ревность у других своих детей. Это были, что называется, родственные души. Все их мысли и дела были схожи, и они подолгу просиживали за беседой при редких встречах. Они оба хотели укрепить Русь как единое государство, прекратить споры и войны между князьями, чтобы дать отпор нападающим врагам с запада и востока.

Александр у ворот остановил коня, бросил поводья, подбежал к отцу, и они обнялись и расцеловались.

– Я уж, батюшка, не чаял, что захвачу тебя еще здесь!

– Зря так спешил, сын, я ведь двинусь в путь, когда ударит хороший мороз, когда станут реки. Уж больно хлопотно через них сейчас переправляться. Так что, сын, у нас с тобой еще недельки две будет возможность провести вместе. А жена и детки-то где? – спросил князь Ярослав.

- Да вот они, в возке подъехали, – указал Александр на подъезжающую крытую повозку.
- Погляжу на своих внучат, какие они стали, – сказал князь и пошел встречать сноху с внуками.
- Дед, а дед, что же ты и меня не обнимешь? – подойдя к великому князю, спросил маленький внук Василий.

Ярослав с удивлением посмотрел на мальчика, одетого по росту в кольчугу, в шлеме и с маленьким мечом на боку, и воскликнул:

– Надо же, внук мой княжич Василий! Настоящий воин! – И обнял его, приговаривая: – Воин-то какой стал, пора уже и княжить. Надобно подобрать тебе княжество. Где княжить-то хотел бы? – хитровато прищурившись, спросил дедушка.

– А вот ты, великий князь владимирский, уедешь к татарам, а я останусь за тебя править княжеством.

– Вот это достойный ответ княжича! – восхитился Ярослав, а затем добавил: – Вот только ты еще маленько маловат, но уж осталось немного. Сколько тебе уже годиков?

Василий, выпятив грудь, гордо ответил:

– Уже шестой год пошел. Пора уже скоро княжить. Вот ты уедешь в Орду, я за тебя и останусь.

Все окружающие заулыбались, а дед, подняв внука на руки, поцеловал его, с улыбкой сказал:

– Сразу видно, чья кровь течет у этого молодого князя! Настоящий витязь! Наверно, и князь из него хороший будет. Есть нам теперь, Александр, на кого дело свое оставить!

Поставив на ноги внука, Ярослав Всеволодович обнял сноху Александру, поцеловал внучку со словами:

– А ты, Александра, все хорошеешь, и дочь вся вылитая в тебя уродилась, чем больше она становится, тем больше на тебя похожа. Видно, с князем Александром живете душа в душу. Ведь недаром на Руси говорят: если жена хорошеет, значит, муж жалеет свою суженую.

– Жалеет батюшка, не обижает. Вот только редко бывает дома. Опять готовит поход на литовцев. Говорит, одолели они русскую землю своими набегами. И не знаешь, батюшка, после таких походов принесут его на щите, или калекой вернется, или убьют злые враги, но пока Господь милует его. Видно, Господом ему предначертано нести свой тяжкий княжеский крест.

После слов княжны отец и сын многозначительно, с улыбкой переглянулись, и Ярослав сказал:

– Видно, и вправду Богу угодно, чтобы мы за свою Русь, за свой народ радели, не жалея живота своего.

Великий князь, взяв за руки внучку Евгению и внука Василия, повел их в ворота, увлекая всех гостей за собой.

Жители города стояли вдоль дороги, которая вела к новым хоромам князя, желая увидеть народного героя, витязя Александра Невского. То и дело из толпы слышался крик:

– Слава Александру Невскому! Слава нашему герою!

Александр смущенно улыбался, с интересом разглядывая горожан. А люди все прибывали и прибывали, каждый из них хотел увидеть прославленного полководца и даже прикоснуться к нему. Многие помнили его, когда он был еще совсем маленьким княжичем.

Князь Ярослав с внуками и женой сына Александрой вошли в новые княжеские хоромы, а Невский задержался на подворье для того, чтобы дать распоряжения по размещению своей дружины. Он стоял в окружении сотников и десятников, указывая им, где какая сотня расположится на постой, когда на подворье рысью въехали его братья Константин и Андрей. Завидев брата, соскочили с коней, бросили поводья, радостно улыбаясь, подошли к гостю. Константин обнял Александра, расцеловал его крест на крест по-христиански, похлопав по плечу, сообщил:

– А мы тебя, братец, сегодня не ждали и с Андреем решили немного поохотиться в ближних лесах.

– И, указав на притороченную дичь и кабана, привязанного и переброшенного через седло, пояснил: – Нынче в лесу прорва дичи, и кругом ходят кабаны стада. Видно, после опустошительных разорений и пожаров южных русских земель даже птицы и звери лесные ушли к нам.

– Но вы, братцы, молодцы, – похвалил Александр, – как раз свеженины добыли к нашему приезду. Будем готовить твоего кабана на вертеле и попьем медов и хорошего вина.

Андрей, стоящий сзади Константина, наконец вышел вперед, подошел к брату, и они обнялись. Невский, обнимая Андрея, сказал:

– И здоров ты, братец, стал, пора тебе где-нибудь княжить. Может, уж давно бы княжил, если бы не татары. Теперь они раздают по своему велению ярлыки на княжение. Без Орды и Каракорума мы ничего не решаем. Пока ханша Туракина не повелит, где кому править.

Александр повернулся к Константину, спросил:

– Ты, братец, проехал Русь, степи, побывал в самом логове монголов. Неужели Русь действительно так разорена, как люди рассказывают, которые бегут к нам с южных земель?

– Так оно и есть, братец, – грустно ответил Константин и добавил: – Кругом сожженные города и поселения. Разрушены крепости Козельск, Смоленск и многие другие. Везде разорение и смерть, принесенная бесчисленными полчищами голодных татар. Только человеческие кости да стаи черных ворон можно увидеть на русской земле или оборванного нищего, упорно пробирающегося дальше от этих опустошенных мест, да конные разъезды монгол, рыскающих по степи в поисках добычи.

Александр Невский, перебив рассказчика, спросил:

– Скажи, Константин, чем же татары берут, неужели уж они так сильны, что побеждают всех своих противников?

– Представь, Александр, монгольского воина. Это низкорослый человек, скуластый, с узкими глазами, одетый в шкуры, на голове отороченный мехом колпак, на небольшой, правда, выносливой лошаденке без седла. Их воины имеют до трех луков с полным колчаном стрел и обязательно аркан, которым они владеют ловко. Более богатые вооружены кривым мечом, а некоторые пикой с крючком на конце, чтобы стаскивать человека с седла. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев. Так в основном выглядят все их воины. Против наших ратников они слабы и берут в бою большим числом, хитростью и коварством.

– А как же организовано их войско? – поинтересовался уже побывавший во многих битвах полководец.

– А это, Александр, еще интересней. Войско монголов делится на десятки, сотни, тысячи и тьмы. Во главе десяти человек стоит десятник, во главе десяти десятков – сотник, во главе десяти сотен – тысячник, а во главе десяти тысяч – тьмы – ставят двух или трех вождей, а подчиняются они кому-нибудь одному из них. Когда же войско воюет, то, если из десяти человек кто-то бежит с поля боя, умерщвляются все. Кроме того, если в бою кто-то из трусости не вступает в бой, то все тоже умерщвляются, а если из десяти в плен попадает хотя бы один воин и он не освобождается, то всех тоже умерщвляют. За невыполнение приказа начальника – смерть. Вот они поэтому и прут на своих врагов с таким упорством. Потому что у них нет выбора: или с честью погибнуть в бою, или остаться жить, если повезет, и еще быть с добычей.

– Да!.. – молвил Александр, покачав головой. – Действительно, трудно противостоять такому сплоченному войску. Немудрено, что наша русская армия была разбита на реке Калке, а затем на реке Сити, где погиб наш дядя великий князь владимирский Юрий Всеволодович.

– И это еще не все, Александр. Когда татары идут в поход, с войском движутся на повозках, запряженных лошадьми, верблюдами или быками, все их жены, дети со всем хозяйством. Воин свою добычу тут же доставляет по возможности в руки жены. И вот когда движется татарское войско, оно и вовсе кажется бесчисленным. А когда они осаждают крепость или город, защитники, увидев несметное количество костров ночью, иногда с перепугу без боя сдаются.

– Серьезный противник татары, – задумчиво произнес Невский.

– Уж куда серьезней, – подтвердил Константин и добавил: – Уж я-то насмотрелся на этих татар. До сих пор лихо. Думал, никогда не выберусь оттуда живым. Господь, видно, помог мне вернуться домой. Но вот теперь нашего батюшку ханша потребовала. Боюсь, как бы худо не было. Отец наш больно горяч, дров бы там не наломал.

– Не бойся, сынок, не наломаю, – неожиданно прозвучал голос отца, который подошел сзади, проводив Александру с детьми в княжеские палаты. – С татарами говорить с норовом – только себе вредить. Мне надобно получить от татарских ханов ярлык на правление княжествами. А ради этого я буду мудрым как змей и прост как голубь. Я думаю заключить с татарами мир, в битве нам с ними тягаться еще рановато. Надо еще Русь объединить, только тогда мы будем силой, которая станет противостоять им. Иначе они придут и разорят, и пожгут наши земли, города и поселения.

– Неужели, батюшка, ты хочешь с татарами мир водить, а не бить и уничтожать их любым способом? – возразил Андрей. – Я никогда не смирюсь с этими косоглазыми и буду уничтожать их всеми силами.

– И будет с твоей стороны очень глупо. Как только татары узнают, что ты с ними собираешься воевать, сразу же пошлют тьму, а может быть, и не одну. И вряд ли ты со своей дружиной устоишь против них. Только навлечешь на себя беду, – сказал Константин.

– Хватит, сыны мои, говорить, пойдемте в гридницу. Надо гостей наших угощать. Вон Александр с

дороги устал и, наверно, есть хочет. Про татар можно говорить сколько угодно, только нам от этого лучше не будет. О них мы потом поговорим поподробней. Константин почти два года у них находился. Все про них знает, потом обо всем нам расскажет. – И, обняв сына за плечи, повел его в княжеские палаты, увлекая за собой остальных сыновей.

– Я ведь не распорядился, чтобы мою дружину покормили, заговорили совсем меня братья с этими татарами, – вдруг остановился Александр.

– Не волнуйся, сын, я уже распорядился, чтобы твои воины хорошо покушали и напоены были медами.

Александр с благодарностью посмотрел на великого князя, ответил:

– Ты как всегда, отец, прежде всего думаешь о дружине, чтобы они были сыты и хорошо отдохнули.

– Да уж, сын, вся моя жизнь прошла в походах, поэтому привык заботиться о своих ратниках. А у тебя витязи как на подбор. Смотрю, многие из них, еще когда ты был подростком, в твоей малой дружине служили. Я сам набирал крепких ребят твоего возраста. А сейчас стали настоящие богатыри. Уделил бы мне десятка два таких витязей для сопровождения в татарское логово.

Александр молчал, не говоря ни да, ни нет.

– Что молчишь?

– Я не думаю, отец, что у тебя в дружине хорошие воины извелись, – улыбаясь, ответил молодой князь, – я сам у тебя хотел попросить на помощь часть твоей дружины для будущего похода.

– Никак в поход опять собрался? Кого же громить в этот раз?

– Литовцы опять зашевелились. Делают набеги на Смоленскую, Витебскую, Псковскую и Новгородскую земли. Надо проучить литовцев и отбить у них охоту грабить наши земли.

– Папские воины тоже не успокаиваются. Все мечтают от Руси отхватить лакомый кусочек, – грустно сказал Ярослав и добавил: – И время-то выбрали такое, когда мне надо ехать в Орду.

– Я один с ними справлюсь, вот тебя провожу и сразу же в поход двинусь.

– Ладно, Александр, хватит о наших врагах, идем в палату, там уже столы накрыты с шипучими медами и яствами. – Потом с грустью вдруг сказал: – На могиле вашей матери и жены моей Феодосии побывать бы. Да далеко до Новгорода, не ускачешь. А хотелось бы перед дальней дорогой. Уж больше года как она умерла, а я все еще не нахожу себе места. Славная была княжна, помогала мне вести все хозяйственные дела, а сейчас все в запустении. Вот приеду от татар, надобно все приводить в порядок.

Отец и сын вошли в гридницу, где были накрыты широкие столы, на которых красовались уже зажаренная дичь, разные закуски, сладости, вино и русские меды. Княжеские скоморохи грянули веселую музыку. Заиграли сопели, ударили бубны и накры, закрутились в веселой пляске шуты. Князь Ярослав любил веселую музыку, и скоморохи это знали, поэтому старались угодить великому князю.

Ярослав Всеволодович и Александр сели за стол, за которым уже сидела вся княжеская семья. Великий князь произнес:

– Давно мы уже вместе не собирались, чтобы повеселиться и от души поговорить. Кто знает, придется ли еще нам всем пировать за одним столом, один Господь ведает.

3

В этом году зимние холода наступили рано. Хотя еще только было начало декабря, а морозы ударили крепкие. Реки и озера покрылись толстым слоем льда, что значительно облегчало путь через реки посланникам папы Иннокентия 1V в Орду и далее в Каракорум в монголо-татарскую империю. От длинной и утомительной дороги, которую проделали кардиналы и монахи-иезуиты, все очень устали. Они молили Бога, чтобы она скорее кончилась. Путники ехали в крытых повозках и верхом на лошадях. Изнуренные дорогой лошади медленно тащились по равнине. Кругом была унылая степь, запорошенная снегом. Только иногда в оврагах и по берегам попадающихся речушек виднелись ивы и небольшие кустарники да высохшие камыши у берегов озер. Сухой ковыль, еще не спрятавшись под мелким снегом, колыбался под дуновением ветра, который пробирал путников до костей. Католики кутались в свои плащи с капюшонами, надев под них все теплые вещи, которые у них были. Но холод проникал повсюду. Путники, чтобы не замерзнуть совсем, часто выскакивали из повозок и шли рядом, чтобы согреться при ходьбе, а когда была возможность, останавливали караван, ставили повозки кругом, зажигали костер, грелись и готовили горячую пищу. Путь их был нелегок. Кроме всех трудностей, которые они встречали на своем пути, им часто докучали татарские разъезды, рыскающие по бескрайней степи в поисках добычи. Тогда служителям церкви приходилось с трудом отбиваться от наглых и назойливых татар и даже вставать в

оборону, вытащив оружие из-под плащей. Каждый иезуит прекрасно владел мечом и мог постоять за себя, но до кровопролитной драки дело не доходило, так как кардиналы сразу же приводили толмача, который сопровождал их в пути. Тот объяснял им, что это посланники римского папы, и показывал подорожную, присланную ханом Бату главе церкви Иннокентию, для свободного продвижения послов. Тогда татары требовали от путников подарков. На этот случай у монахов были заготовлены всякие безделушки из меди и цветного стекла.

Всякая дорога, какая бы она ни была длинная, и ей бывает конец. Уже к полудню путники на горизонте увидели татарскую столицу.

Вильгельм Рубрук велел всех предупредить, чтобы были готовы ко всяким неожиданностям. Из рассказов монахов он уже знал, что татарские воины, которые рыщут вокруг города, способны на всё. Он обратился к кардиналам и монахам:

– Братья, сейчас начинается самое трудное. Ведите себя спокойно, не вступайте с воинами хана в разговоры, будьте осторожны. Не вздумайте обнажать оружие против татарских воинов. Иначе всё для нас может кончиться очень плохо. Все разговоры будем вести через толмача.

– А если они полезут в наши повозки и начнут грабить, что тогда делать?

– Конечно, они будут вести себя как победители и действительно постараются взять у нас что-нибудь. Поэтому давайте всякие безделушки и заготовленные для такого случая недорогие яркие ткани, но самое главное – берегите, чтобы они не отобрали подарок хану Батю от нашего папы римского.

– Да уж мы его и так упрятали, на дно телеги, заложили шкурами, – ответил, кутаясь от холода в свой плащ, кардинал Иоанн де Поликарпо.

Вильгельм Рубрук повернулся и, обратившись к иезуиту Вергилию, попросил:

– Пересядь на верховую лошадь, объезжай все возки и попроси всех, чтобы они были настороже.

В это время Плано Карпине, выглянув из возка, испуганно сообщил:

– Ну вот, к нам и гости пожаловали!

Все притихли, растерянно поглядывая друг на друга, кардинал Вильям, взглянув на своих спутников, улыбнулся и мужественно сказал:

– Что приуныли? Ничего не бойтесь. Привыкайте к бесцеремонности воинов великого хана Бату.

Послышались топот копыт, всхрапывание лошадей. Караван остановился, а татарские свирепого вида всадники закружили вокруг возков, потрясая короткими копьями, кричали:

– Кху, кху, кху!..

Монгольские воины, одетые в длиннополые шубы, с остроконечными меховыми шапками на голове, с темными безбородыми лицами, раскосыми глазами, кружили вокруг крытых телег на небольших лохматых лошадях с длинными гривами.

Вильгельм Рубрук, обращаясь к толмачу, спросил:

– Узнай у них, чего они хотят и где их военачальник.

Толмач выскочил из возка, замахал руками и громко стал кричать по-татарски.

Вскоре от всадников отделился воин на пегом жеребце, подъехал вплотную и заговорил с толмачом.

– Что он говорит? – с нетерпением спросил кардинал.

– Он говорит, что он нукер Бурунтай непобедимого Син-хана. Что его воины вправе как победители взять у них всё, что они захотят, а если они будут сопротивляться, то нас лишат жизни и отдадут собакам на съедение.

Видя, что дело принимает крутой оборот, кардинал взял подорожную от Бату-хана, вылез из возка и подошел к всаднику, который значительно отличался от своих воинов. На голове у него был шлем, из-под добротной шубы видна была чешуйчатая кольчуга, на боку пристегнут кривой меч. В руках он держал короткое копье. Завидев кардинала, он с любопытством стал разглядывать своими раскосыми жадными глазами Вильяма, как бы оценивая его. И, видимо, одетый в простой грубой шерсти плащ с капюшоном, подпоясанным простой веревкой, служитель церкви не произвел впечатления на начальника монголо-татарских воинов. Он усмехнулся и, показывая на кардинала, спросил у толмача:

– Что он хочет сказать багатуру непобедимого великого Бату-хана?

Кардинал стал говорить, обращаясь к знатному воину и показывая подорожную от хана Батя:

– Мы прошли долгий и трудный путь от самого моря. Мы служители католической римской церкви и пришли к вам с миром по приглашению самого Бату-хана. Мы устали от долгого пути и просим непобедимого багатуру проводить нас к великому и всемогущему владыке Бату-хану.

Воин нагнулся, взял из рук кардинала подорожную, внимательно осмотрел ее, зацокал языком, про-

изнес: «Кху, кху!..» – и, обернувшись к своим воинам, крикнул.

Татарские воины, которые уже полезли в возки и стали прибираться к рукам всё, что им понравилось, тут же замерли, кто где находился.

- Что он им сказал? – с удивлением спросил Вильгельм у толмача.
- Внимание и повиновение, – ответил переводчик.

Знатный воин, обращаясь к кардиналу, заговорил, толмач тут же переводил:

– Хорошо, мы вас проводим к великому хану, и больше вас никто не тронет, но то, что мои воины успели взять у вас, это не возвращается. Непобедимые воины не должны никому возвращать свою добычу. – Повернувшись опять к своим воинам, что-то крикнул, те быстро вскочили на лошадей, напряженно ожидая, что им скажет их начальник.

Только католики, окруженные татарскими воинами, двинулись в путь, как неожиданно из-за холма во весь опор выскочил всадник.

Сначала никто не понял, что это за человек мчится в бешеной скачке. Завидев путешественников, окруженных татарскими воинами, он свернул в обширную балку, поросшую деревьями и кустарниками. Через некоторое время появилась группа монгольских всадников. Увидев караван, сопровождаемый татарскими воинами, они остановили разгоряченных коней, восклицая:

– Ай-вах, ай-вах!.. – и торопливо заговорили на своем языке. Знатный воин, выслушав их, стал кричать на преследователей, часто употребляя слово «Мишка». Те, понуро опустив головы, смиренно выслушивали его. Затем знатный воин показал им, где скрылся всадник, резко крикнул что-то по-татарски.

Плано Карпине, обратившись к переводчику, спросил:

- Что там у них случилось?
- Они говорят, русский пленный Мишка подкараулил и удушил татарского воина. Переоделся в его одежду, взял его оружие, коня и пустился в бег. Бурунтай очень недоволен тем, что сбежал хороший мастер, что только он знал секрет изготовления булатных крепких и острых мечей. Показал, куда ускорился беглец. Затем крикнул им, что если они не поймут беглеца, то все будут умерщвлены.
- Да, – только и мог вымолвить Карпине, выслушав речь переводчика, и добавил: – Жестокие законы у варваров, поэтому немудрено, что они берут любые города и крепости. Нашим бы рыцарям у них поучиться.

– Нашим рыцарям против этих варваров в степи не устоять. Бату-хан со своим войском почти беспрепятственно прошел всю Европу до самого моря, еще бы немного – и дошел бы до Рима, если бы не разругался со своими ханами из-за власти, а те, обидевшись на него, покинули войско и увели назад в степь своих воинов, – сказал Карпине.

На некоторое время путники замолчали, каждый думая о своем. Наконец первым заговорил иезуит Вергилио:

- Трудна будет наша миссия у татар.
- Никто не говорит, что легкая, но ради Иисуса и нашей веры мы должны вытерпеть всё и, если понадобится, не пожалеть даже своей жизни! – высокопарно произнес кардинал Карпине.

Рубрук на эти слова ярого служителя церкви усмехнулся и спокойно произнес:

– Не надо, братья мои, жертвовать жизнями. Надо ульстить татарских ханов, ухитриться сделать так, чтобы они поверили в нас как в своих друзей. И самое главное – научиться влиять на их политику в нашу пользу. Нам надо стать нужными людьми ханам и сделать так, чтобы они не помышляли о новом походе по Европе, где находится наша паства. А стремиться стравить татар с непокорными княжествами Литовским, Галицким и особенно Новгородским.

Вскоре караван стал въезжать в город. Послышалась незнакомая разноязычная речь. Лай собак. Крики торговцев и менял. Жалобные стоны рабов, подгоняемых плетью надсмотрщиков.

Католики стали выглядывать из своих возков, с интересом и удивлением рассматривать жилища жителей Орды. Это были круглые, плетеные из прутьев сооружения с отверстиями наверху, из которых кое-где шел дымок. Почти все эти домики с навешанными у входа пестрыми тканями стояли на колесах и имели довольно внушительные объемы.

– Неужели они свои жилища постоянно возят на колесах? – с немалым удивлением воскликнул Вергилио.

– Да, эти домики на колесах, татарам в них удобно кочевать. Называются юртами. Они покрываются войлоком, пропитанным салом, чтобы скатывался снег и дождь. Войлок они пропитывают еще известью или землей, поэтому юрты у них черные или белые, – пояснил католикам толмач.

Возки, окруженные татарскими воинами, долго ехали между юртами. Вильгельм с нетерпением спросил у толмача:

– Скоро ли мы прибудем на место? И неужели мы будем жить тоже в этих юртах?

– Орда – большое поселение, поэтому мне неизвестно, когда мы прибудем на место. Это зависит от того, куда вас определяют ханские начальники. А жить вы будете, конечно, в юрте. Там вам понравится. Эти домики теплые, внутри обтянуты шкурами и коврами. У них каменных домов, как у вас, нет. Есть только Золотой дворец, выстроенный китайскими мастерами для Бату-хана, и то он предпочитает жить больше в юрте, чем в своем дворце. Вон взгляните на этот Золотой домик, – указал переводчик.

Все выглянули из возка и увидели в пелене низко стелющегося дыма, идущего из юрт, величественный Золотой дворец хана. Он был искусно выстроен мастерами с множеством башенок, с балкончиками и террасами.

– Просто великолепно! – воскликнул иезуит Вергилио и с удивлением добавил: – И хан предпочитает этому великолепному дворцу юрту?

– Татаро-монголы – кочевники, и они с малых лет привыкли жить в юртах, постоянно передвигаясь по степи. Поэтому для них милее их жилища из войлока и шкур нет. Хан также привык жить на вольном воздухе и говорит, что в помещении он задыхается, ему кажется, что стены на него давят. Он иногда посещает свой Золотой дом на колесах, но спать ложится непременно в юрте. Скоро вы обо всем узнаете и многому перестанете удивляться, – пояснил толмач.

Караван возков неожиданно остановился у трех юрт, стоящих рядом.

Бурунтай позвал переводчика и долго говорил ему по-татарски, то и дело показывая на юрты и путешественников. Затем он что-то крикнул своим воинам, и около десятка монголов соскочили с лошадей и заняли места у юрт для охранения. Сам же военачальник с остальными всадниками легкой рысью отправился по своим делам.

– Что он тебе сказал? – спросил переводчика кардинал Вильям.

– Велел располагаться в этих юртах. Здесь мы будем жить. Как только устроимся, татарские воины разожгут нам огонь и станут стеречь наш покой, – ответил переводчик.

– Что нас охранять? – с удивлением спросил кардинал.

– Если не будут охранять, то любой воин великого хана вправе зайти в вашу юрту и взять, что ему попадет под руку. Так что к утру у вас заберут всё, даже снимут одежду, если она им понравится, – пояснил переводчик Гавино.

– Почему так всё происходит? Неужели у татар нет никаких законов и ограничений? – возмутился Вергилио.

– Конечно, есть, и очень строгие. За воровство друг у друга их лишают жизни. Если человек выдает себя за посла, а не является им, его тоже лишают жизни, – ответил переводчик.

– Тогда почему же они нас могут обокрасть?

– Потому что вы еще не встречались с Бату-ханом. И встреча эта может закончиться для вас трагически, а может, и хорошо. Если же он вас примет с честью, то вы будете под защитой самого хана. Тогда он может вам оказать великую милость, подарить коня или женщину в жены, даже из своего гарема.

– Женщины для нас великий грех! – возмутился Карпине.

– Грех не грех, а отказываться от подарков нельзя, иначе можете навлечь на себя большую беду. А также если будут подавать кумыс в пиале, не вздумайте отказываться. Пейте и хвалите напиток, если даже он вам покажется неприглядным и не очень приятным на запах и вкус, – с улыбкой пояснил Гавино. И добавил: – Не один знатный князь лишился жизни за несоблюдение татарских обычаев. Таких людей выносили из ханского шатра убитыми.

– Откуда ты, Гавино, знаешь всё про этих варваров? – поинтересовался кардинал Иоанн.

– К татарам я попал еще с первыми братьями, которых послал папа для знакомства с татарской страной, и мне пришлось жить среди татар два года. Мне легко давался их язык, и через несколько месяцев я свободно мог изъясняться с местным населением.

Пока переводчик рассказывал прибывшим католикам, как надо вести себя с ордынцами, простые монахи перенесли все имущество с возков в юрты. В это время татарские воины откуда-то принесли дрова и разожгли костры прямо в юртах. Дым потянулся в верхние отверстия круглых домиков.

Вильгельм Рубрук, откинув полу одной из юрт, вошел в новое жилище. В помещении было уже довольно тепло, правда, пахло чем-то кислым. По бокам юрт лежала постель – шкуры животных и пуховые одеяла. На костре стоял котел с нарезанными кусками свежей баранины. Путешественники стали рас-

полагаться, от усталости ноги гудели, и тянуло ко сну.

Вильгельм велел всем устраиваться, кому где нравится. А вскоре в котле закипело мясо, и через некоторое время татары выложили его на большое блюдо и пригласили католиков откусать. Уставшие путники, насытившись, стали укладываться спать.

Вильям, уже залезая под несколько шкур и одеял, сказал:

– Давайте, братья, будем отдыхать. Завтра мы должны быть бодрые и полные сил. Еще неизвестно, какие сюрпризы готовят нам эта варварская страна и эти странные, не похожие на нас люди.

4

Михаил, завидев караван возков в сопровождении татарских воинов, на всем скаку свернул в обширную балку, поросшую кустарниками и деревьями. В ней было легко уйти от преследователей, скрыться в густых зарослях и где-нибудь затаиться. Но беглец не стал прятаться, он спешил как можно дальше уйти от погони. Тем более он знал, что татарские воины будут его догонять до тех пор, пока не изловят. Им без него возвращаться было нельзя, за невыполнение приказа военачальника их ждала незавидная участь: смерть. Поэтому беглец понимал, чем он дальше уйдет от них, тем больше шансов у него оторваться от своих врагов. По открытой степи ему нельзя было продолжать свой путь. Там он был как на ладони. И его могли перехватить не только преследователи, но и рыскающие по степи отряды монгольских воинов. Нужно было ждать темноты, чтобы продолжить путь дальше. Наконец, отыскав укромное место в густой чаще, в глубоком овраге, Михаил решил перевести дух. Дать отдохнуть себе и, самое главное – лошади. Ведь она была его последней надеждой, и ее надо было беречь больше, чем себя.

Михаил Романович привязал коня к толстой иве, отвязал притороченный полосатый мешок. Положив его у пенька, наломал побольше веток и надергал сухой травы, которую бросил пегой низкорослой монгольской лошадке. Погладил ее по длинной гриве со словами:

– Давай, родная, набирайся сил. Вся надежда на тебя. В степи в это время человек без лошади покойник.

Беглец набросал на пенек и рядом с ним побольше веток, а сверху травы. Присел. Затем стал рыться в мешке, ища чего-нибудь съестного. И действительно, на свою удачу, среди всякого барахла нашел большой кусок вяленого мяса и бурдюк, в котором что-то булькало. Сбежавший кузнец открыл сосуд, попробовал на вкус, думая, что там кумыс, но к своему удивлению обнаружил, что это вино, на что с восторгом проговорил вслух:

– Видно, хорошо татарин поживал, коли вино в бурдюке возил! Мне это все сгодится.

Михаил с жадностью ел вяленое мясо, запивая вином. Работая в кузнице хана Батыя, он жил впроголодь. Надсмотрщики не очень-то заботились о пропитании рабов. Обычно вечером приносили обглоданные кости, оставшиеся после еды хана, его приближенных, жен, слуг и охранников. Горячую воду ремесленники кипятили тут же в котле, бросая туда травы. Правда, летом татары давали много кумыса, который хорошо поддерживал силы рабов.

Пленник уже давно искал подходящий момент, чтобы сбежать из татарской неволи. Хотя знал, что всех, кто сбегал, татары возвращали назад и привозили на аркане уже мертвых, чтобы другим неповадно было. И все-таки сегодня он решился бежать, так как представился случай.

А вышло так: в кузницу заехал татарский воин, он слез с коня, вытащил кривой меч и попросил пленника подточить его. Михаил взялся точить лезвие оружия. Татарин присел на чурку и задремал.

Кузнец приоткрыл дверь, огляделся вокруг. Рядом с кузницей не было никого. И он решился. Резко ударил плашмя мечом татарина по голове. Безжизненное тело воина распласталось на земляном полу. Дальше кузнец действовал быстро. Он снял с воина одежду, переоделся, натянул на самые глаза меховую татарскую шапку, вскочил на коня и помчался в степь. Уже когда беглец считал, что опасность миновала, он неожиданно нарвался на конных воинов, которые, видимо, были из одного десятка убитого татарина. Они окликнули его:

– Мусук, Мусук!..

Беглец, не останавливая коня, продолжал мчаться дальше.

Татарские воины, заподозрив неладное, помчались за ним. Их было трое. Самое главное для него было – держаться на расстоянии от них, чтобы они не набросили на него волосяной аркан, которым большинство татарских воинов владели в совершенстве. И это ему, кажется, удалось.

Теперь он ожидал темноты, а с наступлением ее татары перестанут его искать.

Вдруг затрещали кусты и недалеко, в двадцати шагах, он увидел своих преследователей. Михаил

взял лук со стрелами. Его он заранее, на всякий случай, положил около себя. Вложил стрелу, натянул тетиву и метко выстрелил в ехавшего первым воина. Попал прямо в голову. Монгол опрокинулся и сполз на землю. Вторая стрела сразила татарского воина в грудь. Третий же преследователь, выхватив кривой меч, помчался на сбежавшего пленника. Взяв копье, он резко кинул в нападающего. Удар смертельного оружия был так силен, что пробил железную кольчугу всадника и глубоко вошел в тело. Тот упал в густые заросли кустарника, запутавшись ногой в поводьях своей лошади.

Сбежавший кузнец был опытным воином. Еще при первом нашествии татаро-монголов он, находясь в рязанской княжеской дружине, мужественно защищал город, затем сражался вместе с Евпатием Коловратом. А когда их дружина была разбита, то восхищенный мужеством русских воинов хан Батый даровал им жизнь и отпустил на волю. Потом он попал в великий град Киев, где защищал до последнего вздоха город в дружине Данилы. И уже раненый попал в плен к татарам.

Беглец поймал лошадей погибших татарских воинов, к седлам которых приторочил в кожаных мешках съестные припасы. Снял с монголов шубы, шапки, забрал оружие. Лошадей привязал арканами к седлам друг за другом, так как знал, что, меняя лошадей, он может уйти от любой погони.

Сегодня для бывшего пленника всё складывалось как нельзя лучше. Он запасся едой, питьем, оружием и полными колчанами стрел, что давало ему возможность отстреливаться не от одного десятка воинов. Уложив свои трофеи, Михаил посмотрел на погибших монгольских воинов, произнес:

– Вы уж простите меня, сердешные. Ничего не поделаешь, так пришлось. Или бы вы меня погубили, или я вас.

Он взглянул на быстро темнеющее небо, на котором уже выпали бесчисленные звезды. Вскочил на коня, сказал вслух, обращаясь к лошадям:

– Ну, милые, пора нам выбираться из этого оврага. Путь у нас длинный, нелегкий, на Русь. Хлестнул легонечко плеткой своего коня и стал, не торопясь, выбираться из густых зарослей.

Между тем на степь быстро опускались сумерки, погружая в сон всё вокруг. Погода установилась безветренная, и начал крепчать морозец.

Беглец сильно хлестнул плетью своего жеребца, и он крупной рысью помчался по степи, увлекая за собой остальных лошадей.

Вскоре наступила ночь. Яркие звезды сверкали на безоблачном небе. На горизонте всходила полная луна. Несмотря на то что фиолетовая синь наступающей ночи все сильнее и сильнее сгущалась, поглощая все пространство, делая холмы, деревья, кусты причудливыми темными силуэтами, от света всходящей луны снег искрился, и было всё видно вокруг, что помогало всаднику хорошо ориентироваться на бесконечной равнине. Снег был неглубокий, и выносливые монгольские лошади, привыкшие к таким условиям, ходко двигались по равнине.

Михаил Романович, проведя в плену долгое время, научился прекрасно ориентироваться в степи. Поэтому он держал путь на север, определяя направление по звездам. Самое главное, к рассвету ему надо было добраться до леса или глубокого оврага. А самый лучший вариант для него был – разрушенное татарами поселение или половецкое стойбище, которые кочевали в этих местах и были враждебно настроены против татар за то, что они их нещадно облагали поборами, а подчас просто грабили. Находясь в плену, Михаил хорошо освоил татарский язык и свободно мог на нем изъясняться, так что иногда сами татары принимали его за своего.

Время шло, а всадник, не снижая скорости, всё мчался и мчался в ночную степь. Вот уже и лошади стали заметно уставать после длительного пути. Их рысь замедлилась, и вскоре они пошли шагом.

Сколько путник ни напрягал зрение, но бескрайняя степь была пустынна. Нужно было искать безопасное место для отдыха. Днем степь была далеко не безопасна. Могли напасть кочевники или татарские воины, жаждущие наживы.

Наступал рассвет, а сбежавший кузнец по-прежнему не находил подходящего места для отдыха. Ему хотелось как можно скорее выйти за черту татарских владений и добраться до территории русских княжеств. Хотя многие деревни, поселки и города там были разорены, но это была уже русская земля. Но чтобы добраться туда, нужно преодолеть большое расстояние.

Не находя ничего подходящего, где можно остановиться на привал, беглец стал нервничать. По его расчетам должны были появиться первые перелески, пересеченные глубокими оврагами, но их по-прежнему не было видно, и путник вслух воскликнул:

– Да неужели я заплутал! Неужто сатана закружил мне голову!

Он знал, в степи люди часто блудят, кружа на одном месте, потеряв ориентир, и даже гибнут. Где-то

недалеко завывали волки. Беглец, посмотрев в сторону, откуда послышался тоскливый протяжный вой хищников, увидел на холме стаю волков, которые, видимо, уже давно его преследовали. У Михаила при виде большой стаи преследователей мороз пробежал по спине. Он знал, что от хищников в степи беззащитен и ему наверняка не миновать беды. Беглец стал хлестать свою уставшую лошадку, чтобы попытаться уйти от новой опасности.

Зорко вглядываясь в степь, Михаил Романович вдруг заметил на горизонте черные точки. Он стал подгонять плетью коня, пытаясь ускорить рысь лошадей. И вот уже беглец стал различать вдали шатры, окруженные повозками и санями. Там горели костры, от которых поднимался дым. Бывшему пленнику даже показалось, что он почувствовал запах вареного мяса.

Подъезжая к шатрам, Михаил вслух рассуждал так:

– Коли это не юрты, а шатры, значит, это русские или кто-то другой, но не татары и не половцы.

Приближающегося путника в стане заметили, и несколько всадников помчались навстречу нежданному гостю.

Михаил остановил лошадей, и поджидая встречающих. Вскоре верховые поравнялись с беглецом, и он в хорошо вооруженных воинах определил, что это русские люди. Сбежавший кузнец, не ожидая увидеть русских воинов, даже прослезился и с удивлением воскликнул:

– Откуда ж вы, родные?!

– Гляньте, ребята, а татарин-то по-русски говорит, – с удивлением заметил кто-то из воинов.

– Да я не татарин! Я русский! Я из татарской неволи бежал! – выкрикнул Михаил.

– Что-то я ни разу не видел, чтобы на трех конях в полном татарском вооружении невольники бежали, – засомневался один из воинов и добавил: – Что-то тут не так.

– Это я убил татарских воинов. Облачился в их одежду, взял у них оружие и пустился в бега, – стал горячо убеждать путник.

– Звать-то тебя как, русская душа? – спросил все тот же воин, видно, старший.

– Михаилом.

– И правда, ребята, видно, русский мужик-то, надобно его вести к великому князю Ярославу Всеволодовичу.

Михаил много слышал о бесстрашном владимирском князе и с изумлением воскликнул:

– Неужели сам великий князь здесь?

– Здесь, здесь. И, наверно, захочет с тобой поговорить, – ответил дружинник.

– Так давай поспешим к нему! – воскликнул с радостью Михаил.

– Следуй за нами, – потребовал дружинник, прищпорив коня.

Все двинулись к шатрам. Вскоре въехали на территорию, отгороженную санями и возками, где расположились шатры Ярослава.

Всадники соскочили со своих коней. Старший дружинник вошел в самый большой шатер.

Путник с трудом слез с коня, стал разминать ноги. Длительная езда в седле давала о себе знать, но уже через некоторое время он привел себя в порядок. Стал с интересом рассматривать стоящие стройными рядами шатры. Множество груженных и крытых возков. Дружинники хлопотали у костров, весело переговариваясь. Топили в котлах снег для того, чтобы напоить лошадей и сварить пищу.

Наконец из шатра вышел старший дружинник, улыбаясь, сказал:

– Заходи, великий князь Ярослав Всеволодович ждет тебя. Он хочет с тобой поговорить.

Приглашенный, откинув полу шатра, оказался перед небольшой дверцей, толкнул ее и вошел внутрь. Его сразу же обдало теплом и запахом восковых свечей, которые горели на небольшом столике. Сам же князь сидел в плетеном из прутьев креслице, закутавшись в бобровую шубу. На столике стояли большое блюдо с мясом и кувшин с вином.

Князь с интересом разглядывал гостя. Его темно-карие глаза искрились живым огоньком. Был он крепкого телосложения. Длинные черные волнистые волосы спадали на плечи, борода и усы с проседью аккуратно подстрижены. Он пристально взглянул на вошедшего, и, видимо, он ему понравился, улыбнулся и, указав на широкую скамейку, стоящую рядом, пригласил:

– Садись, мил человек. И рассказывай, откуда ты, кто и как сюда попал.

Михаил, взглянув на стол князя и ощутив запах мяса, проглотил голодную слюну. Ему захотелось есть так, что закружилась голова.

Всё это не прошло незамеченным от внимательного взгляда Ярослава. Он подвинул блюдо с едой к гостю. Сам налил Михаилу и себе кубки с вином, сказал:

– Давай, добрый молодец, выпьем вина. Ешь, не стесняйся, а потом и поговорим обо всем.

Гость выпил кубок с вином, вытер рукавом усы и с жадностью накинулся на еду. Крепкое вино теплом побежало по всему телу, стало легко и хорошо.

Князь снова наполнил кубки с вином, немного пригубив, спросил:

– Ну что, полегчало?

Михаил улыбнулся, с наслаждением выпил еще вина и уже стал есть медленнее.

– Рассказывай, добрый молодец, откуда ты и куда держишь путь?

– Слишком много надо рассказывать, Ярослав Всеволодович. Хватит ли у тебя терпения выслушать рассказ о моей судьбе?

– Хватит, торопиться нам некуда, еще успеем к татарам.

– Ну, коли так, тогда, великий князь, слушай. Зовут меня Михаилом, Романов сын. Родился и вырос я в Рязани. Отец мой, а затем я и мои братья верой и правдой служили в дружине рязанских князей. Жили мы, не тужили, занимались ратным делом, сопровождали князя в его походах и на охоте. Всё было хорошо. Зимой, в декабре, прискакал на княжеский двор человек и сообщил, что к реке Оке подошли и расположились на берегу несметные полчища татаро-монголов.

Ударили в набат колокола на всех церквях, призывая народ к защите города. Тогда на стены встали и стар и млад, женщины и мужчины. Непрошенные враги обложили город со всех сторон и в течение пяти дней вели обстрел камнями и огненными шарами из своих орудий. На шестой день, 21 декабря 1237 года, татары пошли на штурм города. Их было такое множество, что мы не успевали их сталкивать со стен города и обливать горячей смолой. Как мы ни сопротивлялись, но не смогли отбиться от такого множества врагов. В конце концов Рязань пала. Почти все защитники были перебиты. Князь Юрий и его жена погибли. Женщины и девицы у всех на виду были поруганы, после этого татары завязывали им их юбки на голове, вспарывали кривыми ножами животы. Людей секли мечами и расстреливали стрелами. Рязань была сожжена и полностью уничтожена.

Я же, оглушенный по голове, потерял сознание, долго лежал без памяти. Видно, татары подумали, что я мертв, и не тронули. Очнулся я ночью и сразу же увидел над собой лицо молодой девушки. Она произнесла:

– Очнулся, родненький! Я уж думала, ты мертв!

Кое-как с ее помощью я сел. Голова кружилась, перед глазами всё плыло, в затылке ломило, как будто кол забили. Я спросил:

– Где я? Где татары?

– Татары сожгли и разрушили город, почти всех перебили, над женщинами и девушками надругались. Мастеров и здоровых мужчин забрали в плен и двинулись вдоль реки Оки к Коломне.

– Как же тебя звать, милая? – спросил я.

– Анастасия, – ответила она и помогла мне встать на ноги. Кое-как мы дошли с ней до маленькой избушки, где она жила. Моя спасительница постлала на широкую лавку волчий тулуп, уложила меня на нее со словами:

– Отдыхай, воин, приходи в себя, а я что-нибудь найду тебе поесть. – И стала хлопотать у печи. Вскоре она поднесла мне в оловянной кружке мясной бульон и заставила выпить, затем скормила мне кусок телятины с краюхой хлеба. После сытной еды я почувствовал себя лучше. Стал разглядывать свою спасительницу. Это была статная красавица с большими синими глазами, с пышными золотистыми волосами и здоровым румянцем на бархатной белой коже, полными губами, высокой грудью. Мне она не на шутку понравилась. Я сразу влюбился, хотя до этого был совершенно безразличен к женщинам. Вдруг захотелось, чтобы она подошла ко мне, и я попросил:

– Анастасия, подойди, сядь рядом на лавку и Расскажи, как ты спаслась от татар.

И она стала рассказывать:

– Жили мы в этой избушке с братом Данилой. Он был мастеровой, хорошо мял кожи, а потом из них шили обувь. Родители умерли, когда была еще девочкой. С тех пор брат мой был для меня и мать и отец. Когда к Рязани подступили враги, брат ушел биться на стены. А когда в город ворвались татары, я спряталась в подполье. Оно у нас глубокое и сухое. Я там просидела до тех пор, пока не ушли татары. Выбравшись из подполья, пошла по городу искать своего брата. Но нигде его не нашла ни живым, ни мертвым. Может, в плен его враги забрали, а может, и погиб, но тела его так и не отыскала.

Девушка зарыдала, закрыв лицо руками, причитая:

– Как же я теперь, сиротинушка, жить буду без своего братца?

Я стал гладить ее по голове, успокаивая:

– Не горюй, Анастасиюшка, если он жив, то мы найдем его, если в плен попал, то наверняка сбежит от татар и явится к тебе здоровый и живехонький, а пока я буду твоим названным братом. Буду защищать тебя и не дам никому в обиду.

Князь внимательно слушал исповедь гостя, не перебивая его и не задавая никаких вопросов.

Тут дверца в шатер отворилась, и к князю подошел дружинник, наклонился к уху и что-то зашептал. Князь встал и, обращаясь к гостю, сказал:

– У меня появились неотложные дела, я уйду на некоторое время. А ты пока, Михаил Романович, отдохни после долгого пути. – И сбросил с плеч свою шубу на широкую лавку со словами: – Ложись, поспи, а когда отдохнешь, я уже вернусь, и мы продолжим наш разговор. Мне еще многое у тебя нужно узнать, коли ты провел долгие годы в полоне у татар.

Михаил прилег на лавку, укрылся шубой и сразу же провалился в глубокий сон.

5

Над степью начиналось утро. Все небо было затянуто серой пеленой. На востоке стало светлеть, затем постепенно появилась розовая полоска, которая все разрасталась и разрасталась, и вот уже почти полнеба охватил розовый цвет, он все усиливался и усиливался.

А на горизонте стал появляться край красного диска солнца. Оно постепенно, не спеша всходило. Все небо полыхало, как будто где-то на краю земли был огромный пожар. Оранжевый цвет окрасил всё вокруг: лежащий на бескрайней равнине снег, холмы, юрты. Красный цвет пробежал по золоченым башенкам и балконам ханского дворца на колесах.

Заревели верблюды, протяжно закричали ишаки, замычали коровы, заблеяли козы. Начинался новый день в Орде. Женщины шли доить коров и коз. Из отверстий круглых юрт высоко поднимался дым. Он как будто множеством рук тянулся в небо, пытаясь охватить его, чтобы узнать, что там, в бездонном пространстве, и есть ли там то, чего нет на земле.

Вильгельм Рубрук проснулся раньше всех. Из-под меховых одеял не хотелось вылезать. Он закрыл глаза, лежал еще некоторое время, обдумывая, что им предстоит сегодня сделать. Неожиданно спокойствие после сна переросло в тревогу, она как ножом полоснуло по сердцу от одной мысли, что они находятся от родного Рима за многие сотни верст в совершенно незнакомом краю с агрессивной природой и такими же дикими людьми. Кардинал медленно встал, подошел к огню, который уже угасал и горел кое-как. Подложил сухих дров, сучьев. Пламя быстро охватило сухие дрова, и огонь стал разгораться все ярче и ярче. Вот уже он осветил желтоватым цветом полумрак юрты, дым струей потянуло в отверстие наверху войлочного дома.

Рубрук присел на лавку, которую они привезли с собой, задумался, задавая себе одни и те же вопросы: «Что их ждет сегодня, завтра и в дальнейшем? Как примет их хан Бату?» Вильгельм прекрасно понимал, от татар можно ждать всего, что угодно. Главное – не ошибиться в соблюдении их ритуалов и в дальнейших переговорах. Придется терпеть всё, возможно, унижение и непонимание, но ради святой веры в Иисуса, ради будущего всей Европы и католической церкви, нужно было быть готовым ко всему.

Задумавшись, кардинал не заметил, как встал переводчик Гавино, и когда тот сел рядом, от неожиданности даже вздрогнул.

Гавино улыбнулся и подбодрил кардинала, стараясь не задеть его самолюбие:

– Не волнуйся, ваше преосвященство. Всё будет хорошо. Это сначала всё здесь кажется диким и странным. Скоро ко всему привыкнешь и освоишься. Татары народ доверчивый, любят подарки и когда уважают их обычаи. Сегодня самое главное узнать, когда нас примет хан Бату. Пойду, распоряжусь, чтобы воины, которые приставлены к нам, приготовили еду. А то еще сами половину сожрут, тут зевать нельзя. Надо встретиться с их старшим воином-десятиником, он сообщит, что нам нужно делать после нашей трапезы.

Вскоре стали просыпаться остальные католики. Они подсаживались к огню, кутаясь в меховые шубы.

Татарские воины внесли котел, бросили в него куски мяса, подбросили дров в очаг, заговорили на своем языке с переводчиком.

После того как татары вышли из юрты, Иоанн спросил у Гавино:

– Что они тебе сказали?

– Ничего особенного, – улыбаясь, ответил переводчик и добавил: – Велели самим варить мясо, как нам нравится и что сейчас принесут вино и рисовые лепешки.

И действительно, тут же вошел другой татарин, внес еду, разостлал на войлочном полу яркую цветастую ткань, положил на нее лепешки и поставил кувшин.

Приложив руку к сердцу, сказал что-то переводчику и вышел из юрты.

– Этот человек с востока, сарацин с самого Багдада, мусульманин. Их тут много, хотят склонить татар к своей вере. Этот, видимо, в рабстве или в услужении у них. Мусульман здесь много, это тоже наши соперники. Они оказывают большое влияние на ханов. Вы еще с ними встретитесь. Это очень хитрые и коварные люди. Да и вообще здесь всякого разного люда полно, особенно сарацин и русских. Поэтому нужно быть очень осторожным и не говорить ничего лишнего. Все ваши слова и деяния будут докладываться хану.

– Надо нам держаться пока всем вместе. А то неровен час... – сказал Вергилио.

– Вам необходимо учиться говорить по-ихнему, иначе у вас будут большие трудности, – посоветовал Гавино.

– Будем стараться овладеть их варварским языком. Ты будешь, Гавино, каждый день учить нас их языку, – сказал кардинал Вильгельм.

В юрту снова вошел восточный человек. Стал ловко вытаскивать из котла мясо и резать его кривым ножом на мелкие куски. Затем поставил блюда на покрывало, разложил горками теплые лепешки, поставил кувшин с вином. Снова приложил руку к сердцу и что-то сказал, обращаясь к переводчику.

Католики, приглядевшись к сарацину, заметили, что он сильно отличается от татарских воинов. Хотя он и был смугл, но черты его лица были правильные, глаза не узкие, как у их охранников.

Толмач кивнул головой и тоже приложил руку к сердцу.

Восточный человек вышел из юрты, а Гавино, обращаясь к католикам, сказал:

– Этого человека зовут Азат, он приставлен к нам слугой, будет нас везде сопровождать. Он сказал, что скоро придет сотник и сообщит, когда состоится встреча с Бату-ханом. Он говорит, что великий хан сегодня в хорошем настроении и хотел бы с нами встретиться.

От неожиданности иезуиты и кардиналы молчали. Они даже и не предполагали, что прямо сегодня увидят грозного владыку татаро-монгол.

– Откуда он всё знает? – с удивлением спросил Вергилио.

– Он всё знает и, наверно, к нам приставлен неспроста, чтобы знать, что мы будем делать и зачем приехали сюда. Я уже вам говорил, что мусульмане имеют большое влияние на ханов, и они с ними советуются и доверяют.

В это время в юрту вошел Бурунтай. На его плоском лице с небольшим носом, без усов и бороды, блуждала полуулыбка. Черные узкие глаза с любопытством рассматривали католиков, их выбритые на затылке головы, грубые плащи с капюшонами, подпоясанные веревками. Вскоре на лице у сотника появилось разочарование, он понял, что от этих бедных монахов едва ли дождешься подарков, и заговорил с толмачом:

– Сегодня великий хан Бату примет вас у себя в юрте. Когда он вас пригласит, я вам сообщу. Бурунтай потоптался на месте и, видя, что подачек не будет, сердито глянул на католиков и вышел из юрты.

Вильгельм де Рубрук понял, что хотел татарин, и обратился к Гавино:

– Надо было ему чего-нибудь дать.

– Еще устанете давать, – с усмешкой ответил переводчик.

Кардинал де Рубрук, обращаясь к иезуиту Иоанну, сказал:

– Приготовьте подарки Бату-хану.

Иоанн де Поликарпо попросил монахов принести сундук с подношениями. Иезуиты вчетвером втащили кованый сундук, поставили его посередине юрты. Иоанн снял ключ, который висел у него на шее, открыл замок. Раздался мелодичный звон, и крышка сундука медленно открылась. Все с интересом посмотрели на то, что в нем было. А посмотреть было на что. Это была золотая посуда, украшения из алмазов и драгоценных камней.

Кардинал Вильгельм де Рубрук тут же распорядился закрыть сундук со словами:

– Закройте побыстрее крышку, а то, не дай Бог, войдут воины и заберут драгоценности.

– Теперь не заберут. За грабеж подарков хану и даже если кто осмелится к ним притронуться, того ждет мучительная смерть, – успокоил толмач.

– Принесите меч, – потребовал кардинал.

Монахи внесли футляр из красного дерева, отделанный слоновой костью и золотом, и положили на сундук.

Плано Карпине открыл футляр, и все увидели меч из дамасской стали. Его холодный блеск возбуждал, а украшенная золотом и алмазами рукоять привораживала своей красотой.

В юрту вошел Азат и сказал, обращаясь к переводчику:

– Сейчас я вас отведу ко двору великого Бату. Там лишнего ничего не говорите, пока не прикажет Бату, а если что спросит, говорите кратко, без лишних слов. Когда войдете в шатер, ни к чему не прикасайтесь.

С этими словами проводник вышел из юрты и пригласил остальных католиков последовать за ним.

Монахи подхватили сундук, футляр с мечом для великого хана, и вся процессия двинулась к юрте Бату. По дороге Азат продолжал наставлять монахов:

– У шатра хана будут гореть костры, вы должны пройти между ними. В шатер вы должны войти с непокрытыми головами и пасть перед ханом на колени.

Наконец католики дошли до ханского шатра, вошли в него, старались вести себя, как учил Азат. Встали перед татарским ханом на колени, ожидая, пока он милостиво не прикажет встать. В шатре наступила гнетущая тишина. Бату-хан сидел в полном безмолвии. Его желтое узкоглазое лицо было непроницаемо. Казалось, он даже не заметил вошедших и сидел, глубоко задумавшись. Он был небольшого роста, с узкими, как щелочки, глазами, с выбритой на макушке головой до висков, восседал на четырехугольном позолоченном широком, как стол, троне, с несколькими ступенями. Рядом сидела его самая любимая молодая жена, в меховой шапке, с павлиньими перьями на голове, украшенными драгоценными камнями. Она, как кукла, была укутана в дорогую золоченую ткань. Лицо ее было миниатюрное, с маленьким носом и необыкновенно живыми и искристыми глазами, которые с удивлением и интересом смотрели на монахов.

По правую сторону находились мужчины, приближенные великого хана, братья, сыновья и близкие родственники. По левую сторону сидели нарядные женщины, жены татарского хана.

У входа на широкой скамье стоял объемистый бурдюк с кумысом и золотыми и серебряными чашами.

Хан Батый, отвлекшись от своих мыслей, стал внимательно разглядывать католиков, затем приказал встать и говорить.

Вильгельм де Рубрук начал свою речь:

– Великий и всемогущий хан Батый, мы посланники папы римского Иннокентия четвертого. Прибыли к тебе с великой миссией от имени Бога нашего Иисуса Христа и всей нашей католической церкви. Ради мира и дружбы. Ибо мир между нами даст нам все земные блага, которые дарует нам Господь. И призываем тебя, всемогущий и великий хан, уверовать в христианство, ибо сказал Бог: «Кто уверует и крестится, тому Господь даст блага земные и вечное блаженство в раю».

Наступила тишина. Никто в это время не знал, как поведет себя хан после такого смелого предложения. Или он разгневается на послов и велит их прогнать, или милостиво отпустит.

Наконец хан улыбнулся, сказав:

– Я дошел до последнего моря и немного не дошел до Рима. Говорят, это красивый и богатый город. Оставайтесь у нас, и мы обсудим ваше предложение.

Напряжение, которое испытали католики, спало, Вильгельм незаметно смахнул выступивший на лбу пот. Затем Бату расспросил католиков, кого как зовут, и велел писарю всё записать.

Встреча близилась к концу, и хан уже хотел дать знак, чтобы послы удалились, но кардинал Рубрук преклонил колено и обратился к хану:

– Великий и всемогущий хан, прими от нашей церкви скромные дары.

Хан слегка кивнул головой, давая согласие.

Монахи внесли сундук, поставили его перед троном повелителя, а сверху положили меч в дорогом футляре. Кардинал открыл футляр, достал меч, который как молния сверкнул холодной сталью, торжественно произнес:

– Великий и всемогущий хан, мы, посланники папы Иннокентия четвертого, преподносим тебе этот меч дамасской стали, как победителю и великому полководцу.

Рубрук подошел к трону и с поклоном положил меч. Батый взял сильной рукой изумительной красоты меч. Его взгляд впился в необыкновенное оружие. Лицо стало суровым. Прирожденный воин, он даже преобразился, держа в руке клинок, зацокал языком, произнес:

– Кху! Кху! Кху!

Затем спустился по ступенькам, подошел к сундуку. В шатре стояла полная тишина. Вергилио ключом открыл сундук. Крышка с мелодичным звоном поднялась, и взору татарского хана предстали сокровища,

сверкая золотом и бриллиантами.

Батый, сделав непроницаемое лицо, вернулся на свой трон и сказал:

– Ваши подарки порадовали мою душу, особенно меч из дамасской стали. Он будет символом моих новых побед над врагами. За эти подарки я тебя, кардинал, тоже отблагодарю достойно. Я дарю тебе одну из своих лучших жен Айгуль – лунный цветок, – и указал на одну из женщин, сидевших по левую сторону от трона.

Вильгельм от удивления и гнева не мог произнести ни слова. Толмач, стоящий рядом, зашептал ему на ухо:

– Ваше преосвященство, не вздумай отказываться, иначе хан разгневается, кланяйся и благодари. Потом разберемся.

Кардинал, не говоря ни слова, низко поклонился хану.

Батый сделал знак, чтобы все удалились, показывая, что прием закончен.

6

Когда Михаил проснулся, в шатре никого не было. Он полежал некоторое время, рассуждая про себя: «Интересно, сколько времени я проспал? Наверно, долго после такого трудного путешествия по степи. Интересно, где же князь? Почему такая тишина?»

Михаил скинул с себя княжескую шубу, встал, подошел к выходу и хотел уже выглянуть из шатра. Но тут услышал сзади себя тяжелые шаги, обернулся и увидел великого князя. Он вышел из второй половины шатра, держа в руке толстую восковую свечу. Ярослав поставил подсвечник со свечой на стол. Жестом пригласил своего гостя, указывая на лавку, со словами:

– Долго же ты, Михаил Романович, проспал. Настоящим богатырским сном заснул. Я и будить не стал, думаю, пусть выпится, а потом уж и поговорим.

Князь встал, откинув полу шатра второй половины, крикнул:

– Ефим! Подавай побыстрее нам с гостем откусать да неси терпкого вина.

Вскоре пришел слуга и внес на большом блюде мясо, каравай хлеба. Все это он поставил на стол, затем сходил еще раз в отгороженную половину шатра и внес чарки и объемистый кувшин с вином.

– Ешь, пока горяченькое, – указывая на еду, предложил хозяин, наполняя чарки вином.

Только сейчас Михаил почувствовал, как он сильно проголодался, и стал с удовольствием есть жаренное мясо, запивая его вином.

Ярослав с расспросами не спешил, медленно ел, пристально поглядывая на своего гостя. Наконец, увидев, что Михаил уже утолил свой голод, попросил:

– Что ж, Михаил, рассказывай дальше про свою жизнь. Она меня очень заинтересовала. И поподробней расскажешь о том, как ты жил в татарском полоне. А сейчас все-таки расскажи, как попал к татарам в Орду.

Михаил, закончив трапезу, поудобней уселся на лавке, укутался в волчий тулуп, который предложил великий князь, и продолжил свой печальный рассказ:

– Прожили мы в избушке с Анастасиюшкой несколько дней, и всё это время я думал о своей судьбинушке. Что мне делать? Куда податься? Да еще и девушка была со мной. И за нее я был в ответе. Оставаться в городе она не хотела одна, желала пуститься в путь со мной.

Постепенно в город возвращались разбежавшиеся по лесам дружинники и защитники города. Люди стали строить землянки, приводить в порядок уцелевшее жилье. Тут вернулся в Рязань из Чернигова боярин Евпатий Коловрат. Его посылал за подмогой в Чернигов князь Юрий. Но черниговцы не желали помочь нам, и Евпатий набрал людей по дороге, всех тех, кто захотел сразиться за землю русскую. Вернувшись в родной город, боярин, увидев такое разорение, прослезился и воскликнул:

– Ну, поганый хан, ты у меня расплатишься за всё! За гибель рязанцев! За разорение моего города!

Он тут же собрал на площади всех уцелевших защитников города. Бросил клич всем оставшимся в живых дружинникам и всем тем, кто желает отомстить татарам, вступить в его дружину, чтобы расплатиться за всё с врагами. И уже через несколько дней Евпатий Коловрат собрал почти две тысячи воинов. Все вооружились, как положено. Сделать это было просто. Оружие валялось везде. Погибших защитников города предали земле, а оружие собрали и сложили в уцелевший амбар и выдавали всем, кто хотел сразиться с погаными. Я, конечно, один из первых пришел в отряд Коловрата. И вот настал час, когда наша дружина двинулась вслед за татарами. Анастасиюшку я оставил в своей избушке, крепко обещая ей вернуться.

Наша дружина настигла татар уже в Суздальской земле и остановилась в лесу. Напасть на ничего не подозревающих татар мы решили утром. Как только забрезжил рассвет, мы ринулись на своих врагов. Не ожидавшие нападения татары растерялись, не зная, что делать. Пока они опомнились, наш отряд без пощады уничтожал их. Воины дружины сражались, не щадя своей жизни. Евпатий Коловрат был не просто хороший воин, а настоящий богатырь. Он косил своим мечом ненавистных врагов, как траву в поле. Татары, видя такого разъяренного воина, в ужасе разбегались в разные стороны. Не один меч сломал боярин в жестокой сече. Полки Батые не понимали, откуда на них свалилась такая сила. В страхе им показалось, что загубленные ими люди восстали. И татары в ужасе побежали с поля боя. В тот день мы одержали великую победу над несметными полчищами поганых.

Мы почти каждый день нападали на них, наводя страх. Тогда Батый послал против нас хана Хостоврула с самыми сильными полками. Встретились мы с ними в поле. Хан выехал вперед своего войска и стал хвастать, что он сразит любого, кто с ним осмелится вступить в бой. Недолго похвалялся татарский хан. Выехал вперед наших полков Евпатий Коловрат. Вынул меч и помчался на хана, чтобы встретиться с ним в единоборстве. Сшиблись воины в смертельном бою. Разрубил Хостоврула наш храбрый витязь от шеи до седла, и началась великая сеча. Каждый наш воин бился сдесятерыми врагами, и дрогнули тогда татарские воины и побежали.

Но хан Батый снова на нас повел несметные полчища. Бились мы тогда до последнего вздоха, не жалея живота своего. Но на каждого дружинника нападало несметное число татар. Стали наши ряды редеть. Вот уже пал в бою наш бесстрашный воин Евпатий Коловрат. Нас осталось совсем мало. Накинулись на нас татары, повязали арканами и повели к их главному хану Бату. Положили мертвого Евпатия у ног хана, а нас поставили перед ним. Хан созвал своих военачальников и сказал:

– Если бы мои воины были, как эти русские, я бы завоевал весь мир. Они сражались, как львы, не боясь, что нас много. – И, показывая на Евпатия Коловрата, продолжил: – Если у меня был бы такой воин, я бы держал его у самого сердца.

Пораженный и восхищенный нашей храбростью, Батый повелел отпустить нас и отдать тело Коловрата.

Изнаненные, мы двинулись назад в Рязань, неся тело бесстрашного воина, и, найдя подходящее место, похоронили его со всеми почестями. На могиле мы поклялись биться с врагами, мстить им за погибшего Евпатия, за разоренные наши земли, за сожженные города. Вернулись небольшим отрядом в Рязань. Немного отойдя от битвы и подлечив раны, решили всей оставшейся дружиной держать путь в град Киев.

В Киеве наша дружина распалась, все разбрелись по городу и устроились, кто как смог. Мы с Анастасишкой вскоре поженились и стали славно и дружно жить. Град Киев был богатый, в нем процветали ремесла, торговля, и работа мне нашлась по душе у великого мастера булата Никиты Славовича, изготавлиющего оружие: ножи и мечи. Это оружие из булата гораздо лучше и крепче оружия из дамаской стали. Покупали его богатые люди. Так что жили мы безбедно, хватало на жизнь и приобретение небольшого домика. Я быстро овладел мастерством изготовления оружия, за что меня ценил мастер Никита.

Через два года пошли слухи, что татарские полчища опять двинулись на Русь. Вскоре появились беженцы, кочевники-кипчаки и половцы. Их было множество. Они, не задерживаясь около Киева, уходили в Венгрию.

И вот татары подступили к городу, но через реку не стали переправляться, а послали послов к великому князю Михаилу. Послы хотели прельстить князя и горожан, просили, чтобы город сдался без боя, обещая, что они не будут разрушать Киев и не тронут его жителей. Зная лживость поганых, горожане убили послов и решили обороняться. Великий князь Михаил Всеволодович с митрополитом Петром вскоре исчезли из города. Говорили всякое, будто князь испугался огромной татарской силы, другие утверждали, что отправился за подмогой. Тогда галицко-волынский князь Данила Романович поручил защиту города своему воеводе Дмитру Ейковичу.

Татары в этот раз не стали брать город и ушли в степь. Горожане вздохнули свободно, думая, что Господь отвел от них беду, и посчитали, что хан Бату напугался брать неприступный город – крепость Киев. Жизнь в городе стала налаживаться, люди оправились от первого испуга, радовались, что монголы оставили город в покое.

Но в сентябре 1240 года враги вновь подошли к городу с огромной силой. Когда я поглядел вокруг, поднявшись на стены крепости, то увидел, насколько хватало глаз, везде находились татарские воины. Город они обложили со всех сторон. Защищать Киев вышли все горожане.

Вскоре начался штурм. Нечестивцы лезли на стены как муравьи, защитники лили на них смолу, кипяток, кидали огромные камни, баграми сталкивали лестницы, а они вновь ставили лестницы, все лезли и лезли. Десять дней и ночей мы стояли на стенах, отбивая нападение врагов. Хан Бату приказал подвезти к стенам города стенобитные орудия с навесом. Где стены были тоньше, там, не переставая, били огромными бревнами, подвешенными на цепях. Наконец в одном месте стена не выдержала и рухнула. Татары ворвались в город, и началась резня. Они уничтожали всех от мала до велика. Поджигали дома. Наших воинов осталось очень мало, но мы до последнего бились с врагом. Сам Дмитро сражался в первых рядах, весь израненный упал на кучу татарских воинов, которые полегли от его меча. На горстку оставшихся в живых наших ратников татары набросили арканы и взяли в плен. Я оказался в числе плененных.

Вскоре к нам подъехал на резвой гнедой лошадке сам Бату-хан. Он по достоинству оценил мужество воеводы Дмитро и велел сохранить ему жизнь, а я с арканом на шее вместе с другими плененными попал в рабство к татарам.

В Орде я сразу же сообразил, что мое ремесло может меня спасти от безжалостного рабства, а может быть, даже и смерти. Так как пленные находились в очень плохих условиях. Их не кормили, жестоко избивали, заставляли работать плетью и палками, а кто не повиновался или ослабевал, тех убивали. Я сразу же, как выдался случай, сообщил татарам, что умею делать из булата оружие. Вскоре в мое распоряжение дали кузницу с металлоплавильной печью и таких же несчастных рабов, как я, подмастерьев. Первые несколько татарских секир, которые я изготовил, очень понравились ханам. С тех пор за мной укрепилась слава хорошего оружейника. Меня и моих подмастерий кормили объедками и поили кумысом. Наше положение было намного лучше, чем у других рабов, и как выдался случай, я из плена убежал. Если бы не вы, то, наверно, ждала бы меня гибель или бы татары изловили, или волки бы сожрали.

– А с Анастасией-то что? – с любопытством спросил князь.

– Не знаю, – печально ответил гость, – может быть, в плен попала к татарам, а может быть, погибла. Ведь когда поганые ворвались в Киев, они убивали всех подряд. Находясь в плену, я постоянно присматривался к пленным русским женщинам. Думал, а вдруг живая. Только там я ее так и не встретил. Может быть, в другой улус попала? А может быть, и правда погибла?

После рассказа Михаила Ярослав, потрясенный его трагической судьбой, долго молчал, что-то обдумывая. Затем, взглянув на беглеца, сказал:

– Эх, как бы ты мне нужен был бы тут в Орде! Да нельзя тебя назад возвращать. Ты у них был на виду. Они сразу же тебя узнают. И тогда у меня возникнут сложности с басурманами. А меня вызвал в Орду сам Батый, и я ему хочу предложить мир. А из-за тебя может с ними произойти ссора.

Михаил с удивлением посмотрел на собеседника и воскликнул:

– Да какой с этими погаными может быть мир?! Да их бить надо и гнать с нашей земли!

– Это ты правильно сказал, Михаил, что надо бить их и гнать с нашей земли. Да только кто это будет делать? Нам с ними сейчас не биться надо, а договариваться, иначе они придут еще на Русь, пожгут и разрушат наши города и села. Что в этом толку? Были бы еще одни татары, а то с запада прут на нас и немцы, и шведы, и литовцы. Все хотят от Руси отхватить лакомый кусочек, насадить нам свою, папскую веру. Да и биться с татарвой некому. Все князья разобщены, каждый хочет быть сам по себе. Когда татары шли на Русь, никто друг другу не помог, а, наоборот, предали, и пошли некоторые князья на поклон к хану Бату, думая, что он их княжество не тронет. А он и тех и других побил, пожег и угнал множество народу в полон. Нам теперь объединяться надо, устоять от тех и других врагов. Сейчас Батый раздает князьям ярлыки, право на владения княжествами, за тем и меня вызвал. Он ведь тоже не дурак, ему нужна поддержка. Конечно, он прежде всего обложит нас данью, но это лучше, чем пустить на гибель и поругание Русскую землю.

Михаил с потухшими глазами слушал великого князя, затем лицо его вдруг преобразилось, появилась злая ухмылка, он выпалил Ярославу:

– Что ж, вы, выходит, едете к Бату-хану сдавать Русь в рабство! Чтобы мы во веки веков жили под гнетом татар! Не бывать этому!

Великий князь улыбнулся и миролюбиво ответил:

– Не сдавать мы едем в Орду Русь, а выручать. Сейчас самое главное, надо договориться с ханом, и чтобы он дал нам ярлык на правления нашими же княжествами. Иначе он отдаст это другому, который будет пятки лизать татарам, нисколько не заботясь о простых людях. Тем более папа римский, немцы и шведы очень хотят, чтобы мы с татарами начали войну. Тогда у них будут руки развязаны и они захватят северо-западные земли Руси.

Михаил после слов великого князя крепко задумался. Ярослав ему не мешал, только поглядывал на него с улыбкой.

Наконец, оторвавшись от своих мыслей, гость произнес:

– А ведь правду, Ярослав Всеволодович, ты говоришь. Видно, поневоле придется с татарами идти на мир. Их нам сейчас не одолеть.

– Вот то-то и оно, что не одолеть. Надо быть нам похитрее, сделать так, чтобы татары нам помогли побить немцев и шведов. Вот я тут в степи зачем остановился? Да для того, чтобы все еще раз обдумать да дожидаться остальных возки с подарками хану. Уже послал навстречу часть своей дружины, чтобы татары не разграбили. Сегодня должны подъехать, а тогда и с Богом двинем в это чертово логово.

Князь достал из сундучка грамоту, свернутую в трубку и перевязанную шелковой тесьмой, сказал:

– Эту грамоту передашь моему сыну Александру. Там всё написано. О нашем долге пути и о тебе. Будешь служить у моего сына в его дружине. Воин ты знатный. Думаю, у тебя будет возможность отомстить татарам, дай только срок. Сейчас Александр собирается в поход против литовцев. Совсем страх потеряли, уж сколько раз Александр давал им бою, да так, что бежали без оглядки, а нынче опять стали делать набег, грабить и угонять в плен людей. Да и весточку от меня привезешь моим сыновьям, что жив, здоров и уже добрался до Орды.

– Сумею ли я один преодолеть такой путь? – с сомнением спросил беглец.

– Сумеешь, – ответил князь и добавил: – С тобой я отправляю еще пять своих воинов и несколько лошадей, навьюченных пропитанием. Так что, готовься. В путь пуститесь сей же час, время не ждет, а мне надо поспешать в Орду.

Михаил встал, радостно заулыбался и с готовностью произнес:

– По твоему велению, великий князь, я готов пуститься в путь хоть куда!

– Тогда снаряжайся в ратные доспехи. А люди и навьюченные кони уже ждут тебя.

7

День для великого князя Миндовга сегодня начинался на редкость удачный. Во-первых, он был ясный, солнечный и не холодный, что предвещало хорошую охоту на кабанов, на которую он уж давненько собирался, но никак не мог вырваться, то из-за занятости, то из-за непогоды, которая не располагала для выезда в лес.

Утром, проснувшись, князь окончательно решил для себя, что сегодня он на славу проведет время, охотясь на кабанов. Он поцеловал в губы молодую белокурую красавицу-жену, бодро встал и направился умываться, кликнул слугу:

– Клястутис, неси холодной воды.

Слуга, зная пристрастие князя обливаться холодной водой, уже всё приготовил. И как только хозяин встал в огромное деревянное корыто, стал обливать его крепко сложенное тело с головы до ног, ежась от холода.

А Миндовг от удовольствия только побрякивал и кричал:

– Лей же побыстрее! Ох и хорошо!

Затем, схватив толстое холщовое полотенце, висевшее на плече у слуги, стал растираться, постанывая от удовольствия. Растерев тело так, что оно стало розовым, князь потребовал подать одежду. С помощью слуги надел одежду из тонко выделанной кожи с металлическими бляхами на груди, натянул телячьи ботфорты, пристегнул длинный кинжал. Уселся за широкий стол, ожидая, когда служанка принесет завтрак. Полногрудая высокая светловолосая женщина принесла глазурованную кружку с молоком и краюху свежего душистого хлеба на серебряном подносе.

Великий князь по утрам любил пить парное молоко со свежим хлебом, и это было его любимое блюдо. Этой привычке он почти никогда не изменял, исключая походы, когда приходилось есть, что придется.

Управившись с завтраком, князь вошел в обширную палату с высоким кожаным креслом, украшенным медными бляшками, напротив стоял длинный широкий стол с лавками.

Не успел Миндовг сесть в кресло, как к нему подошел один из ближайших помощников, его дядя Викинтас, и сообщил:

– Приехали от папы римского два монаха-иезуита, Гавидо и Витал.

Князь от удивления поднял бровь, спросил:

– Чего они хотят?

– Они хотят с тобой встретиться. Говорят, посланы папой Иннокентием четвертым.

Великий князь с раздражением проворчал:

– Опять, наверно, со своими указаниями. Как будто мы и без них не знаем, что нам делать. Хотят, чтобы мы подчинились немцам и жили под ними в рабах.

– Да ты, племянник, сильно не распаляйся, сперва выслушай их. Узнай, чего они хотят. Может, что и дельное предложат. По крайней мере мы должны узнать, что они на сей раз задумали.

– Ладно, приглашай их ко мне, а князьям, которые собрались на охоту, скажи, пусть немного подождут.

В княжескую палату, не торопясь, вошли иезуиты. Один из них был худощавый, высокий ростом. Одет он был в плащ из грубой льняной ткани, подпоясанный веревкой. Другой небольшого роста, с крупной головой, с черными нависающими глазами, одетый так же, как его собрат. Монахи медленно подошли к князю. Тот, не стесняясь, в упор некоторое время их рассматривал. Затем, улыбнувшись, пригласил сесть их на лавку. Монахи молча сели, ожидая, что скажет литовский князь. На какое-то время наступила тишина, никто не начинал разговор. Выдержав паузу, Миндовг спросил:

– С чем пожаловали, монахи?

Худощавый иезуит произнес:

– Посланы мы к тебе римским папой Иннокентием четвертым по очень важному делу.

– Тогда говорите, что от нас хочет папская церковь, – и подумал про себя: «Опять, наверно, хотят заставить Литву подчиниться Тевтонскому ордену. Чтобы мы выполняли их волю».

– Папа римский Иннокентий предлагает тебе, великому князю, союз против русских княжеств и татар. Одна Литва не выстоит против ордынцев и русских, а вместе с нами тебе ничего грозить не будет. Папа коронует тебя королем, а немецкие рыцари тебе будут помогать, если враги на тебя нападут, – ответил высокий монах.

Великий князь усмехнулся и произнес:

– Немецких рыцарей позови только на помощь, а потом и не выгонишь. Нет уж, как-нибудь сами справимся. Русских нам сейчас бояться нечего. Татары пожгли и разорили их города. Только княжества Ярослава и новгородские земли, где княжит Александр, уцелели, и то, возможно, татары снова войной пойдут на них. Если Ярослав в Орде не договорится с Бату-ханом.

Второй монах, небольшого роста, по имени Витал, пристально глядя на Миндовга, запальчиво заговорил:

– Вот и настало сейчас время вам со своей ратью сходить на Русь. Князь Ярослав уехал в Орду, отпор дать вам некому будет.

– Зато его сын Александр умелый полководец, сумеет защитить княжества, – возразил литовский князь.

– Пока Александр соберет ополчение, пока явится, вы уже возьмете большую добычу и скроетесь в своих лесах. Так что не теряйте времени, а действуйте. Если русские на вас пойдут войной и вы отбитесь от них не сможете, наши рыцари вам помогут, – вкрадчиво посоветовал высокий монах Гавидо.

Великий князь молчал, обдумывая неожиданное предложение. Конечно, он на немецких рыцарей никаких надежд не имел. Он знал, они только и хотят, чтобы литовцы и русские воевали, а они будут на этом руки греть. Дождутся, когда те и другие ослабнут от войн, чтобы взять их голыми руками. Но идея напасть именно сейчас ему понравилась. И действительно, почему бы не пожить в русских княжествах, взять там хорошую добычу и пленных. Сейчас он чувствовал себя очень уверенно. Он подчинил все мелкие разрозненные княжества, образовав единое государство. Пограбить ближние русские княжества для литовских князей было обычным делом. Частенько, напав на руссов, князья совершенно безнаказанно уходили в леса. Сейчас ему хотелось, как никогда, показать перед князьями свою власть, еще раз продемонстрировать свою силу и способности как умелого полководца. Предложение католиков было заманчивым, но и риск был большой. Ибо он знал, что новгородский князь ему это не простит. Уже неоднократно им были биты литовские отряды за набеги на Новгородское княжество.

Великий князь, с неприязнью посмотрев на монахов, спросил:

– Еще что-нибудь папа вам велел передать мне или это все ваши сообщения?

Гавидо, смиренно опустив голову, перекрестился, ответил:

– Это всё, великий князь. Просто подумай, с кем тебе идти, с Русью против шведов и немцев или с русскими против всех. А татары если придут, то спасти ваши княжества будет некому.

Князь на некоторое время задумался, желая ответить посланникам так, чтобы они не расценили его ответ как враждебный настрой. Он встал со своего места и обратился к монахам:

– На ваше предложение ответ я вам сразу дать не могу. Оно очень непростое, и мне необходимо его обсудить с другими князьями. Я не могу пренебрегать их мнением. – Затем открыл небольшую дверь, которая находилась за креслом, крикнул слугу: – Клястутис, иди ко мне.

Слуга тут же появился, вопросительно глядя на хозяина, поклонился в пояс, спросил:

– Что, мой господин?

– Этим слугителей церкви устрой на жительство, напои да накорми их как следует. Вели слугам за ними присматривать, чтобы они ни в чем не нуждались, – и, уже обращаясь к монахам, добавил: – А вы, божьи люди, поживите у нас, отдохните после дальней дороги, а мы пока решим, какой дать ответ вашему папе.

Когда великий князь вышел во двор, все уже были в сборе и готовы к долгожданной охоте. Добротные лошади были привязаны у коновязи. Слуги удерживали собак, специально приученных к охоте на кабанов. Здесь были его племянники Тутвилас, Гедевидас и его дядя Викинтас, они стояли особняком, о чем-то споря. Здесь же были неразлучные друзья Даумантас, Тренета и Вашалгас, которые заговорщически что-то тихо обсуждали. Здесь же были и другие князья.

Увидев Миндовга, все примолкли. Князь сразу почувствовал на себе тяжелый недобрый взгляд Даумантаса. Великий князь давно уже заметил, что Даумантас и его друзья завидуют ему, его авторитету среди князей и власти, которую он стал иметь на все мелкие княжества. Умный, прозорливый и наблюдательный Миндовг понял, что он их не устраивает, что они бы сами хотели занять его место. Но это были лишь его догадки, а доказательств не было. Нужно было ждать, когда они начнут действовать, тогда уж принимать меры.

Князь дал знак слуге, чтобы он протрубил в охотничий рог. Раздался призывный сигнал на охоту, князья стали садиться на своих лошадей. Слуги специально не кормленным собакам давали немного корма, сырого мяса.

Миндовг вскочил на резвого гнедого жеребца, которого подвел слуга, и первым выехал с княжеского двора, увлекая за собой остальных охотников.

День действительно сегодня выдался по-настоящему хорошим и предвещал отличную охоту. Охотники вскоре были на месте, где водилось множество кабанов.

Слуги с собаками пошли по лесным зарослям, стараясь издавать громкие крики и трубя в охотничьи рога. Князья же ожидали с противоположной стороны, держа наготове луки и копья. Здесь нельзя было ошибиться, так как разъяренные кабаны очень опасны, особенно секачи. Требовалось точно попасть в цель, чтобы сразить животного.

И вот затрещали кусты, послышались тяжелый топот крупных животных, хрюканье и повизгивание кабанов. На охотников шло большое стадо. Все приготовились. Каждый князь выбрал свою жертву.

Взвизгивая, стали падать дикие кабаны от метких выстрелов, дрыгая ногами, еще продолжая в агонии свой бег.

Великий князь не мог сразу выбрать себе жертву и уже было расстроился, что останется без добычи. Самолюбивый Миндовг представил, как князья будут над ним подсмеиваться за его неудачную охоту. Но напрасно. Он увидел, что на него движется разъяренный огромный кабан-секач уже с впившимися в его спину стрелами. Князь, прижавшись к дереву, выхватил из колчана стрелу, отставив в сторону короткое копье. Кабан, брызгая пеной из пасти с огромными клыками, несясь прямо на него. Миндовг, не теряя самообладания, прицелился прямо в глаз секачу. В это время он почувствовал, как над его головой, немного задев шлем, просвистела стрела и глубоко воткнулась в дерево, а в кустах мелькнул силуэт знакомой фигуры. Он не стал отвлекаться, чтобы рассмотреть стрелу и с какой стороны она прилетела. Охотник прицелился и пустил стрелу. Она глубоко вошла кабану прямо в глаз. Зверь взревел, закрутился на месте, пытаясь освободиться от стрелы, сломал ее и вновь двинулся на князя. Миндовг схватил рядом стоящее копье, весь напрягся, ожидая разъяренного кабана. И вот огромный секач ринулся на князя. Тот подставил навстречу животному острое копье, которое вошло в грудь зверю. Он взревел и опрокинулся набок, дергаясь в предсмертных судорогах.

Тут подоспели его племянники и дядя Викинтас. Увидев огромного кабана, племянник Тутвилас воскликнул:

– Вот это кабанище! И как ты, великий князь, смог его завалить!

Смахнув со лба выступивший пот, князь, обращаясь к своим родственникам, спросил, указав в сторону зарослей молодых деревьев:

– Вы не видели, кто из охотников там находился?

– По-моему, Теренета и Вашалгас, – ответил Тутвилас.

– А что тебя так интересует, кто там, в засаде сидел? – в тревоге спросил племянник.

Великий князь показал на воткнувшуюся в дерево стрелу, сказал:

– Кто-то в меня стрелял. И кому это нужно?

– Наверно нужно, если стреляли, а для верности еще на тебя огромного секача пропустили, – задумчиво произнес Викинтас.

– Позови ко мне князей Даумантаса, Теренету и Вайшалгаса, – попросил великий князь, обращаясь к племяннику Тутвиласу.

Уже через некоторое время позванные князья стояли перед Миндовгом. Великий князь, указав на стрелу, воткнутую в дерево, грозно спросил:

– Кто из вас стрелял?

Князья переглянулись, затем Даумантас ответил:

– Я тоже хотел бы знать, чья это стрела. Но на нас, великий князь, ты думаешь напрасно. Мы, правда, сперва хотели засаду делать там, – он показал на заросли, откуда прилетела стрела, – а потом перешли в другое место. Может, кто-нибудь из охотников случайно выстрелил?

– Может, и случайно, но почему-то стрела была направлена не в секача, а целились мне в голову. Даже самый неопытный охотник и тот так случайно не пустит стрелу, – ответил Миндовг и добавил: – Конечно, доказать все это сложно, если стрелка за руку не поймали.

– Напрасно, великий князь, ты о нас плохо думаешь. Хотя мы с тобой не во всем согласны и часто спорим, но это не повод, чтобы убивать тебя.

– Ладно, может, и правда, случайно прилетела стрела, но всех предупреждаю: узнаю, кто это был, сразу же отправлю на виселицу, – и, обращаясь к слуге, велел: – Труби всем общий сбор, будем возвращаться домой.

После всех событий у князя испортилось настроение, он не захотел зажаривать тушу кабана прямо в лесу на костре, как это делалось раньше, с большим возлиянием вина.

* * *

Вечером на своем княжеском подворье Даумантас со своими друзьями принимал иезуитов Гавидо и Витала. Велись переговоры о том, чтобы поточнее узнать, что предлагает папа римский Литве.

Иезуит Гавидо рассказал князьям всё, что желает католическая церковь от великого князя Миндовга, а в заключение сказал:

– Мы вам предлагаем совместные действия против русских и татар. Ведь вашему маленькому государству не выстоять против них.

– И что же вам ответил великий князь? – поинтересовался Даумантас.

– Великий князь не дал нам никакого ответа, но что-то подсказывает мне, он не согласится. Потому что заявил, что если позвать на помощь немцев или шведов, то потом их со своей территории не выгнать.

После этих слов князь подумал про себя: «И действительно, потом от них не отделаешься. А что если поиграть с ними и при помощи римской церкви убрать Миндовга со своей дороги». Даумантас со своими друзьями не любили великого князя за его властность, удачливость в походах, за то, что тот сумел создать крепкое государство. Завидовали ему, боялись и ненавидели.

Отвлекаясь от своих мыслей, князь Даумантас обратился к иезуитам:

– Если вы поможете нам убрать великого князя, то мы, пожалуй, согласимся с папой римским.

Продолжение следует.

Эльдар БАДЫРХАНОВ

Окончание. Начало в №6-9.

Месяц Марса

Повесть

29

Отправились мы с отцом серым, туманным, но по-весеннему будоражащим утром, и поехали по трассе Ростов-Баку. Серые горы вдалеке, серые дома, некоторые с искусной китчевой резьбой по жестяной кровле, пожухлая прошлогодняя трава, грязь на обочинах, кое-где тающие в грязи остатки снега и льда. Кабардино-Балкарию проскочили быстро, потом Осетия, Чечено-Ингушетия...

Мы почти не останавливаемся. Жую на ходу бутерброды с колбасой. Я разливаю чай из термоса, Расул пьет его прямо за рулем из пластиковой кружки, она же крышка.

День во всех северокавказских республиках был пасмурный, лишь изредка выглядывало солнце. Пару раз весело закапал весенний дождь. После полудня мы были уже в Дагестане.

Пасутся бараны под опекой мудрых пастушьих собак, никаких не волкодавов, а приземистых дворняжек с отрезанными ушами. Виноградники в спячке, мусульманское кладбище с покосившимися старинными столбами-надгробиями... Было тихо и приятно. Совсем рядом родные места деда Рахимхана, но нам южнее.

Доехали до границы, река Самур, пограничный мост... Приграничный Гусарский район, населенный лезгинами, городок Гусары, где тоже побывал Лермонтов. Там он услышал дастан про Ашуга Кериба и потом написал про него поэму.

От Гусаров до Баку меньше двухсот километров. Папа едет быстро, порой на непозволительно высокой для «Москвича» и этих дорог с колдобинами скорости. Расул не романтик, чтобы остановиться и полюбоваться горами, поросшими лесом, но и его восхищает эта природа, мимоходом, из окна машины. Большой Кавказ, Главный Кавказский хребет.

Мост через Кусар-чай, какие-то слегка обшарпанные здания, подстроенные еще, видимо, в 50-е. Едем дальше, мимо Кубы, когда-то столицы Кубинского ханства, дальше Дивичи, Сиазань, потом еще немного, и Апшеронский полуостров. Полупустыня наша начинается, нефтью и солью пахнет. Этот наш ветерок, этот смог, ни с чем не перепутаешь. У основания полуострова на северном берегу – Сумгаит. Неопрятный пейзаж, мусор, линии электропередач, ржавые столбы, верблюжья колючка, качалки, вышки. Родная земля.

Вечереет, тихо по-весеннему вечер, небо краснеет, когда мы подъезжаем к Баку.

– Смотри, вон машины разбитые, танками раздавленные. – Расул показывает рукой на внушительное кладбище покореженных авто. На въезде в город заметны еще более явные следы январского штурма – следы от пуль на бетонных балконах и стенах многоэтажек сверху донизу. Смотриятся впечатляюще, без крупнокалиберных пулеметов тут не обошлось. Советская армия в тот и, как выяснилось, последний раз уже не церемонилась.

Вечерний весенний Баку в канун праздника Новруз мне показался каким-то странным, загадочным. Кажется, я очень давно не был тут, как будто вернулся после многолетнего пребывания на чужбине. С одной стороны, все знакомое – широкий проспект, старые добротные серые дома с чудесными балкончиками, с другой – какое-то чудо, фантазмагория, ведь я отсюда уехал навсегда, вернее, уплыл. И вот я снова здесь, и весь город на месте, небо и воздух и весна – все знакомое, но уже другое. Так странно, я снова здесь. Хотя прошло всего пару месяцев. Но кажется, много лет... Это уже не город моего детства, это совсем другой город. И от этого он не хуже, даже лучше. Закат, красные отблески вперемешку с последними лучами. Почему-то малолюдно.

Уже у нас в районе, «на Разина», на остановке, я заметил граффити – «Адолъв Горбачов палачь и убийца!»

Мы приехали домой, и все мне казалось другим, каким-то маленьким. Потом привык. В моей бакинской школе никто излишнего любопытства не проявил, не спрашивал, где я был эти месяцы. Завуч Лидия Васильевна спокойно оформила мне ведомость за третью четверть. У нее с Расулом были общие друзья. Вскоре она уволится и покинет Баку.

30

Элла позвонила в Баку, в квартиру Рината из пятигорской междугородней будки, у нас телефона не было. Очередной оговоренный сеанс связи. Ее интересует, продает ли муж дом, когда мы переедем? Уже

невыносимо жить в доме у Севиндж. Подруга детства держится как никогда холодно, почти враждебно. С работы в носочно-колготочном кооперативе Эллу уволили.

– Расул, что будем делать? Какие у тебя планы?

– У нас тут вроде все нормально... Хочешь, приезжай, да... Многие жены-армянки возвращаются...

Так и было. После январского штурма в Баку установился почти прежний советский порядок. Речи о возвращении армян быть не могло, но женщины, защищенные мусульманскими фамилиями мужей, получили возможность незаметно существовать.

Элла резко бросила трубку. На глаза навернулись слезы. Потом слезы стали застилать глаза, и не смотря на то, что она пыталась сдержать этот предательский поток и сглотнуть подкатившие рыдания, на нее стали оборачиваться люди.

Элле было безмерно горько, она чувствовала себя одинокой, беспомощной, покинутой. Она и раньше не считала, что находится за мужем, как говорится, как за каменной стеной, а сейчас вообще ей стало так горько, что сдержать слез никак невозможно. Она еще создавала перед родственниками и друзьями образ солидного мужа с характером! А он не способен принять решения! Не способен ни на что!

«Как понять это «хочешь, приезжай»? Я что тут, от хорошей жизни, на курорте? А если бы я не спросила, это все бы вечно продолжалось? Вечно приживалкой бы была? Он, значит, там живет дома, а я здесь унижаться должна...» — думала Элла и рыдала.

Она решила взять Лину и уехать в Москву, оформиться там беженкой официально и, как многие армяне, подать документы в американское посольство. Уехать в Америку назло всем. Потом Элла думает о бедных своих родителях, которые лишились всего на свете. У отца разыгралась стенокардия. А это может быть опасно, не дай бог... С сердцем шутки плохи. Надо поехать к ним, в Армению, в этот бедный пансионат в горах, где до апреля лежит снег. А сейчас уже май, то есть все не так плохо. Вытирает глаза платочком, идет на рынок за фруктами, чтобы не с пустыми руками возвращаться в опостылевшую Лысую гору. С пустыми руками в Баку не принято, если ты в гости собираешься. А если ты в гостях задержался, надо хозяев баловать вниманием.

Линка расстроилась, хотя и хотела увидеть бабушку и дедушку. Билеты куплены на 13 мая, а 19 мая ее должны принять в пионеры. Это самое важное событие, она к нему так долго готовилась... Все станут пионерами, кроме нее! Обидно, но пожелания детей в планах взрослых редко учитываются.

Уже второй раз летела Элла в Ереван. Оттуда надо было попасть в окрестности городка Цахкадзор. В этот раз было проще, ее и Линку встречал дед Гриша, он уже был на машине, мы пригнали его «Запорожец» из Баку. А что тут ехать — всего пятьдесят километров, правда, по горной дороге.

Элла в прошлый раз летела, чтобы получить какие-то деньги, довольно приличные, какую-то компенсацию, причитающуюся беженцам. Деньги передала родителям и помогла обустроиться на новом месте. Была еще зима, и поездка произвела на нее тягостное впечатление. Таксист, нанятый в Ереване, вел машину по зимним горным дорогам с опасной небрежностью и все время отвлекался на разговоры и, прямо скажем, флирт. Трещал о том, что все позади, что Элла на Родине, и называл ее ласково «курик-джан», сестричка. Неприятно было ехать с ним во всех отношениях. И цену, между прочим, заломил весьма приличную, совсем не братскую.

Дед встретил дочь и внучку, обрадовался до слез. Появившаяся у него слезливость беспокоила Эллу. Повез на тархтящем своем автомобильчике в направлении Ущелья цветов, так переводится с армянского Цахкадзор. По дороге остановился. Открыл дверь, вышел из машины и указал рукой на Арарат. Важнейший символ Армении величественно сиял на горизонте, на территории Турции. Его было хорошо видно, нимб из облаков, легкий туман и чуть расплывшиеся контуры добавляли Арарату загадочности.

– Смотрите, это Арарат! — сказал Григорий.

Деду нравилось дышать воздухом Родины. Его это утешало. Между тем разреженный воздух горной местности был бабушке уж точно не на пользу.

Жили беженцы бедно. В пансионате, который в лучшие времена принимал беспечных горнолыжников (благо, кататься можно до середины апреля), разместили карабахцев, бакинцев и жителей городов, разрушенных недавним страшным землетрясением. На семью дали по комнате. Чтобы толком помыться, нужно спускаться с гор в Цахкадзор, он в нескольких километрах ниже, и посетить там общественную баню.

Однако всюду жизнь, и виды в горной Армении чудесные. А воздух какой! Хоть и разреженный...

В комнатке обустроились, бабушка готовит на электроплитке. Главное, успеть доготовить, пока свет не вырубят. Эмилия никогда не будет есть еду из столовой пансионата. Беженцев бесплатно кормят.

Дед с удовольствием ест эти бедные супы и каши, за ним увязывается и Линка, что немного беспокоит бабушку. Над дедом за пристрастие к казенной пище она подтрунивает, а ребенок отравится еще. Дед был советским матросом и солдатом, что ему сделается.

– Все, что мягче камня, я ем, – с улыбкой говорил Григорий.

В Армении было совсем плохо с продуктами, полки магазинов окончательно опустели. Еду можно было купить у крестьян на рынке по непомерно высоким для беженцев ценам. Бабушка с улыбкой рассказывает о соседях, которые важно готовят «ложную» долму, заворачивая пустой рис в виноградные листья. Листьев тут полно. Но как долма может обойтись без мясного фарша? Бабушка вкусно готовила долму в Баку. Молола мясо в мясорубке и никогда не забывала упомянуть, что в старину мякоть превращали в фарш деревянным молоточком. Однако отбивать приходилось очень долго. Но и вкуснее получается. Поэтому и была долма в старину праздничным блюдом.

Работы тоже никакой нет. Тете Ане, которая отличается детским простодушием, общительностью и отзывчивостью, удалось устроиться в столовую соседнего пансионата посудомойкой. Иногда она берет с собой туда Линку. Сотрудницы, тетки, мило общаются с ребенком и угощают разными вкусностями.

Моей сестре Цахкадзор понравился. Красиво, цветочков разных много. Горные дикие гвоздики, тюльпаны, всякие полевые цветы, полно земляники. Лина с тетей Аней собирали цветы и чабрец, его добавляют в чай. Можно умыться ледяной водой из ручейка. Вода точит древний камень с выбитым ликом Христа. В трещины принято на счастье вкладывать монетки. Тетю Аню крестили на исторической родине, но она, если честно, не особо во всем этом разбирается...

Лина сдружилась с детьми и играет с ними. Взрослым обитателям пансионата сдружиться сложнее. Бабушка Эмилия общается с другой беженкой-бакинкой по-русски. «Местная» беженка из пострадавших от землетрясения проходит мимо и шипит по-армянски:

– Не говорите на этом собачьем языке, говорите на родном языке!

Пострадавшие от землетрясения панически его боятся. И не зря, пару раз окрестности Цахкадзора трясет. Однажды, поздно вечером Элле показалось, что под полом катится огромный металлический шар. Еще через некоторое время послышались панические крики: «Выходите, выходите, землетрясение»!

Бабушка плохо ходит, и выскочить из здания ей сложно, но еще сложнее деду Грише, он уже лег в кровать и снял протезы. Бабушка сказала, что без него не пойдет, Элла ждала родителей, так что первыми выскочили Линка и тетя Аня. Земля, как говорится, ходила под ногами. Люди сбились в кучки, а женщины из беженцев, пострадавших от землетрясения в Спитаке и Ленинакане, уже близки к истерике. Вот-вот начнут заламывать руки и рвать на себе волосы. Они-то знают, как это страшно.

Элла с родителями, сестрой и Линой садятся в «Запорожец», дед греет мотор, чтобы в случае чего уехать побыстрее, аккуратно объезжая огромные разломы в земной коре. Но твердь не разверзлась, и пансионат под землю не провалился. Через некоторое время аждааки перестали бесноваться, и толчки прекратились. Но люди напуганы, все начинают расходиться, когда уже светает, только после того как собака начинает затаскивать щенков обратно под лестницу. Во дворе пансионата под лестницей живет собака, у которой недавно родилось 12 щенков. Собака добрая и часто широко улыбается людям. Да, есть такие собаки, которые умеют улыбаться. Она не возражает, когда дети играют с ее упитанными щенками. Лина даже принесла щенка в номер, показать бабушке. Так вот, еще до того как самые опытные обитатели пансионата почуяли толчки, собака вытащила всех щенков из норы под лестницей. Если она их туда затаскивает – значит, опасность миновала.

В монотонной жизни беженцев не так много событий. Сезон катания на лыжах закончился, и посторонних почти нет. Редким туристам можно позавидовать, это нормальные люди, у которых нормальные дома и есть деньги на такое праздное времяпрепровождение, как поездка в эту дыру. В соседние пансионаты приезжают компании с девушками, ереванская «золотая молодежь». Курят хорошие сигареты, еду и напитки привозят с собой.

Поэтому появление в пансионате фидаинов¹ вызвало особенный интерес. Тем более таких персонажей там еще не видели. Оружие бойцы не афишировали, но в камуфляже расхаживали. Некоторые в штатском, но выдавали их бороды. Все фидаины бородатые, как кубинские «барбудос», с ними их в основном с усмешкой и сравнивали. В пансионате за фидаинами были закреплены номера, бородачи отдыхали, развлекались, набирались сил. Заодно вербовали в отряд, вели патриотические беседы, обещали, что скоро снова выступят на защиту армян в Арцахе. Кто воевал, а кто «понты кидает», не разберешь.

– Мы принесли бакинских армян в жертву делу Миацума. Ради объединения армянских земель, – объяснил Элле лысеющий бородач в пиджаке, назидательно подняв палец. Ну что взять с таких?

Фидаинов не преследовала милиция, местная уже совсем условно «советская» власть будет относиться к ним с симпатией с каждым днем. У них появятся своя мифология и фольклор. В среде фидаинов было много русскоязычных бакинцев и карабахцев, и среди настоящих боевых песен и маршей затесалась и, думаю, пользовалась популярностью песенка на мотив легкомысленного блатняка «Доля воровская». Называлась она, естественно, «Доля фидаина». Я слышал на кассете в народном, кустарном сборнике блатных песен и матерных частушек.

Петь следовало с бакинскими «блатными» интонациями, по-русски с легким акцентом.

*Вот стоят на сопках фидаины,
Защищают родину сваю,
Все равно мы турков не прапустим, вай мама-джан,
Дажи если все мы здесь умрем!*

*И припев:
Я пишу, пишу тебе, Марина,
Вот какая доля фидаина!*

В ряды фидаинов вступали и девушки. Одна из работниц пансионата, известная крикливостью и скандальностью, уже щеголяла в камуфляже. Ее налитые груди и толстая попа смотрелись смешно в камуфляже. Густые черные кудри никак не хотели помещаться под кеги, пришлось их подстричь. До того как встать на путь борьбы за воссоединение армянских земель, она работала в пансионате, кем-то вроде горничной и девушки с ресепшна. Надела форму и стала «блатовать» еще больше. Беженцев и местных все это только веселило, они шушукались и подмигивали, обсуждая ее функции в отряде, который в общем-то в бой пока идти не спешил, да и до «линии фронта» было далековато.

Папа с мамой разошлись, позже официально оформили развод. Элла с оказией передала паспорт, и Расул за небольшую взятку получил печати.

Это не самое сложное – получить развод с армянкой. И не такое проворачивали.

В пансионате в Цахкадзоре жили армянки, жены и любовницы азербайджанцев, были и беременные, которые родили и получили свидетельства о рождении на армянском языке и с армянским именем-отчеством, и с девичьей фамилией матери. Отцы этих детей, между тем, за взятки получали «метрики» с настоящими фамилиями и отчествами и азербайджанским именем ребенка, что давало возможность в будущем ребенку посещать отцовский дом.

Расула вся эта история потрясла. Сначала смерть отца, потом ограбили тестя, страх за семью, и в итоге развод. Сказать, что развод дался легко – тоже нельзя. Они встречались на «нейтральной» территории, в Пятигорске или Ростове. Мама недолго задержалась в Армении, там было невозможно и нереально жить. Голодно и холодно. Она переехала в Ростовскую область к своей тете, которая жила в большом армянском селе. Потом стала жить в Ростове, а родителей перетянула в область.

Отец был в депрессии, вслед за распадом семьи все хуже и хуже становилось на работе. Он прихворнул, расклеился, то почки, то желудок, потом сердце. Так что даже к врачу пришлось идти, кардиологу. А к врачам папаша сроду не ходил. Врач посоветовал не нервничать, курить меньше, но не бросать, и курить советские, а не импортные сигареты. А папа и так «Космос» курил, «Мальборо» только по праздникам. Еще посоветовал доктор не пить коньяк, но исключительно водку.

31

В августе 1991 года я пилил по команде русского мебельщика Валеры какие-то наличники или что-то в этом роде. Особо над этим не задумывался, главное, все сделать четко и ровно. А это сложно, когда хочется только слушать радио и офигевать.

Мы с Валерой внимательно слушали радио «Свобода» и устанавливали межкомнатные двери по заказу довольно состоятельного клиента. Еще предстоит собрать шкаф с антресолями для прихожей и какие-то полки, я уж не входил в подробности. Мне это не интересно. Приемник у мастера отличный, не то что у папы в машине или у меня на «мафоне». В Москве путч, танки, власть захватил ГКЧП. Телевизор показывает балет и программу «Время». Но телевизора нет, и надо трудиться. Дом частный, что хорошо. Приятнее работать, когда есть возможность часть операций сделать на открытом воздухе, хотя и жарко. Семью клиент вывез на отдых в родовое селение на севере республики.

Честно говоря, я только подаю инструменты, заготовки или пилю по команде. Или сверлю и винчу. Или разглаживаю фанеру утюгом, чтобы приклеилась лучше. Или что-то еще выполняю неквалифицированное. Валера не просто столяр и плотник, он специалист высокого класса. Лысеющий плотный мастер еще совсем не стар. Ему, может, за тридцать. Работает не спеша. Покусывает пшеничный ус, обдумывает свои действия, что-то чертит на фанере огрызком карандаша, потом снова задумчиво помещает его за ухо. Работу ему нашел папа, Валера и у нас двери ставил и шкафы собирал. В последнее время заказов у мастера все меньше и меньше, а уж с хорошим материалом вообще беда. Валера справился бы и без помощника, но так будет быстрее.

– Ничего особенного делать не придется, Рустам. Так, подать, поднести, – предупредил он меня.

Это и хорошо, есть время слушать радио. Приемник Валера захватил просто так, чтобы скучно не было. Он и подумать не мог, что радио так пригодится. Если бы не адский визг станка с дисковой пилой, наподобие того, к которому любят привязывать людей с кляпом во рту в «боевиках», только поменьше, и жужжание дрели и шуруповерта, то отлично было бы. Хочется не пропустить ни слова. Но путч путчем, а не такой человек Валера, чтобы из-за какого-то переворота в стране забить на работу и слушать радио.

В Баку и его окрестностях, несмотря на всеобщую бедность и дефицит, начинается что-то вроде строительного и ремонтного бума. Это можно понять. Люди заняли квартиры армян, хотят их по-своему обустроить, расширить, отремонтировать. Не все армянские квартиры достались настоящим беженцам, потому что не все переселенцы из Армении – несчастные беженцы, кое-кто приехал с деньгами. У настоящих беженцев, захвативших армянские жилища, состоятельные местные жители могут выкупить квартиры, а можно и у русских, потянувшихся вслед за армянами приобрести жилье. Многие русские сразу после «Черного января» испугались мести. Те, кто не испугался, все равно думали об отъезде. Некоторые решаются, другие остаются в родном городе, но думают все.

Русские отъезжают в РСФСР, евреи – в Израиль, а в Азербайджан прибывают грузинские азербайджанцы, или «гразы». Они не беженцы, просто решили заранее вернуться на историческую родину. Пока за них не взялись. Среди «гразов» немало уверенных людей на новых «Жигулях» и «Волгах» и с «видаками» дома. Попав в столичный регион, многие из них захотели приличных интерьеров. Азербайджанцы не унывают и жить умеют, хотя появилась и невообразимая беднота.

Работать с Валерой несложно. Вот на другом объекте, где я помогал каменщикам, приходилось выкладываться. Там надо было лопатой месить раствор, скрежеща в железной ванне. Песок, цемент, вода. Воду аккуратно, чтобы не переборщить, чтобы слишком жидко не было. Подавать раствор каменщикам в каком-нибудь корыте или ведрах. Ручки старых ведер врезаются в ладони. И рукавицы слабо помогают. Потом мозоли и ссадины разъедают цемент и известь. Приходится таскать камни, наши кубики, а они тяжелые. Кидать лопатой бетон и долбить ломом асфальт, чтобы какую-нибудь трубу проложить, тоже утомительно. Каждый удар ломом больно отдается в ладонях.

Но мне нравилась тупая физическая работа, я же неумелый гуманитарий, и катать тачку, хватать носилки, орудовать ломом, размахивать кувалдой или тяжелым тупым топором для раскалывания кубиков как раз по мне. Это укрепляет мускулы, я стал гибким, сильным и поджарым. С непривычки руки, плечи, ноги, спина ужасно болели. Потом привык.

Кожа задубела и уже не слезает, как раньше от загара. Я же слишком белый для наших широт. Раньше стоило чуть позагорать, и становился красным как вареный рак. Сразу сильные ожоги, кожа облезала. Не получалось стать по-настоящему загорелым.

А тут не от праздности загар, а от работы. И ничего, насыщенный и стойкий. Немного облез сначала, веснушки на спине и плечах появились, потом привыкла кожа, и стал смуглеть по-настоящему.

Папа привез пару бутылочек белого сухого вина «Аг-Суфре», а еще лепешки, сыр и помидоры. Мне налил полный стакан, но всего один. Ну и на том спасибо. Валера пьет мало и курит редко.

Мы обсуждаем путч. Мне кажется происходящее в Москве крайне важным. Естественно, я против путчистов, мне неприятен и Горби. Я был за Ельцина, за Верховный совет России. Всей душой желал им победы и с удовольствием бы пошел на баррикады, на защиту Белого дома. Мысль о возможной победе «путчистов» наполняла меня дикой тоской. А отец болел за путчистов. Говорил, что он за Советский Союз, а ГКЧП, люди хотя и недалекие, но борются за страну, за порядок. Он упрекал их в нерешительности, мягкотелости, слабости. Надо действовать активнее, разогнать этих бездельников у Белого дома и арестовать «проходимца» Ельцина, горячился он.

Таких слов я вынести не мог и начал яро спорить. Я смотрел Российское телевидение, туда перешли мои любимые ведущие с ТСН, смотрел «Вести» с конями на заставке и «Парламентский вестник России».

Ельцин мне тоже особо не нравится, но как можно быть за путчистов этих, а? И так мы тут какой-то ерундой занимаемся, когда там, в Москве такое творится... Валера улыбается, суждения его осторожны, больше молчит, задумавшись. Только непонятно, о чем думает, о судьбах России и Союза или о том, как лучше где подогнуть, прилепить и прибить.

ГКЧП поддержал не только Расул, но и многие в Баку, в том числе и руководство Азербайджанской ССР.

Президент и Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Аяз Муталибов 19 августа в Иране, где он был с визитом, поддержал ГКЧП публичным заявлением.

А почему бы ему, президенту Муталибову, не поддержать «путчистов»? Человек он советский, в середине июля 90-го года поднялся на головокружительную для советского человека высоту – стал членом Политбюро ЦК КПСС. И в республике под его руководством покой и мир, шрам «Черного января» затягивается. Центр даже не помешал провести официальные мероприятия в годовщину трагедии. Москва полностью поддерживает территориальную целостность Азербайджана. Войска помогают бороться с армянами, и глядишь, скоро мятежный Нагорный Карабах будет усмирен.

Горбачев Муталибову не нужен. Он уже допустил Карабахский конфликт, его ненавидят и армяне и азербайджанцы. Без Горбачева власть Муталибова даже укрепит, хотя возвысился он при нем.

Тень от ненависти, которую народ испытывает к Горби, ложится и на Муталибова, президент СССР начальник президента Азербайджана (президентом Муталибов избран по примеру Горбачева). Правда, в ГКЧП входит министр обороны Язов, который в глазах азербайджанцев повинен в «Черном январе» не меньше Горби, но все же у Язова не такая известность.

Муталибов уверен, что договорится с новыми старыми властями. И президент Азербайджана знает, что в Карабахском конфликте ГКЧП будет на его стороне. Армения уже антисоветская республика, решения Центра саботирует и бойкотирует, хотя и не так явно, как Прибалтика.

Но демократия победила, хунта (так ГКЧП называли в газетах) проиграла, и 23 августа Муталибов перестал быть членом Политбюро, КПСС уже пришел конец. За день до избрания Муталибова в Политбюро Ельцин вышел из партии. И при этом руководил РСФСР, и ничего. Очевидно, звание члена Политбюро стремительно девальвировалось, как и советские деньги.

Деньги тогда еще не так обесценились, как звание члена Политбюро. Все было еще впереди у денег. Пока самым важным событием была денежная реформа Павлова, направленная на изъятие «нетрудовых доходов» и обогатившая цвета советских купюр.

С утра идешь в школу, а бакинский ветер кружит мелко нарезанные цветные бумажки. Пригляделся, да это же кусочки денег, «полтинников» и «стольников». Не успели обменять? Не смогли обменять? А почему нарезали? А вот, поди пойми...

Я был рад, что победил Ельцин. Я работал с Валерой в эти самые важные три дня, и можно было слушать целый день радио, и я болел за Ельцина, как за советскую сборную на чемпионате мира по футболу год назад. Ельцин стал чемпионом, а советской сборной уже не будет никогда.

Впрочем, победа Ельцина в Москве для нас, прежде всего, означала, что мы с Москвой больше не будем в одной стране. Представить это было невероятно сложно, и так до конца и не вышло.

Весной того года меня призывал в комсомол вступить смуглый высокий красавчик Мушфик, наш комсорг. Я отказывался.

– Ну ты смотри, Рустам, тебе ведь еще поступать... Ты же хорошо учишься. Ты поступать в институт будешь?

– Буду, наверное...

– Вот с вашего класса Эльнара вступила... Так что подумай хорошо.

И он показал мне комсомольский билет, который получил за мою одноклассницу. Серьезный некогда документ у меня вызвал только усмешку. Из пацанов тоже никто не вступил, но Мушфик мне советовал не обращать на это внимания. Впрочем, он улыбался, и видно, и сам к комсомолу относится с иронией.

Потом мне было жаль, что не вступил. Так был бы одним из последних комсомольцев, на память сохранил бы комсомольский билет. Дед Григорий свой билет хранил до конца жизни. Расул и Рахимхан комсомольцами не были.

Многие в Баку думали: не надрывайся Советский Союз, не решай никаких проблем, хотя бы просто сохранись. А то без тебя страшновато совсем. Я хоть и хотел перемен, но от таких резких перемен было не по себе.

В Азербайджане к независимости привыкли быстро, для тех, кто колебался, утешение: Москва не бу-

дет отнимать нашу нефть. Все отдавали Москве, не только нефть, но главное – нефть. Теперь все будет нам оставаться, говорят люди, и заживем мы, как Кувейт. А у армян нефти нету, замерзнут и сдохнут они без топлива.

32

Через год я сидел на крыше, пил белое вино «Аг-суфре» прямо из горлышка и курил одну за другой. Лида уехала навсегда. Так вот я переживал. На политику мне было совершенно наплевать. Казалось, прошел не год, а лет десять.

Про крышу вспомнил, потому что только там можно по-настоящему побыть одному. А выходить никуда не хотелось. В детстве, когда гулять наскучивало или было не с кем, я частенько залезал на крышу нашего дома. Бетонная кровля пристроенной к дому нашей кухни – плоская, на ней удобно сидеть. Мне нравилось проводить там время в одиночестве, просто сидеть и смотреть в какую-нибудь далекую точку.

«Основная» крыша дома двускатная, она метра на полтора выше плоской кровли кухни. На чердаке ничего интересного не было: доски, железки, инструменты и противогаз в сумке. Оставил какой-то мастер, он что-то красил у нас вредной краской. ГП-5, который без шланга, и резина весь череп закрывает. Раньше, когда был маленьким, зачем-то надевал противогаз. Зачем? Тренировался на случай ядерной войны? Из детского глупого любопытства.

Они задолбали нас этой ядерной войной. Апокалипсические фобии одолевали мальчишек, девчонок и впечатлительных женщин. Мужчинам в СССР всегда было полегче – они хоть имели возможность регулярно бухать. Только пофигизм советского человека не дал развиваться у нас движению сервайвалистов, о которых я прочитал в журнале «Вокруг света».

Эти представители американского среднего класса, любители светлого некрепкого пива «Миллер» (так написал автор статьи, тогда не пробовал такого пива), строили бомбоубежища на своих приусадебных участках и запасались оружием и консервами. Неужели будет ядерная война? Нам конец, в Баку обязательно пошлют ракету, здесь же нефть. Кончится этот уютный бакинский мир. Однако всерьез такая перспектива могла напугать разве что детей после учений в школах.

«Так, про пять факторов ядерного взрыва расскажи. А что вы будете делать, если взрыв? Под парту ложится? Ну можно и под парту... Лицом вниз, главное, а то глаза вытекут, – с ироничной улыбкой говорил Дадаш Дадашевич. – Но это в крайнем случае, а вообще надо получить противогаз, надеть его и проследовать в ближайшее бомбоубежище».

Пользоваться противогазом учила нас добрая пожилая Варвара Матвеевна еще во втором или третьем классе. Когда она надела противогаз, нам стало немного смешно. Но все было серьезно. Варвара Матвеевна что-то промычала, а потом содрала маску, лицо ее было строгим. Она не намерена была превращать обучение в шутку. Противогаз был со шлангом, ГП-4у, он держится при помощи ремешков на голове. «А в сумку вы можете положить еду. Надо брать с собой еду в бомбоубежище», – объяснила учительница. Тема еды живо заинтересовала глуповатую пухлую армянку Натку. Она все упрямо тянула руку и озадаченно задавала вопросы о еде. А какую еду, а сколько еды? А можно ли брать котлеты? Слово «котлеты» Натка произнесла плотоядно, сглотнув слюну, глазки ее сделались мечтательными. Видно, девочке просто нравилось говорить о еде. Варвара Матвеевна начала раздражаться.

Потом Советский Союз стал трещать, и появились реальные причины для паники, и про ядерную угрозу все забыли. И уютный бакинский мир скоро стал совсем другим – тревожным, опасным и непредсказуемым.

Вино стало теплым, хоть скоро и осень, у нас жарко. Белое вино хорошо бы охлаждать, но мне было все равно. Я уже успел почти полбутылки заглотнуть, поэтому мне было в общем-то неплохо. И крыша была отличным местом. За скопищами соседских крыш можно было увидеть очертания желтых холмов, которые скоро станут охровыми, когда солнце начнет клониться к закату. В бесконечное голубое небо хотелось окунуться, настолько оно было теплым и радостным.

Я помогал им грузить вещи в контейнер. Всякую посуду, мебель, книги. Босс Тамика любезно приобрел пианино как Лидино, советское, типовое, так и старинное и ценное бабушкино. Тетя уехала раньше, прихватила старинные часы, здоровенный шифоньер, даже разную рухлядь. Впрочем, рухлядь у нее была живописная. Купила она двухкомнатную квартиру в Нарофоминске, где у нее были какие-то знакомые.

Ольга Васильевна часть мебели распродала соседям, так как квартиру еще не купила, и остальная мебель будет храниться в частном доме у родни в городке Гаврилов-Ям, откуда она родом. Я никогда не

слышал о таком и вот что вычитал в Большой советской энциклопедии:

Гаврилов-Ям, город (до 1938 село), центр Гаврилов-Ямского района Ярославской области РСФСР, на р. Которосль (приток Волги), в 46 км к Ю. от Ярославля. Соединён железнодорожной веткой (20 км) со станцией Семибратово (на линии Ярославль – Москва). 21 тыс. жителей (1970). Льнокомбинат (основан в 1872 как льнопрядильно-ткацкая фабрика). Вечерний текстильный техникум.

И сейчас Лида будет там жить, учиться в школе. Мы с ней скромно попрощались в аэропорту. Вокруг было серо и буднично, несмотря на субботу. Я вспоминал ее, и слезы, стыдные слезы подкатывали... Вспоминал какие-то фразы, словечки, улыбки, ее детские фото, которые она мне показывала. Я попросил показать фото, среди них были и детские. Почему-то трогательно было вспоминать ее детские рисунки, которые попались мне вместе с фотографиями. Их ее мама сохранила, хотя она казалась мне какой-то холодной, недостаточно тепло относящейся к дочери. Лида смущенно улыбалась, когда я рассматривал историю кота по имени Пушок в картинках. Был у них такой кот, и она его рисовала.

Мне казалось, самым трудным будет ходить на работу, сидеть в будке и продавать разное г... Однако, как ни странно, это даже отвлекало. Главное – курить, особенно с утра, как придешь.

На следующий день после приезда Лида, как и обещала, послала телеграмму с текстом: «Доехали нормально». Через неделю я вызвал ее на переговоры по адресу. Хорошо, знал адрес, телефона там тоже не было.

Говорить особо было не о чем, я признавался в любви, она молчала в трубку, отвечала отчужденно и скованно. Я обещал в скором времени приехать. Вначале разговор меня встревожил, показалось, за неделю я стал ей чужим. А потом успокоился – будь что будет, навязываться не буду. Но не удержался и послал письмо, затем и телеграмму. Письмо могло и не дойти, времена-то какие, а телеграмма... Дежурные слова, ну что на нее отвечать? Она и не ответила.

33

На улицах много солдат в полевой форме разных оттенков и покроев. Некоторые прямо с автоматами в увольнительных. Выглядят уставшими, потерянными. У себя в районе заметил двух знакомых парней в «афганках». Постарше меня, шапочко знаком. Азербайджанские солдаты стали похожи на солдат, выглядят аккуратнее, чем раньше. Азербайджанские флажки нашиты на рукава.

Я выходил из дома только с паспортом. В Баку шли облавы на призывников, мне не было восемнадцати, поэтому и ходил с документом. Парней забирали из дома, отлавливали на улицах, останавливали автобусы и маршрутки, ссаживали и сразу отправляли на фронт. Пацан выходит из дома и пропадает. Его ищут, сообщают в полицию, а через несколько дней получают «похоронку». Гарантированный выход из такой ситуации – все же служить, не косить, служить в МВД, пограничной охране, стать курсантом. Но все равно не факт, что вашу часть внезапно не перекинут в Карабах.

Если ты уже отслужил в Советской армии, волноваться вроде незачем, но парней до 27 лет все равно забирают. На самом деле тут полегче, как договоришься. Забрали поздней осенью соседа Шамистана, который не дослужил в Советской армии. Его отпустили, потому что страна развалилась. Шамистан, когда-то друживший с активистами Народного фронта, на войну не рвался. Его мать, Солмаз, со слезами собирала какие-то вещи и взяла кастрюлю супа для сына. Ничего из походной еды дома не было. Расул поздно вечером отвез ее на призывной пункт, куда согнали отловленных парней. Впрочем, хитроумному Шамистану удалось выкрутиться и свалить в Россию на заработки.

Весенний и осенний призывы отменили, и поэтому сразу после дня рождения приходит повестка. Меня могли уже в январе следующего года забрать в армию.

На карабахские фронты мне совсем не хотелось. Я сам наполовину армянин. И слышал, сына Маро, армянки, сестры Семена, убили свои же. В спину ранен, говорили. За то, что у него мать армянка. При том, что отец был азербайджанцем. Да еще «натуральным», не русскоязычным. Они с мужем занимались выращиванием арбузов. Расул предпочитал у них покупать арбузы. «Зиря-арбузы», как в Баку говорили, выращенные в апшеронском поселке Зиря на песчаных почвах. Папа любил эти арбузы, считал, что главный секрет хороших арбузов из Зиря – отсутствие влаги. Арбузы не поливают или почти не поливают, оттого они сладкие и не рыхлые. Маро в цветастом платке ими торговала. Она так хорошо болтала по-азербайджански, что никто и никогда даже не догадывался, что она не азербайджанка.

Да будь я азербайджанцем самых чистых кровей, я бы не пошел воевать. Долой такую войну. Без сомнения, большинство азербайджанцев было уверено, что война справедлива, что армян наказывать надо и утраченные земли вернуть. Но как велась эта война, не устраивало всех. Говорили о коррупции, о

том, что армянам сдают города и деревни за деньги и даже продают им оружие. Ходили слухи, что дети обеспеченных людей не воюют, в бой идут необстрелянные детишки бедноты, которых свозят туда автобусами, а командиры их предают. Говорили о равнодушии друг к другу и судьбам Родины.

Мне боец рассказывал, что им долго не подвозили еду, они были голодными на позициях, а потом узнали, что их пищу просто выбросили, опустошив котлы прямо у дороги, потому что было лень и страшно ехать на позиции. И отчитались, что отвезли и накормили солдат, показав пустые котлы.

– Представляешь, что чувствуешь, когда узнаешь, что ты сидел голодный, а твою еду просто выбросили?

– Они давно готовились, им русские помогают, дают оружие и за них воюют, у них боевики дашнаки из заграницы, а главное, они все покупают у наших же. Города за бабки сдают! Бабок им много из диаспоры идет, – повторяли возмущенные азербайджанцы на все лады.

Чистокровные азербайджанцы в добром здравии и призывном возрасте, более того, и еразы, и выходцы из Нагорного Карабаха, пострадавшие от армян, старались уехать в Россию. Чтобы не воевать, а торговать на рынках. А чем я хуже? Правда, рынки меня не привлекали. Я хотел поступать в Москве. В ИСАА, Институт стран Азии и Африки или на истфак.

Баку, столица воюющей страны, полон лощеными юношами призывного возраста. Студентов не брали в армию, а какой состоятельный бакинец не «отдаст сына в институт»? С введением тестовой системы находят другой выход из положения – едут в соседний российский Дагестан, поступают и оформляют перевод. Так что солдатская ляпка все же не для всех. Для рьяных патриотов, которые хотят отомстить армянам, ненавидят их. Или для бедняков, тех, кого случайно выловили.

Война продолжалась неудачно для Азербайджана, в Баку прибывали гробы с солдатами и беженцы. Недалеко от нас на пути на станцию Разина беженцы заняли недостроенную девятиэтажку и как-то умудрились жить без воды, отопления, канализации. Из удобств только лестницы. Вместо стекол окна затянуты целлофаном.

В конце октября сложился спонтанный план моего побега из нашей чудной независимой страны. Побега, потому что легально выехать я не имею права. Даже если пограничная охрана за деньги и пропустит пацана призывного возраста, то на борту или вагонах есть серые волки, члены «Боз гурд» в штатском и с зоркими глазами. Чаще всего они имеют официальный статус, «корочки» МВД. Максимум, о чем можно с ними договориться за большие деньги – это чтобы отпустили, не отконвоировали на призывной пункт. Мне нет еще восемнадцати, отпустить в любом случае обязаны, но точно заставят делать приписное и пройти медкомиссию. Еще на учет особый возьмут. Потом труднее будет сбежать.

Вариант воспользоваться чужим свидетельством о рождении, на котором, как известно, фото нет, папаша и его друзья отмечают сразу.

– Да он выглядит взросло, ты на него посмотри. Уже мужчина. Бреется, вон щетина какая растет, – говорит один товарищ, и эти слова льстят моему самолюбию. С другой стороны, чему тут радоваться – накрылся потенциальный план отъезда.

Два товарища Расула, Араз и Акиф, обещают простой и гениальный побег. Все предельно просто, а как – расскажут по дороге.

34

Накануне отъезда я занимался со своим Рексом, как всегда, отрабатывали команды. Он вымахал в здоровую восточноевропейскую овчарку. Папа животных в доме не любит, и пес живет в весьма добротной непромокаемой будке, которую мы с Расулом сколотили на совесть. Иногда пускал его в дом.

Рекс был умный, не кусался и лаял только, когда нужно. Например, умел угадывать машины по звуку мотора. Если папин «Москвич» заскрипит, он молчит, а если у нашей калитки остановилась чужая машина – лает. Не кусался, но напугать мог здорово. Пасть так оскаливал и так рычал, что у впечатлительных людей проваливалось сердце. Мне кажется, Рекс был хорошим актером и наслаждался произведенным эффектом. Вот уж с кем он и вправду враждовал, так это с Линкиным, а потом бабушкиным котом Кешей. Не хотели заключать мир, и все тут. Примерно как Армения и Азербайджан.

После пил чай у бабушки Вали. Сидел на «венском» стуле за старым столом. Кухня большая, она и столовая. Старый буфет. На бабушкиной половине дома – старая мебель, настоящая этажерка с книгами. Книги пожелтели и слегка пахнут сыростью. В комнате деда диванчик со шкафчиками и железная убранный кровать.

Пил чай из стакана с блюдечком. С вишневым вареньем. Бабушка из года в год варила вишневое

варенье. И кизиловое еще, но вишневому отдавала предпочтение. «Вишневое – это царица варений», – приговаривала она. Кеша ластится, трется ей о ногу. Мы беседуем. Бабушка рассказывала, как они ехали из Пензенской области в Баку на поезде. Медленно и долго. И как проезжали разбомбленные города. Никогда не думал об этом. Немцев уже нет, а города в руинах. И не один такой город. Кое-как вокзалы восстановили.

Бабушка Валя и ее рассказы о старых временах сближали меня с Россией. Это была не настоящая Россия, воображаемая, но, как оказалось, все же похожая на настоящую. Вкус вишневого варенья ассоциируется с томиком исторических поэм Рылеева, с красной картонной обложкой, который я в детстве на ее этажерке нашел и прочитал. Из книжки я узнал о Святополке Окаянном, Рогнеде Роговолодовне (ее было особенно жалко), Борисе Годунове и Мазепе. Бабушка предпочитала поэмы и сказки Пушкина. Она мне их читала в детстве.

Валентина переехала в «хлебный» Баку из голодной Пензенской области. Там ели кору и сажали «за колоски». Валя со своей матерью и слепым братишкой продали избу, выправили паспорта, дав взятку председателю. Бабушка работала на той же мебелиной фабрике, куда устроился дед шофером. Там они и познакомились.

Покойный дед Рахимхан, отец моего отца, в конце 40-х годов тридцати с лишком лет от роду покинул родную землю. Небольшой поселок недалеко от Дербента. Там они с братом построили еще до войны хороший двухэтажный дом. А родное селение располагалось высоко в горах, их оттуда советская власть выселила на равнину. Рахимхан (никаким ханом он не был) родился в 1913 году и в юности был пастухом, а грамоте его обучил мулла.

Потом он попал в армию, где кое-как обучился русскому языку и письму. Ему земляк-сослуживец начертил табличку, где каждой русской букве соответствовала арабская. Служил дед в Баку, в войсках НКВД долго, лет десять, и дослужился до старшины, на фронт не попал.

Через пару лет после демобилизации сильно ударил баллонным ключом своего односельчанина по лицу. Этот поступок предопределил мою судьбу, и я не родился дагестанцем.

После армии Рахимхан хотел работать шофером. Нашел старый грузовик, собственноручно отремонтировал его, покрасил. Запчасти приобрел за свои деньги. Намеревался работать в местном совхозе. Машина, естественно, принадлежала государству, но фактически распоряжался бы ею дед. Возил бы, в том числе и «левые», грузы. А его односельчанин просто угнал этот грузовик с машинно-тракторной станции, где дед его оставил, и поехал по своим делам. Вот так без спросу на рассвете сел в машину, на которой моей Рахимхан еще и поездить толком не успел, перевез свой груз, подзаработал и вернулся ночью. Весь день дед не мог понять, куда исчез его грузовик, и сильно переволновался.

На вполне резонные слова Рахимхана о том, что так поступать некрасиво, односельчанин ответил насмешливо и вызывающе, нагло ухмыляясь. К тому же выяснилось, у машины застучал мотор. Ну дед и не выдержал. Он был флегматичным и скупым на слова, но ответить за обиду мог. Никакой кровной мести не последовало. Более того, родственник нахала пришел ночью к деду и сказал, что дела плохи и лучше бы ему скрыться. Угонщик был человек неприятного нрава, и его не любили в поселке. Участкового в селении не было, а из райцентра приехали только утром. Они не успели, Рахимхан сбежал в Баку. Односельчанин выжил, и через много лет они с дедушкой помирились. Хотя лицо у угонщика осталось помятым на всю жизнь.

Лезгин с той поры на родине был только в гостях. Дом, который они построили со старшим братом, дед уступил своей племяннице. Брат погиб в немецком плену. По обычаю Рахимхана сразу после демобилизации решили уговорить жениться на вдове брата, чтобы он заботился о ней и племяннице. Но дед отказался, а когда племянница вышла замуж, уже в конце 50-х, дом уступил ей, хотя по обычаю должен был наследовать своему брату.

Рахимхан поселился в мрачном бакинском индустриальном поселке Кишлы. Поселками в Баку часто называли районы на окраине города. Женился на лезгинке, приехавшей в Баку работать. Вскоре она умерла от родов, а через несколько месяцев умер и ребенок. Это была вторая его жена. Первая жена, односельчанка, не смогла родить. Они разошлись еще до побега в Баку, и впоследствии дед с ней общался, когда приезжал.

В третий раз Рахимхан женился на русской девушке Вале. Их с бабушкой первым совместным жильем была комнатка в бараке рядом с работой, в мрачном поселке Кишлы. Потом он получил от государства землю на окраине под частный дом и пустил корни. Дед сам построил наш дом, делал кладку ночью, после работы. И еще за детьми смотрел, жена с новорожденной младшей дочкой в роддоме была. Была

возможность получить отдельную квартиру, даже «трешку», недалеко от центра. Но дед выбрал участок. Он хотел дом. Свой дом, который он построит сам, как умеет. Крепко клал стены. Иной раз чуть криво, но крепко. Соседский мальчишка, учившийся в ремесленном училище на каменщика, делился с ним секретами мастерства, показывал, как пользоваться уровнем. Потом ломать все пришлось – сырость. Вода стояла в подвале. У нас выкопай яму в метр глубиной, и на дне соленая вода покажется. Говорили, вышла наша земля со дна морского, и от отступившего моря покинутым хилым ребенком осталось наше озеро. Так это или нет, но в недавнем прошлом место, где потом прошла наша улица, было заболоченным, в низине. Еще говорят, раньше воду с нефтепромыслов сливали в нашем районе.

Рахимхан завез несколько грузовиков земли и песка во двор, поднял фундамент, где надо, выложил толью, и сырость отступила. Двор в три сотни площадью, совсем немного земли, особенно когда женился и отделился сын. Дом поделили, прорубили и заложили несколько окон и дверей, много чего пристроили, и дом стал состоять из двух отдельных квартир.

Дед любил сажать и прививать деревья. В нашем садике росли древние инжир, лавр и виноград, белый тут и хартут², вишня, карликовые яблони, персик, терновник. Октябрь, зреют гранаты и айва. Расул, тяготеющий к эстетизму, посадил розы и лаймовое дерево. Мандарины не прижились. Со временем дом повытеснял деревья, некоторые пришлось вырубить.

После смерти старого лезгина, кроме дома и сада, остался старый, дореволюционный Коран и несколько самодельных блокнотов, исписанных крупными арабскими буквами безыскусным почерком. Так дедушка записывал суры, обязательно делая их транслитерацию кириллицей. Писать арабскими буквами дед научил и меня. Он также научил меня читать наизусть «Алхам», как он говорил, или правильнее «Аль-Фатиха», суру, открывающую Коран, самую распространенную молитву. Отца моего все это не интересовало, а дед не то что не настаивал, но даже и не предлагал. Я же был любопытным, сам к нему лез с вопросами.

– Когда хоронят человека и мулла читает молитву, надо про себя хотя бы «Алхам» читать, а не просто губами шевелить и рукой лицо протирать. А твой отец вообще отходит в сторону и курит, – насмешливо говорил дед.

Он не курил и осуждал курение, в том числе и по соображениям экономии.

– Курить – это как скручивать деньги и поджигать, – наставительно замечал дед.

Его сын Расул был заядлым курильщиком и выкуривал две пачки сигарет в день, а то и больше, когда день нервный. Зато водку Рахимхан уважал и по молодости любил крепко выпить. Водку пил гранеными стаканами, одним махом. Нальет полный стакан и сразу выпьет. А потом уже закусывает. С годами он остепенился и мешал диабет.

Еще раньше Рахимхан, как и другой мой дед, Григорий, болел язвой желудка. Может, из-за плохого питания в детстве и юности. Оба, еще не зная друг друга, лечились одним и тем же средством – чистым спиртом. И полностью вылечились. Зарубцевались язвы. Не водкой, которая яд для больного желудка, а порцией чистого медицинского спирта без закуски. Дед Гриша, еще кроме спирта, лечился настоем алоэ на портвейне и кагоре. Алоэ специально выращивала на окнах тетя бабушки. Наверное, настоем горчайшего алоэ на сладком вине лечили язву еще древние армяне и греки.

Между прочим, это еще не самые экзотические рецепты. Во время войны мамина мама, бабушка Эмилия, токарь завода имени лейтенанта Шмидта, заболела желтухой³. Ей дали всего неделю на поправку, большую часть из этого небывалого по военным меркам отпуска она потратила на стирку и уборку. Жила она с бабушкой и бабушкой в общем дворе на Завокзальной. Так вот ей посоветовали местные знахарки лечиться вшами. Мол, вши самое лучшее средство от желтухи. Вшей любезно наловила в своих седых лохмах неопрятная соседка, старая Нанух. Чтобы преодолеть отвращение и для пущего эффекта, их следовало топить в стаканчике вина, потом залпом выпить.

35

Араз и Акиф приехали примерно в полдень. Папаша велел мне приготовить закусок. Я нарезал колбасу, сыр, копченое сало. Расул наловчился покупать сало на рынке у краснодарцев. Казаки везли сало в мусульманскую независимую республику. И хотя это скромное присутствие на бакинском рынке на «8-м километре» никак нельзя было сравнить с азербайджанским нашествием на российские рынки, но хоть какой-то паритет. Достал зелень, масло и открыл маленькую баночку красной икры. Она у нас заляжалась в холодильнике.

– Наденьте костюмы, чтобы выглядеть солидно! Чтобы эти деревенские сразу поняли, что из Баку

приехали, – настаивает улыбающийся Араз.

Он сам в костюме, в белой рубашке без галстука с расстегнутым воротом. И Акиф в костюме без галстука. В галстуках в Баку ходили только политики, директора и профессора. И всякие дешевки, «чушки районские», которые хотят им подражать. И Расул надевает костюм. Я уклоняюсь и надеваю черную, почти новую турецкую рубашку, черные штаны и черные башмаки Salamander. Возможно, это был поддельный Salamander.

Расул достал бутылку водки Rasputin. Выпили по три рюмки, за удачную дорогу. Мне налили две, папа третью запретил. Толстый Араз с пышными усами сказал, что надо попридержать аппетит и пора ехать. Худой Акиф с усиками с ним соглашается. Акиф – дядя Араза, но не намного старше, и лидерствует Араз. Мы садимся в его новенькую «шестерку» и едем в Гусары.

К вечеру мы уже там. Подъезжаем, однако, не к городу, а к ресторанчику на открытом воздухе. Красиво. Горы, мягкая южная осень, лес. Ресторан не высоко, но все равно в горах, и рядом внушительный обрыв. Вечереет, и такой прелестный воздух, и родниковая вода.

Проворные хозяин и официанты хорошо знают Араза. Он из этих мест. У него отец – гусарский лезгин, а мать азербайджанка. Сначала несут овечий сыр, соленья, зелень. Выпиваем по рюмочке. Кебабы, ягнячьи ребрышки и люля подают маленькими партиями. Чтобы были свежими и горячими. Подают и шашлык из каспийской красной рыбы, которую в Азербайджане называют «гызыл балыг»⁴.

Потом Расул, Акиф и Араз играют в «покер» (так в Баку в народе называли «секу») на деньги. Стоя на воздухе, используя стул в качестве ломберного столика. Попиваем чаек из стаканчиков-армудов.

Приходит группа знакомых лезгин, и все вместе перемещаемся в другое, не менее живописное местечко. Сколько же можно есть. Уютно горит лампочка, провод просто перекинут через ветку большого чинара⁵ над нами.

Лезгины говорят с Аразом по-лезгински, а мы хлопаем глазами. Потом лезгины по-азербайджански и по-русски сетуют, что не хотят отдавать своих парней в эту армию и на эту войну. Уверяют, добьются любой ценой, чтобы на фронт лезгинских парней не отправляли. В армию, пожалуйста, на фронт – нет. Иначе восстание поднимем и от Азербайджана отделимся, бушуют лезгины.

Потом идем ночевать в большой двухэтажный дом с просторными комнатами. Несколько спален, ковры, хорошая мебель, импортные телевизоры, видеомагнитофоны. Слегка аляповато, но, впрочем, смотрелось уместно, по-восточному. Араз – человек состоятельный, у него и в Баку приличный дом, а тут просто база отдыха. Места тут сказочные. Лес, горы и прохлада летом, не то что в пыльном Баку. И Каспий недалеко.

В гостиной снова садимся за стол. Соленья, сыр, кутабы, шашлычок, который взяли из ресторана. Довольный Араз входит с полной, под стать ему, женщиной, белокожей, с густо подведенными глазами и с окрашенными в цвет красного дерева волосами. Говорит, очень рад встретить ее, свою одноклассницу, после долгого перерыва. Женщина скромно улыбается, и через некоторое время они удаляются в одну из спален.

Мы тоже расходимся по комнатам. Завтра рано вставать и пересекать границу.

Утром Акиф подкладывает мне в тарелку еду, говорит, надо позавтракать. Еда не лезет. Пью крепкий чай. Заходит маленький, худой, чернявый лезгин уже в возрасте. Видно, он с серьезного похмелья. Лезгину предлагают опохмелиться. Он охотно соглашается. Водка стоит на столе. Ему наливают, он важно выпивает. Немногословный как настоящий лезгин, говорит, что повезет меня в Махачкалу его сын, таксист. А он проведет меня через посты. Все будет хорошо, он гарантирует.

Пасмурно, роса, туман, но дождя нет. Едем к границе на двух машинах. В первой, старой «Волге» ГАЗ-24, за рулем сын пожилого лезгина, на переднем сиденье Расул, на заднем я и мой проводник. На второй, «шестерке», Араз с Акифом. У них в багажнике сумка с моими вещами.

Подъезжаем к КПП. Останавливаемся. Пограничники, полиция. Улыбчивый солдат просит мои документы. Остальные пассажиры его мало интересуют. Пограничники говорят, что призывникам выезд за границу запрещен. Шумный Араз выходит и доходчиво объясняет, что едем мы на свадьбу в Касумкентский район, а они нас провожают. Пацан скоро вернется, видите, он едет без вещей. И в багажнике ничего у них нет. Кто же без вещей убегает?

Погранцы дружелюбно улыбаются, но предупреждают, что дальше у самого моста через реку Самур есть еще одно, самое важное КПП, и там меня вряд ли пропустят.

Проезжаем еще немного, и взрослый лезгин велит сыну остановить машину.

– Пошли со мной, – говорит он мне.

Ловко, бойким шагом настоящего проводника он сходит с трассы. И мы по тропинке, усеянной камешками, спускаемся к Самуру. На другом берегу Дагестан, Россия.

Самур молодежато шумит настоящей горной рекой, весело гонит мутную волну через пороги. Октябрь, эта река, берущая начало из ледника и родников на высоте более трех тысяч метров и впадающая в Каспийское море, напилалась дождями. Летом Самур выглядит гораздо скромнее. Он по большей части дождями и питается. Неужели мы будем реку вброд переходить? Романтично, не спорю, но хоть бы сапоги выдали. А то в туфлях как перейти, и туфли жалко. Мне хочется спросить проводника, куда мы идем, но и неловко, да и идет он быстро, сосредоточенно и угрюмо. И сам в каких-то легкомысленных, стоптанных ботинках.

Однако в реку мы не лезем, а, наоборот, снова лезем вверх. И оказываемся на мосту. Надо же, мы на Самурском мосту. Здесь проходит граница. Именно по этому мосту (возможно, его перестроили) шли части 11-й Красной армии устанавливать Советскую власть в Азербайджане, и сейчас здесь проходит государственная граница. Перед мостом с одной стороны азербайджанские пограничники, с другой – российские. Азербайджанский пункт пропуска через границу мы просто обошли пешком. А на мосту никого нет – это как бы нейтральная зона. Две наши машины проехали официально, прошли формальный досмотр и ждут нас на мосту. На пограничном переходе не мучают, еще никто не привык, что Дагестан – это настоящая заграница.

Мужики закуривают. Прощаемся с Аразом и Акифом церемонно, как принято в Азербайджане. Пожираем руки, обнимаемся и символически целуемся. Пожелания счастливого пути мне. Много слов.

И тут перед нами останавливается полицейский «уазик», подъехавший с российской стороны. Вот тебе на! Из «уазика» выходят толстые, усатые азербайджанские полицейские и, резво подскочив к нам, требуют паспорт. У меня. Я растерянно достаю свой советский паспорт и отдаю им. Араз рвется качать права, но полиция прыгают в «уазик» и закрываются. Они солидного уже возраста, важные. Сделали в высшей степени суровые лица.

Мы их осаждаем. Араз начинает переговоры через чуть приоткрытое стекло.

– Не бойсь, договоримся сейчас, – шепчет мне Расул. – Мы тебя забрать не дадим.

А я и не волнуюсь. Что они мне сделают, даже если задержат? Будут шить дело о незаконном переходе границы? Да мне почему-то кажется, что Араз договорится. Он внушает уверенность. Да и побаиваются нас полицейские. С чего это они заперлись в машине? Сами они не при исполнении, наверное, тоже по каким-то своим делам смотались в Дагестан. Нас шесть человек, а их всего двое.

Версия о кратковременной поездке на свадьбу двух полицейских, на нашу «удачу», именно сейчас вздумавших вернуться из Дагестана, никак не устраивает. В ответ они грозятся меня задержать до выяснения и отправить на призывной пункт. Араз начинает психологическое давление, называет имена своих знакомых, важных в этом регионе начальников. В том числе и начальника полиции. Менты, чуть опешив, но, стараясь не терять суровых и солидных лиц, вылезают из своего «козла». Это уже лучше.

– Дай паспорт, – улыбаясь, говорит Араз. Взамен сует тысячную купюру.

– Ты что это нам даешь? Это что, на сигареты деньги? – недовольно реагируют менты, показывая, что хотят больше.

Да уж небольшая сумма. Хватит только, чтобы в местной забегаловке хорошо поесть шашлычков и распить бутылочку водки.

– Бери, бери, – улыбается Араз.

Полицейские как коты ходят за нами. И требуют открыть багажник машины Араза. Надо же власть показать, когда паспорт уже вернули. В багажнике моя сумка со шмотками и ящик водки. Старшой, который вел переговоры и все-таки взял пять тысяч рублей, деловито, по-хозяйски хватает две бутылки.

– Поставь на место, – говорит Араз.

– Что?! Что сказал?

– Я тебе сказал, поставь туда, откуда взял. Это не твое.

Расул улыбается и закуривает. Надо же какой наглый этот Араз! Но полицейский все-таки оставляет бутылки.

Вот и российский пост, предупреждает нас водитель такси и весело улыбается.

С русскими проблем точно не будет. У нас хорошее настроение. И шофер рад, что в Махачкалу все же нас с Расулом везет. Его заработку больше не угрожают азербайджанские погранцы.

– Здорово, ребята.

– Дядя, у тебя сигареты есть? – обращается к Расулу худой русский парень в длинной шинели. Еще

двое мнутя рядом с ним. Документы и багажник их мало интересуют. Расул, улыбаясь, протягивает полпачки сигарет Congress.

Шумит дорожная техника. Делают разметку, «лежачих полицейских» и прочее.

– Надо же... Укрепляют границу, – недовольно качает головой Расул. Ему трудно привыкнуть к тому, что РСФСР – это уже за граница.

К полудню были в селении, где жила наша лезгинская родня, в Магарамкентском районе. В гостях у Агахана и его жены Ханаги. Несмотря на протесты Расула, бойкая и сухая Ханага быстро строгаёт сушеную баранину, раскатывает тесто, собираясь готовить хинкал. Ох, хинкал для Дагестана – это самое вкусное и почетное угощение для дорогих гостей. Как это мало времени?! Сейчас все будет готово.

Сушеная баранина – лезгинский деликатес, в хозяйстве удобно, быстро хинкал приготовишь. Отец любит несравнимо более тонкую азербайджанскую кухню, но чересчур твердым отказом можно и обидеть. Вот и хинкал на тарелках. Порции огромные. Кусочки вареного тонко раскатанного теста, нарезанного ромбиками. Сверху выкладывается мясо, наструганное маленькими кусочками. Соус из кислого молока и толченого чеснока. Тайком, чтобы ураганом носящаяся хозяйка не заметила, Расул перекладывает со своей тарелки мне. Ну не нравится ему такое варварское блюдо, особенно сушеная баранина. Со свежей еще ничего было бы, думает он. Да и аппетит на вечер надо поберечь, вечером встреча с другом детства Вовой Гориновым, капитаном судна, проживающим в Махачкале. Я ел с аппетитом, проснулся голод, молодой водитель не отставал, учтиво переговариваясь с хозяйкой по-лезгински. Ханага, заметив пустую тарелку Расула, подкладывает еще.

Входит Агахан, вернулся с работы. С каких-то там, видимо, полей-огородов. Здороваётся дружелюбно, но без бакинских эмоций. Он похож на Рахимхана, только лицо упитаннее. Хозяин вальяжный, неторопливый, невозмутимый. Настоящий лезгин. У настоящего лезгина должна быть жена подвижная как огонь, работающая и деловитая, делать всю работу по дому, включая мужскую. Об этом много анекдотов есть, но в жизни, понятно, по-разному бывает. Ханага – бойкая не только в хозяйстве, она и деловая женщина. Делает бочками соленья на продажу. И везет и в Баку, и даже в Ленинград. И сама продает. С Агахана требуется только перевозку обеспечить.

У Агахана и Ханаги шесть дочерей. Узколицые, стройные как лани, грациозные, бойкие как мать. Худенькие, а умеют плавно притащить на плече большой медный кувшин с родниковой водой. Повезет их мужьям. Расул, Рустам и Агахан чокаются большими рюмками, наполненными до краев привезенной гостями бакинской водкой. Тост за детей.

Молодой лезгин довез нас до махачкалинского аэропорта. Расул купил для меня билет в Москву, вылет утром следующего дня.

Потом мы взяли такси и поехали к Горинову. Капитан-директор большого рыболовецкого судна Горинов жил на окраине Махачкалы в панельке с видом на море. Он жить без Каспия не мог, потом перебрался из Махачкалы в Астрахань, но умер все равно в море, от сердечного приступа. Раньше он приплывал к нам на своем же судне, зачем ему поезд, машина или самолет? В последний раз жаловался:

– К вам так просто уже не зайдешь. Территориальные воды, блин, у вас.

Дома никого не было.

– Он, наверное, на огороде, на даче, – догадался Расул.

День еще был в разгаре, солнечно. С трудом мы все же капитана нашли. Раскрасневшегося от весеннего солнца и работы. Они с женой возились на участке.

Горинов и отец тепло поздоровались. Дачники по-быстрому свернули работу, и мы поехали на этом же такси к ним домой.

Вскоре мы сидели за большим накрытым столом, Горинов с женой и дочками 17 и 12 лет, я и Расул. Подана осетрина, белуга, севрюга и прочая рыба во всех возможных видах: вареном, жареном, копченом и соленом, а также черная икра. Много рыбы и икры. Горинов поставил на стол огромную бутылку «Столичной» в 2,5 литра. У него был солидный запас таких бутылей с ручками, графинов, как их называют, на балконе.

Я выше проветриться, меня сопровождала младшая дочь Горинова. Я купил ей шоколадок и каких-то ярких конфет. Ребенок был доволен, и мы пошли на берег моря. Я был чуток навеселе. Папан не давал мне нормально выпить, контролировал. Ну, последний вечер, а завтра самостоятельная жизнь. Эта жизнь меня прельщала (я же скоро увижу Лиду) и немного страшила. Хотя и Баку уже не мил, все там напоминает о наших с ней встречах.

Я стою на берегу моря и курю. Ребенок гуляет по песочку. Каспий, ты мой дорогой. Море шумит, ветер

рябит барашки волн.

Мужчины легли в одной комнате с балконом. Первый этаж, поэтому море совсем рядом. Шумит себе и мешает спать с непривычки. Как на корабле прямо, еще и слегка качает от водки. Горинов открыл все окна, и свежий осенний ветер свободно хозяйничает в комнате. Он и отец раскинулись как пираты. Я кутался в одеяло.

- Может, окно закроем, холодно же, – наконец не выдерживаю.
- И не стыдно тебе? Еще мужчина называется. Свежий воздух, смотри, какой, – выговаривает отец.
- Расул, ну пацан же не пил как мы. Вот ему и холодно. Я сейчас закрою окно, форточку оставлю.
- Вот изнеженный! На Северном флоте ты не служил и в казарме не спал, – ворчит отец.

Наутро они меня провожают на самолет. Потом папаша поедет в Баку. Не знаю уж на чем. А я прилечу в Домодедово, потом доеду до метро и проеду до станции «Петровско-Разумовская». Там живет дочь дяди Айдына с мужем, учителем русского языка и литературы. Он москвич, папа у него азербайджанец, мама – русская, тоже учительница русского и литературы. Живут в однушке, оставшейся после смерти бабушки, и будут рады сдать мне кухню, на которой есть вполне удобный для ночлега диван. Скромный мой вклад в семейный бюджет не помешает, глава семьи подрабатывает на вещевом рынке, потому что на учительскую зарплату не прожить. Главное его богатство – отличная библиотека русской литературы. И классики, и Серебряного века, и недавно изданных эмигрантских авторов.

Мне все объяснили, и я доберусь без проблем, хотя Москва и огромный город. И еще скоро, надеюсь, увижу Лиду. И мне надо точно поступить. И я поступлю, обязательно. Есть еще время подготовиться как следует.

- Ну что, давай, керя, – отец пожимает мне руку и хлопает по плечу.

Керя – это то же самое, что и кент, и кореш, то есть друг, товарищ. Такой у них был в юности уличный язык.

¹ Фидайны – армянские бойцы, партизаны, боевики. Фидаи, или федаи – жертвующие собой во имя веры или борьбы с врагом (Араб., перс.) В конце XIX – начале XX веков отряды армянских фидаинов появились в Османской империи, а в конце 80-х – в СССР.

² Подвиды шелковицы.

³ Здесь народное название гепатита.

⁴ Золотая рыба.

⁵ Платан.

Евгений ТАТАРСКИЙ

Родился в 1985 году в городе Ялта, АР Крым, УССР в семье врачей. Окончил школу в городе Алупка Ялтинского горсовета в 2002 году с отличием; Крымский Государственный Медицинский Университет (г. Симферополь) в 2008 году по специальности «лечебное дело»; Украинскую Военно-Медицинскую Академию (г. Киев) в 2011 году по специальности «хирургия». Служил в рядах вооруженных сил Украины (г. Кривой Рог). Уволен в запас. В данный момент работает хирургом на Южном Берегу Крыма.

Момент истины, или Тайна одного врача

В эту ночь ответственным дежурным хирургом в отделении политравмы больницы скорой медицинской помощи был кандидат медицинских наук, врач с тридцатилетним опытом работы в хирургии Андрей Александрович Таширов. Дежурство выдалось на редкость спокойным, если не сказать скучным. Операционная была заперта за ненадобностью, в смотровой комнате N1 приемного отделения скучали два интерна, готовые в любой момент вызвать туда дежурного, если вдруг привезут пострадавшего, и ответственный хирург позволил себе лечь отдохнуть. Уже час ночи, он на ногах с шести утра, а днем ассистировал профессору на трехчасовой операции. Имеет право и отдохнуть в конце концов. Скинув халат, он, как был прямо в хирургическом костюме, улегся на кушетку в своем кабинете. Жестковато, правда, но ничего, привык уже.

Настроение было хуже некуда. Да и не удивительно, с Иваном Владимировичем Дерюгиным их связывают долгие годы дружбы, настоящей дружбы, какая между коллегами бывает крайне редко. А теперь он в тюрьме. На пять лет! Долгих пять лет он будет в местах лишения свободы. И, главное, за что?

Лежа в темноте, Таширов крепко сжал кулаки и так сильно стиснул зубы, что они заскрипели. Пять лет за... благодарность от пациента. Это ж надо?! В стране, где государственное имущество разворовывается миллиардами, где финансирование государственных учреждений, тех же больниц, с каждым годом всё урезается и урезается, где чиновники заняты лишь дележом и перераспределением всё ослабевающих денежных потоков, врача посадили на пять лет! За двести долларов, которые он взял за то, что прооперировал пациента. Не за то, что поставил ультиматум: плати или умирай без операции. Нет. Дерюгин никогда бы так не поступил, даже учитывая ту трагедию, которая обрушилась на него три месяца назад. Он бы просто не смог поставить такой ультиматум. Да и кто смог бы?! Конечно, как говорится, «в семье не без урода». И в обнищавшей за годы независимости среде врачей по всей стране такие «уроды» наверняка есть. Таширов слышал, что подобные случаи бывают, но за свои тридцать лет работы в среде хирургов он таких вымогателей не встречал. И слава Богу. Кем нужно быть, чтобы требовать деньги с умирающего за то, что ты попытаешься его спасти?

Нет, Дерюгин ни с кого ничего не вымогал. У того пациента, Буцева, была обычная плановая операция. Ничего экстренного, с минимальным риском. Единственной его фразой до операции, которую суд собственно и истолковал как вымогательство, была: «Когда вы придете в себя после наркоза, я зайду к вам в палату, а вы мне скажете спасибо». Вот это «спасибо» и стоило Ивану Владимировичу пяти лет жизни. И, скорее всего, жизни его сыну.

Таширов сел на кушетку. От душившей его ярости он хотел кричать, сыпать проклятия. Он, миролюбивый человек, даже в детстве так ни с кем и не подравшийся по-настоящему, поймал себя на мысли, что если бы сейчас этот Буцев был здесь, он врезал бы ему как следует! Какая сволочь! Какая сволочь! При выписке зашел к Дерюгину и положил перед ним на стол конверт с двумя купюрами по сотне долларов каждая. С двумя мечеными купюрами. И, любезно попрощавшись, вышел из ординаторской.

Через минуту ворвались представители правоохранительных органов и, размахивая перед носом удостоверениями, потребовали показать руки. И, конечно, на пальцах остались следы специальной краски, невооруженным глазом не заметной, зато светящейся в лучах специального фонарика, который как

нельзя кстати оказался у правоохранителей с собой. И всё, домой Иван Владимирович уже не вернулся.

Таширову, как давнему другу и коллеге, выпала незавидная роль. Именно ему пришлось сообщить Веронике Дерюгиной, жене Ивана, о том, что ее мужа арестовали. Он как сейчас помнил выражение ее лица. Искреннее удивление, тут же сменившееся испугом и наконец превратившееся в жуткую душевную боль. Всё это как в зеркале отразилось на ее еще молодом, но уже порядком осунувшемся лице. А как она рыдала! В один момент она вдруг потеряла всё, что у нее было. Мужа посадили, а это значит, теперь нет рядом с ней человека, который может собрать нужную сумму для операции их сыну.

Есть такие люди, которые и вправду думают, что врачи и члены их семей лечатся бесплатно. Нет, само-то лечение, в смысле помощи ближнему, конечно, бесплатное. Есть негласный закон – врачи друг с друга денег не берут. Если, конечно, речь идет о нормальных людях, а не о тех «уродах», без которых ни один коллектив еще не существовал. Помощь бесплатная. Платные медикаменты. Да еще какие дорогие, недаром фармацевтические компании имеют такие доходы. Платное пребывание в стационаре – это ведь еще одна статья пополнения бюджета, куда, зная законы и умея их правильно обходить, можно «запустить лапу». Разумеется, это привилегия администрации, а не рядовых врачей, которые лечатся на общих основаниях. Платное обследование, платные консультации...

Сумма, которая нужна для операции их пятилетнему сыну, оказалась настолько большой, что Вероника, узнав ее, попросту впала в панику. При зарплате мужа двести тридцать семь долларов в месяц на одной работе и сто двадцать на второй, учитывая стоимость проживания в Киеве, даже притом, что каждый месяц его два-три пациента благодарят деньгами за операцию, собрать такую сумму просто невозможно. Она настолько растерялась, ее душило такое невообразимое горе, что она чуть было не попала в психбольницу. У нее развилась натуральная депрессия. Не та, на которую друг дружке жалуются школьницы, а настоящая, в результате которой люди бросаются под машины и прыгают из окон. В тот момент ситуация казалась безнадёжной.

Но, как известно, в мире остались еще добрые люди. И никто никогда не знает, каким боком капризная судьба повернется к нему завтра. Практически у каждого из коллег Дерюгина есть свои дети, и, даже несмотря на их крохотные зарплаты, коллектив отделения решил посильно помочь ему в этой непростой ситуации. Каждый одолжил ему столько, сколько смог. Но нужной суммы все равно не набиралось. И тогда было принято решение, что все плановые операции, за которые хирургов чаще всего и благодарят, будет проводить только он. И так будет до тех пор, пока нужная сумма не накопится. Потом же, когда Дерюгин наконец сможет пролечить сына в институте нейрохирургии, всё вернется на старые рельсы и благодарности от пациентов вновь перераспределят между всеми, по старшинству, как и было прежде. Когда ему сообщили об этом решении, Иван Владимирович, до этого момента мужественно переносивший в себе свое горе, не выдержал и разрыдался. Он упал на колени и принялся благодарить коллег за их помощь...

А теперь он в тюрьме. За двести долларов, которые должны были стать частью той суммы, за которую он собирался выкупить у бесплатной отечественной медицины жизнь своего пятилетнего сына.

В дверь постучали. Таширов даже подпрыгнул от неожиданности.

– Андрей Александрович, это я.

Таширов узнал голос молодого хирурга, который с полуночи до четырех утра должен дежурить в приемном отделении. Потерев лицо ладонями, ответственный хирург поднялся с кушетки и отпер дверь.

– Что случилось?

– В приемное привезли пострадавшего. ДТП, водитель. Давление по нулям, так что он уже в противошоковой. Реаниматологи над ним колдуют.

– Идем, – коротко бросил Таширов и, заперев дверь, принялся спускаться по лестнице вслед за дежурным.

Когда они входили в противошоковую палату, интерн-анестезиолог очередной раз мерил артериальное давление пострадавшему. К вене через специальный катетер была присоединена система капельницы, через которую вливался раствор. Через другое отверстие венозного катетера ответственный анестезиолог шприцем вводил одно вещество за другим, внимательно следя за показателями гемодинамики: характеристиками пульса и давлением.

– 100/60, – торжественно произнес интерн, вешая фонендоскоп себе на шею.

– Отлично, я молодец, – как всегда беззаботным тоном подмигнул анестезиолог медсестре, тут же, за столом заполняющей титульный лист истории болезни.

Таширов надел перчатку и подошел к каталке, на которой лежал пострадавший. Его одежда была в крови, но уже на первый взгляд было понятно, потерял он ее не более ста-ста пятидесяти граммов. Больших открытых повреждений, равно как и продолжающегося наружного кровотечения, нет. Это значит

одно из двух. Либо падение давления функционального характера, что могут исправить реаниматологи своими препаратами. Либо у пострадавшего внутреннее кровотечение, которое, если его не остановить хирургическим методом, убьет его.

– Как легкие? – спросил Таширов, исследуя живот пострадавшего.

Дежурный хирург снял с шеи интерна фонендоскоп и принялся слушать дыхание.

– Дыхание есть над всей поверхностью грудной клетки. С обеих сторон.

– Хорошо. А вот живот мне не нравится. Булькает всё. Звук, – он положил средний палец на область живота пострадавшего и средним же пальцем второй руки принялся ритмично по нему ударять, постепенно перемещая по часовой стрелке, – при перкуссии тупой. А здесь, – он переместил палец в пупочную область, – как барабан.

– А что это значит? – повторяя эту же процедуру, спросил интерн.

– Это значит, что кишки плавают в чем-то, – ответил Таширов. – В них же газ, а он легче жидкости. Вот и всплыли вверх, к пупку. Если его сейчас перевернуть на правый бок, кишки уплывут к левому, и наоборот.

– Понятно. Кровь?

– Скорее всего. Давление видел какое было?

– Видел. А что может так кровоточить? Печень?

– Да, при закрытой травме живота чаще всего или печень, или селезенка. Поднимайте его в операционную, – распорядился Таширов. – Родственники у него есть какие-нибудь?

– Пока никто не приехал, – покачал головой дежурный хирург.

– И откуда нам брать на него медикаменты?

Дежурный лишь пожал плечами. Что тут ответить?

Таширов посмотрел на неглубокий порез на шее, скорее всего от стекла. Рана шла прямо по щитовидному хрящу, и он отметил про себя, что если бы осколок прошел всего двумя сантиметрами ниже, пострадавшего вряд ли довезли бы до больницы. Маленькая щитовидная железа получает такое же количество крови, как и нога. Кровопотеря была бы смертельной.

Он перевел взгляд на разбитое лицо пострадавшего и замер. В следующую секунду его буквально передернуло, по спине побежали мурашки, и кулаки автоматически крепко сжались. Буцев. Тот самый пациент Дерюгина, который его подставил. Вот он здесь, на столе. В крови. Без сознания. Сердце бешено заколотилось, дыхание стало редким и глубоким. Буцев попал в ДТП. У него кровотечение. Давление держится только на препаратах.

В следующую секунду санитарка, уже бабушка, месяц назад скромно отметившая свое шестидесятилетие, взялась за ручки каталки и покатила ее в сторону лифта.

Таширов, провожая глазами пострадавшего, еще некоторое время стоял не шевелясь. Мысли мчались в бешеном галопе, опережая друг друга. Затем он словно очнулся и, бегло оглядевшись по сторонам, быстро пошел к лестнице.

Зайдя в свой кабинет, он запер дверь и на всякий случай отключил телефон. Сейчас ему никто не должен мешать, хотя бы несколько минут. Сейчас он должен всё хорошенько обдумать. Когда он увидел лицо пострадавшего, первой мыслью, мелькнувшей в голове, было: «Жаль, что эта тварь не разбилась насмерть». Следующей мелькнула дикая надежда, что он вот-вот умрет, все-таки кровотечение, шок...

Сейчас Буцев в операционной. И оперировать его будет он, Таширов. Вот над чем нужно было подумать. Вот что важно! Он, и только он, будет держать жизнь этого мерзавца в руках. Таширов почувствовал, что дрожит всем телом. Закрыв глаза, он несколько раз глубоко вздохнул. Немного успокоившись, сел на кушетку и обхватил голову руками. Неужели это происходит на самом деле? Неужели действительно он, Андрей Таширов, всерьез задумал убить человека? Нет, не человека, тут же поправил он себя. Не человека. Человеческий мусор. Отбросы общества. Мразь, упекшую Ивана в тюрьму на пять лет. Превратившего жизнь его жены в ад, обречшего его сына...

Не в силах сидеть на одном месте, он встал и принялся ходить по кабинету. Убить? Ничего нет проще. Смерть на столе. Кровопотеря, ничего не смогли сделать. А если кровотечение не такое уж массивное? Если его вообще нет? Это возможно. Маловероятно, конечно, но возможно. Что тогда? Лечить его? Выхаживать, как ни в чем не бывало? Своими руками вытащить эту мразь с того света, вернуть его в общество, в семью?

Нет, если он сделает так, если позволит Буцеву выжить, он потом всю жизнь будет презирать себя. Это было бы неправильно. Это было бы... несправедливо. Иван в тюрьме, его сын при смерти, жена на грани помешательства, и после всего этого Буцева спасать? Нет. Нет, нет и нет.

Если он, Андрей Таширов, это допустит, если из-за него Буцев выживет, он сам будет недостоин жизни. Недостоин жизни...

Он вновь сел на кушетку. Да, он сделает это. Он не допустит, чтобы Буцева сняли со стола живым. Кажется, он первый раз за всё время работы в этой больнице на левом берегу Киева увидел хоть какой-то плюс в том, что медицина на Украине находится в таком упадке. В самом деле, ведь это же просто дикость, например, в приемном отделении больницы скорой помощи, куда регулярно привозят больных с подозрением на внутрибрюшное кровотечение, нет аппарата УЗИ, которым можно эту кровь выявить. Поэтому, чтобы не пропустить такое кровотечение, приходится пользоваться варварским методом. Диагностической операцией лапароцентез. Целая операция взамен того, чтобы просто посмотреть на мониторе, есть кровь или нет.

Но сейчас это играло ему на руку. Если там кровь, достаточно ее просто не заметить. Не найти. А потом, на вскрытии в морге, сокрушенно покачать головой, мол, какой же все-таки коварный этот двух-моментный разрыв печени. Ну, или селезенки. Первый момент – рвется орган, но его капсула остается цела. Начинается кровотечение, которое на лапароскопии не увидеть. Подкапсульная гематома растет, кровь в ней всё пребывает, а затем раз – второй момент, разрыв капсулы и истечение этой крови в брюшную полость. Если второй момент происходит, например, ночью в палате, такого больного спасти очень трудно, только если среагировать мгновенно и тут же положить его на операционный стол.

Итак, всё, что нужно, это просто не найти крови на операции. Разрез будет маленьким, как всегда, а вот дренажную трубку нужно будет закрывать пальцем еще до того, как опускать в брюшную полость, а не после. И не промывать полость растворами. Вот и всё. Быстро, ловко и, если там кровотечение, смертельно. Это тебе будет за Ивана. И за его семью.

Спустя десять минут Таширов уже входил в операционную. Привычный ритуал: вытереть руки от муравьиной кислоты, в тазу с которой он их продержал последние две минуты, надеть халат, завязать ленточки на рукавах, надеть перчатки, обработать их спиртом. Ассистент, заспанный молодой хирург, уже обложил операционное поле стерильными простынями и также обрабатывал перчатки спиртом.

Операция началась. Разрез, крючки, разрез, прижигание электрокоагулятором попадающих в ране сосудов... вот и брюшина. Тонкая, полупрозрачная ткань, последняя преграда между окружающей средой и брюшной полостью. Подтянув брюшину на зажимах сверху, Таширов аккуратно рассек ее ножницами. Все, он внутри.

Его сердце бешено колотилось, пот крупными каплями выступал на лице и тут же впитывался маской и шапочкой. Момент истины настал. Аккуратно зажав один конец трубки зажимом, он погрузил его на самое дно брюшной полости, в малый таз. Быстро, чтобы не заметил ассистент, перекрыл доступ воздуха и в верхний ее конец, вытащил обратно. На трубке кровь. Но внутри ее нет. Как и ожидалось.

Повтор, так сказать, для надежности. Снова тот же результат.

– Странно, – пробормотал ассистент.

– Что странно?

Таширов удивленно вскинул брови. Его голос слегка дрожал от напряжения, но он старался говорить как можно более непринужденно.

– Откуда на трубке кровь?

– Из раны, наверное. Ты же видишь, в брюхе сухо. – Таширов в третий раз проделал ту же манипуляцию, и вновь в трубке ничего не оказалось. – Сухо. Согласен?

– Да, вроде сухо, – согласился ассистент.

Ну вот и славно. Всё прошло как нельзя лучше. Таширов с удивлением подумал о том, что оказывается убийство это не так уж и сложно. Страшновато, неприятно, но в целом терпимо. А ведь кровь там есть, и не мало. И, судя по всему, продолжает подтекать. Тем лучше. К утру наш мир уже станет чуточку чище. Уже к утру...

– Зашиваем, – скомандовал он и вдруг осекся.

Вдруг ему стало страшно от осознания того, что он делает. Ведь это всё происходит на самом деле. Он совершает убийство. Он убивает человека. Нет, не человека, а... Нет, все-таки человека. Плохого человека, недостойного жить, мерзостного. Но все же себе подобного. Перед глазами всё поплыло, он закрыл их и принялся глубоко дышать. Как сквозь вату он слышал обеспокоенные голоса ассистента и операционной медсестры. Они спрашивали, всё ли с ним в порядке.

«Нет! – хотел закричать Таширов. – Не в порядке! Со мной далеко не всё в порядке!»

Он вдруг ясно осознал, что до этого момента не мог в полной мере оценить, прочувствовать ту тяжесть, которая ложится на его плечи. Он не может! Не может! Если он зашьет рану, обратного пути уже

не будет. До этого был хоть какой-то шанс, что ассистент или сестра что-то заметят, заподозрят, спасут этого мерзавца от смерти, а его, Андрея Таширова, от убийства... Но нет, они всецело доверяют его опыту и всерьез верят, что кровотечения нет. Он один знает правду, и он один... держит жизнь этого гадкого человека в своих руках...

– Подождите, – еле шевеля пересохшими губами, прошептал он, – подождите, я проверю еще раз. На. Всякий. Случай.

Ассистент удивленно посмотрел на ответственного хирурга и молча стал наблюдать, как он вновь опускает трубку в брюшную полость, зажимает ее верхний конец пальцем и... достает оттуда полную крови.

– Кровь, – бесцветным голосом произнес Таширов. – Будет большая операция. Мы расширяемся на лапаротомию...

Спустя двадцать минут Таширов отточенными, опытными движениями уже рассекал белую линию живота Буцева. Он был противен сам себе. Он презирал себя. Как же так? Он не смог. Не смог отомстить. Не смог свершить правосудие. Восстановить справедливость не смог.

И теперь ему всю жизнь с этим жить. Всю жизнь. Нет, не с тем, что он слаб. Ему жить с осознанием того, что он мог поступить правильно, мог поступить справедливо. Теперь он точно знал, что это было бы правильно. Нужно было сделать то, что он был должен. Нужно было не идти на поводу у своего страха, не прислушиваться к минутной слабости. Нужно было убить мразь. Убить! А теперь уже поздно. Слишком поздно.

Лучше бы он желел о том, что сделал, чем о том, что упустил, может быть, единственную возможность... Теперь, помогая ему, давая Буцеву выжить, он тем самым словно расписывается под фразой: «Для меня имеет ценность твоя жизнь». Он пожалел его. Неужели это правда? Неужели он действительно... посочувствовал ему? Но в таком случае, чем он сам лучше этого Буцева? Он сочувствует Буцеву, значит, он такой же...

Таширов вдруг вспомнил, о чем думал перед тем, как пойти на эту операцию. Там, у себя в кабинете. Он пожалел мразь и теперь сам не достоин жить...

Ассистент растянул инструментами операционную рану, и теперь кровь была ясно видна. И она продолжала подтекать. Из правого верхнего угла. Разрыв печени. Смертельно, если бы Таширов смог поступить правильно. Но сейчас уже поздно.

Привычным движением он просунул руку к печени и вдруг вскрикнул.

– Что? – ассистент аж подпрыгнул от неожиданности.

– Проклятье! Осколок ребра. У него ребро сломано и пробило печень.

Таширов вытянул руку и принялся ее разглядывать. С перчатки в рану капала густая темная кровь.

– С вами всё в порядке? – поинтересовалась медсестра. Они обменялись с ассистентом тревожными взглядами и оба вновь воззрились на разглядывающего свою руку Таширова. Кровь продолжала капать в рану. Медленным движением стянув перчатку, ответственный хирург продолжал вертеть свою кисть и внимательно ее разглядывать.

И тут ассистент и медсестра внезапно поняли, что произошло. Кровь, капающая в рану, была из раны на указательном пальце хирурга. Осколок ребра порвал перчатку и проколол его кожу. Рана глубокая, и кровь самостоятельно не остановится.

– Андрей Александрович, размывайтесь. Вам нужна перевязка. Обработка. В первую очередь обработка. Мало ли что у него? Может, СПИД, какой, – затараторила медсестра.

Таширов невидящими глазами посмотрел в ее сторону. Он был близок к обмороку. Перед ним, быстро сменяя друг друга, пробежали образы, картины из прошлого. Вот Иван Дерюгин идет на операцию. Он сосредоточен и уверен в своих силах. Вот он выходит с операции. Его костюм, шапочка, маска покрыты брызгами крови. У пациента было высокое давление и, пока анестезиологи его не снизили, хирурга несколько раз обдало кровью из мелких пересекаемых артерий. Кровь попала на лицо, в глаза. Медсестры тут же закапали ему в глаза альбucid, отчего глаза покраснели и слезились. Вот Иван Дерюгин в день своего ареста. Он идет по коридору и сокрушенно мотает головой. Он чем-то расстроен. Подойдя ближе, он показывает ему результаты анализов Буцева. Гепатит «С»...

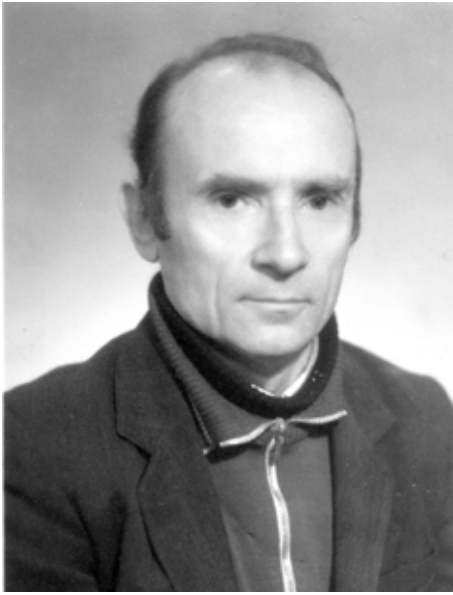
– У Буцева гепатит «С», – медленно произнес ответственный хирург.

Он продолжал разглядывать рваную рану у себя на пальце. Вот это и случилось. То, о чем он думал всего минуту назад, осуществляется на самом деле. Он не достоин жить. Буцев мразь, даже не предупредившая врачей о своем заболевании, подставившая Ивана, теперь стала и его убийцей. Гепатит «С»...

– Нужно было зашить, – еле слышно прошептал он. – Нужно было зашить. Я ошибся. Как же я ошибся. Как я мог?

Шатаясь, он отошел от стола и медленно, не оборачиваясь, побрел в сторону выхода...

Виктор КОРНОВАН

Родился в Кишиневе. Окончил среднюю школу. Работал в разных организациях города. В 70-х годах прошлого века дебютировал в журнале «Кодры». Свыше тридцати лет работает в Национальном Дворце техническим редактором по рекламе.

Человек своего времени

Рассказ

1

Из здания аэровокзала, на прилегающую площадь, выходили пассажиры прилетевшего из Москвы самолета. Одни, их было большинство, сразу же сели в автобус, курсирующий между аэропортом и городом, другие, после минутного раздумья, сели в такси, и вскоре машины уехали. Только один из прибывших, высокий, худощавый мужчина в черном костюме, в шляпе и в очках, держа в одной руке плащ, а в другой – портфель, остался стоять на лестничной площадке в глубокой задумчивости, ничего не видя вокруг. Казалось, все в нем, что способно чувствовать, думать, видеть силою воображения, еще пребывало там, где он был какие-то десять часов назад. На него внимательно и удивленно смотрели люди. Но вот он вздрогнул, точно проснулся в незнакомом месте, увидел площадь, людей, машины... Все было ярко освещено жарким полуденным солнцем. «Да, – подумал он, напряженно морщась. – Надо же ехать дальше». Он неуверенно сошел по ступеням и нерешительно подошел к такси.

– Вы свободны? – робко спросил он шофера.

Шофер нехотя оставил газету, изучающе посмотрел на спросившего и, хитро улыбаясь, ответил:

– К сожалению, я женат. А вам куда?

– В Суклены...

В село надо было ехать через город, и маршрут устраивал шофера, но он и вида не подал, а по привычке, точно обвиняя кого-то, спросил:

– А оттуда я буду ехать пустой?

– То есть как пустой? – растерялся мужчина.

– А так. Без пассажиров.

Мужчина смущенно постоял, почему-то внимательно рассматривая шахматные клеточки, думая, что шофер, должно быть, прав, а он ему надоедает, и, как из-за неумения упрашивать, так и из-за мысли, что шофер не поедет, повернулся уходить.

– Алло, товарищ, – позвал шофер, открывая шире дверь, с интонациями безразличия, незаинтересованности, но так, как будто оказывал большую услугу. – Ладно, садитесь. – И подумал, когда пассажир неловко, ударившись о верх машины, уронив шляпу и обнажив лысую голову, сел на заднее сидение: «Чудак какой-то».

«Чудаком» был доктор физико-математических наук, профессор Петр Григорьевич Молеров.

После долгого отсутствия Молеров возвращался в родные места. Когда «Волга» мягко помчалась по шоссе, он посмотрел на поля с кукурузой, подсолнухами, виноградниками, на аккуратные бело-голубоватые домики, видневшиеся в садах, и чувствовал, как его оставляют навязчивые мысли, связанные с последними опытами в институте, где в ускорителе была зафиксирована новая частица. Действительность настоящего момента будила в нем все больше воспоминаний и чувств, которые, в годы напряженной, кропотливой работы, посещали его изредка, ненадолго, не вызывая особых волнений. Да, вот на этой земле, бывшей миллионы лет назад дном моря, ставшей затем плодороднейшей сушей, на которой

когда-то люди жили в пещерах, по которой, гонимые большими движениями истории, – завоеваниями Римской империи, нашествиями Золотой орды, владычеством Османской империи, двумя мировыми войнами, – люди шли с востока на запад и с запада на восток, на этой земле Молеров родился, на ней жил его немногочисленный молдавский народ, образовавшийся, согласно легенде, от волохов. Как и все умные, глубоко чувствующие люди, Молеров не раз пытался разобраться в себе, максимально правильно почувствовать, понять себя, свое происхождение. Он искал ответ на это не только в своей жизни, в жизни своих родных, в жизни своего народа, но и в жизни соседних народов, народов прошедших веков. И, как и сейчас, когда ему удавалось увидеть себя со стороны, глазами другого человека, и, по возможности, объективно оценить себя, он, помня о том, как мало еще понимает и знает из того, что создала природа и человечество, и как много надо еще понять, знать, работать, чтобы создать свою новую идею и просто и понятно сказать ее людям, неизменно спрашивал себя: как могло случиться, что он, сын безграмотных родителей, для которых весь мир заключался в жизни села, сын народа, совсем еще недавно влачившего темное существование, физически, иногда с поразительной ясностью, помогающей ему решать сложнейшие задачи, представляет себе бытие от микромира атомов и частиц до величия макрокосмоса! Только ли благодаря его способностям, способностям его родителей, его народа стало это возможно? И отвечал себе, что не только поэтому, но главным образом потому, что исторические пути его народа и его самого переплелись с путями других народов, с развитием знаний и культуры значительной части человечества.

Поля и сады сменились корпусами заводов и фабрик. Шофер ловко обгонял тяжелые самосвалы, большие автобусы и бурно выражал свое недовольство, когда обгон не удавался сразу. Встречные машины с шумом проносились мимо. Вскоре они достигли города и въехали в один из новых его районов. Архитектурно-планировочный облик, высотные здания, стрелы кранов делали город похожим на другие города, так что Молерову даже показалось, что он находится в одном из новых районов Москвы, Киева, Новосибирска... Только с въездом в старый город стали встречаться, среди высотных зданий, знакомые с детства одноэтажные строения, доживающие последние дни. Молерову вспомнилось, как дребезжащий бельгийский трамвайчик, на подножке которого он любил кататься, переехал козу, щипавшую траву между рельсами.

Центр города, его главную улицу, по которой шофер повел машину, Молеров почти не узнал. Только несколько зданий Бернардацци и Триумфальная арка остались на ней от старого города. По динамичному, деловому движению множества людей, входящих и выходящих из учреждений, магазинов, по беспрерывному потоку машин Молеров увидел в этом, еще недавно провинциальном, тихом городке, жизнь больших городов, в которых он бывал, угадывал могучую и стремительную поступь человечества второй половины двадцатого века в свое будущее.

Проехав центр, они оказались в другом новом районе, который мало отличался от уже виденного. До Суклен оставалось километров десять, и Молерову память стала рисовать картины, которые уже не могло нарисовать время. С волнением, заставившим биться сердце сильно и часто, Молеров смотрел на широкий проспект, на месте которого когда-то была проселочная дорога. Узкая, так, что на ней с трудом могли разъехаться две каруцы, то до слепоты и тошноты пыльная, то непролазно грязная, она была единственной дорогой, связывающей село с городом, с большим миром. С необыкновенно ярко вспыхнувшей в нем мыслью, что ему уже сорок лет (сорок лет!), осветившей все уголки его души, заставившей почувствовать все тело, Молеров представил отца, запрягающего вола в каруцу. Сильный и веселый отец со своими сыновьями Ваней и Петрей едет в город, на рынок продавать овощи, фрукты, вино, а на вырученные деньги купить кое-что для домашнего хозяйства. Их провожает красивая черноволосая мать, оказывающая значительное влияние на семью. Она строго выговаривает отцу, терпеливо слушающему ее, чтобы он держался в городе подальше от знакомых и не позволял себе лишнего. Какой длинной, интересной, поэтичной и мягкой казалась тогда Молерову эта ухабистая дорога! Казалось, она ведет не в провинциальный серенький городок, а в большой, сказочный мир, всегда новый, с необыкновенными, добрыми, веселыми людьми! «Вот здесь, – подумал Молеров, интуитивно почувствовав знакомое место, – должны быть два клена». Помнится, по кленам он определял, как долго ехать, когда отправлялись в город, и как близок родной дом, когда возвращались. Кленов не было, и Молерову показалось, он ошибся местом, но потом, с дрожью увидев в зеленой долине сельские домики, с грустью понял – не ошибся, а клены, должно быть, срубили, когда строили проспект.

Проспект вместе с домами кончался в двух-трех километрах от села, а дальше он еще строился, дорога была посыпана щебенкой, и по обеим ее сторонам было зеленое поле. Волнение Молерова так усилилось, что каждый удар сердца неприятной, резкой болью отдавался в позвоночник. К горлу подступила

тошнота. Сидеть стало невозможно, и подумалось, если он выйдет и пойдет, волнение уляжется. К тому же казалось, машина едет очень медленно. Молеров тронул дрожащей рукой плечо шофера, протягивая ему деньги, и попросил остановиться.

- Вам плохо? – спросил шофер, видя его бледность.
- Да нет, ничего, – ответил Молеров, торопясь выйти.

Шофер подождал, смотря вслед странному пассажиру, в недоумении пожал плечами и, круто развернув машину, уехал.

Молеров, пошатываясь, пошел к селу, напряженно всматриваясь в дорогу и в поле, ища знакомые места. Под ногами хрустела щебенка, ноги скользили, проваливались и больно подгибались. И вдруг неожиданно, на обочине дороги, близко и крупно Молеров увидел траву и цветы ромашек. Властно, физически ощутимо вошло в него далекое милое детство. Пройдя в поле, положив на землю плащ и портфель, Молеров начал рвать ромашки, составляя букет, при этом слыша знакомый запах. Он увидел, как с цветка на цветок перелетали пчелы, «божьи коровки», как в траве деловито сновали, копошились насекомые – муравьи, красные жучки-«солдатики»... «Неужели то был я, который видел все это?!» – подумал Молеров, пытаясь представить себя мальчиком, но, странно, ясно этого сделать не смог. Ему вспомнилось, как на этом поле он пас корову, как она обдала его с головы до ног испражнениями, как люди, видевшие это, дико захохотали. Он растерянно, горько заплакал, и его со смехом стали успокаивать, говоря, что поэтому он в своей жизни будет счастлив, и повели мыть к колодцу. «Да, это был я, – подумал, грустно улыбнувшись, он. – Но как далеко это во времени со мной сегодняшним, со всеми теми изменениями, которые произошли в мире! И какой короткий миг даже в истории одной человеческой цивилизации!».

Дорога спускалась к селу. Первые домики были уже близко. Повстречались здоровые, загорелые, чумазые дети, которые с нескрываемым любопытством смотрели на Молерова. Повстречались и взрослые, но их любопытство, Молеров это чувствовал, было настороженным, изучающим, они как бы спрашивали: «С чем ты пришел к нам, человек? С хорошим или плохим?» Молеров пошел быстрее и вошел в село. Почувствовав за забором проходящего незнакомца, во дворах залаяли собаки, и Молерову стало казаться, что на него изучающе смотрит все село. Он пошел еще быстрее, не желая, чтобы его узнали, опасаясь стать центром всеобщего внимания, чего всегда, почти со страхом избегал. Все-таки кое-кто из пожилых людей его узнавал, при этом удивленно застывая на месте.

Но вот и улочка, на которой прошло его детство. Молеров с нетерпением посмотрел на ее поворот, за которым возвышался знакомый тополь, где должен был быть дом, в котором он родился.

Дом, к удивлению Молерова, показался ему очень маленьким, почти игрушечным, но изменился, стал аккуратным, добротным. Земельный участок был огорожен штахетным забором с растущими с внутренней стороны кустарниками сирени. Металлические, покрашенные в зеленый цвет ворота и калитка были закрыты.

Подойдя к калитке, Молеров уперся в нее дрожащей рукой, в которой держал букет ромашек. Как он ни старался убедить себя, что необходимо сохранять спокойствие, волнение бурно, неудержимо росло. Вновь сильно и часто забилося сердце, гулками ударами отдаваясь в голову, еще более резкой болью сжимался позвоночник, заставляя делать туловищем произвольные, судорожные движения. Когда же Молеров подумал, что отсюда он сделал первые, неуверенные шаги в большой мир, что более не повторится детство, когда мир необыкновенно свеж, таинственен и нов, как, впрочем, не повторится во Вселенной и он со всей его жизнью, он с досадой почувствовал, как зашекетало в горле и в носу и глаза затуманились слезами. Молеров не был сентиментальным, в большой жизни он уже успел увидеть и трагическое, и смешное. Он и сам не раз оказывался в опаснейших ситуациях, и его мужеству, смелости, находчивой трудоспособности удивлялись даже выдавшие виды военные. Поэтому, вместе с заманчивым желанием облегчающе, по-детски заплакать, в нем росло и возмущенное недовольство собой. Несколько минут он стоял, стараясь собрать всю силу воли и сохранить самообладание. И когда он с удовлетворением и облегчением почувствовал, как, подобно огромной, тяжелой волне, с него сходит напряжение, что сердце забилося ровнее и увереннее и что нет сковывающей, противной боли в позвоночнике, он поднял голову и посмотрел через калитку во двор.

К дому вела дорожка из бетонных плиток. Шириной она была вровень с воротами, и по обеим сторонам ее был фруктовый сад. Во дворе никого, было тихо. Молеров опустил руку по другую сторону калитки, нащупал крючок и приподнял. Калитка легко и бесшумно открылась. Молеров осторожно вошел и медленно направился к дому.

Откуда-то послышалось сонное хрюканье. Куры и утки спали возле винного пресса, очевидно, опья-

нев от выжимок. Петух лениво приоткрыл глаз и, не увидев человека, закрыл, опуская голову. Поскользнувшись на арбузной корке, Молеров сделал несколько шумных шагов. В будке что-то тяжело заворочалось, и в ее отверстии показалась большая собачья голова. Несколько секунд ее глаза внимательно смотрели на пришельца, затем из будки выскочила огромная черно-белая собака и с рычанием и лаем бросилась к нему, увлекая за собой звенящую цепь. Молеров испуганно отскочил, и собака не достала его. От этого она стала еще более яростной и злобной. Натягивая цепь так, что ошейник сильно сжимал ей горло, она уже не лаяла и не рычала, а только хрипло, с позывами к рвоте, задыхалась. «Глупая, – думал Молеров, придя в себя, наблюдая за ее поведением. – Перестань, я же свой. Понимаешь? Свой. Не понимаешь». И Молерову подумалось, что все более или менее разумные начала, проявляемые различными животными, в значительной степени объясняются влиянием на них высшей разумной деятельности человека.

Молеров беспомощно оглядел двор, ставший вдруг шумным, по которому с гаганьем и кудахтаньем носились птицы, и посмотрел на дом, ожидая, чтобы кто-нибудь появился.

Вышел среднего роста старик, одетый в белую рубаху, спускающуюся поверх черных брюк. Это был отец. Молеров хотел приветственно поднять руку и крикнуть: «Папа!», но не сделал этого, поглощенный наблюдением за ним. «Он заметно постарел, но еще крепкий», – подумал Молеров. Отец мельком взглянул на сына, не узнавая, и крикнул, не ругая, а приказывая, наступая на собаку:

– Замолчи, бешеная! На место!

Собака, недовольно рыча, нехотя забралась в будку.

Отец укоротил цепь, намотав ее на металлический штырь, вбитый в землю, и направился к Молерову, намереваясь спросить, что ему надо, но, не дойдя до него, настороженно остановился, пристально всматриваясь. И вдруг он весь взволнованно задрожал. То растерянно оглядываясь через плечо на дом, то вновь взглядывая на сына, точно боясь, что видение исчезнет, он позвал срывающимся голосом:

– Ирина! Иринushка! Да выходи ты скорей! Посмотри, кто приехал!

Молеров, точно в тумане, увидел, как из дому вняла низенькая мать.

Плача и смеясь, они бросились к друг другу и, не разбирая слов, стояли, обнявшись, посреди двора, а чуть дальше, не решаясь приблизиться, стояли выбежавшие из сада мальчик и девочка и с таким огромным вниманием смотрели на дедушку и на бабушку, и на незнакомого человека, на проявления их чувств, что можно было с уверенностью сказать, что происходящее запомнится им на всю жизнь.

Впоследствии, безуспешно стараясь припомнить подробности этой встречи, Молеров всегда с благодарностью думал, что этим двум людям, представителям, кто знает, какого по счету поколения в становлении и развитии человеческой цивилизации, их простой, непоказной, бескорыстной, верной любви, он обязан тем, что родился во Вселенной, живет в ней и познает ее.

2

Когда первые сильные волнения улеглись и стало возможно как следует видеть друг друга и понимать, они вошли в дом.

Небольшая прихожая разделяла дом на две неравные части. В той, что поменьше, состоящей из одной комнаты, жили старики, в другой – жил брат Молерова Ваня с семьей. Почти все в комнате стариков было, как и многие годы назад, когда они только начинали совместную жизнь, поэтому Молеров сразу же узнал много знакомых ему еще с детства вещей. Ковер и пожелтевшие семейные фотографии на стенах, среди которых была и та, на которой Молеров запечатлен десятилетним мальчиком с грустными, мечтательными глазами. Деревянная кровать с высокими подушками, сундук, обитый железом, стол с резными ножками, мягкие стулья с высокими спинками, аккуратные белые с вышивкой занавес на небольших окнах. Молеров даже узнал ночник, при свете которого он когда-то готовил уроки и читал. Словом, если не считать электрической лампочки под абажуром и еще, быть может, нескольких мелких вещей, здесь было мало такого, что родил научно-технический прогресс, и, судя по всему, новое трудно входило в быт стариков.

Отец, приглаживая седые волосы, сказал:

– Так неожиданно приехал! Написал бы, что приедешь.

– Я хотел написать, но боялся, что не смогу приехать, – ответил Молеров, отдавая портфель, плащ и букет ромашек матери, не отходявшей от него и не спускавшей с него счастливых глаз.

– Мы уже думали, ты совсем пропал, – сказала она, улыбаясь.

– Очень много серьезной работы, – ответил Молеров.

Они смущенно помолчали.

– Да что это мы остановились! – спохватилась мать, упрекая себя и старика. – Петря с дальней дороги, проголодался и устал. Ты, Григорий, помоги ему, как мужчина мужчине, а я приготовлю кое-что на стол.

По ее понятиям, суровая и дикая Сибирь, где жил и работал ее сын, по-прежнему находилась где-то на краю света, откуда он добирался пусть не на лошадях, но все равно долго и трудно.

– Вы не беспокойтесь, – слабо возразил Молеров, зная, что сделает все так, как скажут старики, хотя бы потому, чтобы их не обидеть. Он чувствовал себя виноватым, что так долго не был дома, и ему было неловко, как бывает неловко человеку, поступившему нехорошо по отношению к родным людям.

По настоянию отца Молеров, стыдась, разделся, надел старые отцовские брюки, тапки на босые ноги и, голый по пояс, вышел во двор вместе с отцом, держащим в темной жилистой руке ковш с водой. Молеров нагнулся, кожа на его спине натянулась и в тех местах, где выпирали кости, стала желтовато-белой.

– Кожа да кости у тебя, Петря, – сказал, не выдержав, отец, наливая на спину и на шею воду.

– Ничего, – ответил Молеров, работая длинными волосатыми руками, чувствуя приятную, успокаивающую воду. – Были бы кости, а мясо нарастет. Вообще, у худых сердце здоровое.

– Все-таки не мешало бы поправиться, – настойчиво и убежденно проговорил отец.

Решили обедать в саду, в беседке, густо заросшей виноградом. Мать, несмотря на преклонный возраст, довольно легко и быстро ходила от дома к беседке и обратно, так что на ней даже вздувалась цветастая кофта и развевалась широкая длинная юбка. Она то и дело любовно взглядывала на мужа и на сына, с гордостью думая, что они, должно быть, разговаривают о чем-то важном и умном, и едва не уронила тарелки, споткнувшись на ровном месте.

– Ваня на работе? – спросил Молеров у отца, когда они вошли в сад. «Вот здесь росли малина и клубника, – вспомнил он. – Ягоды были такие вкусные!»

– Да. Он работает шофером в городе, в проектно-институте. Сейчас в командировке, но должен скоро вернуться. И Лида, жена его, тоже в городе работает, на фабрике. Кажется, ты ее знаешь? Она дочь Урсуляков. Их дом около леса.

С Лидой были связаны светлые и радостные воспоминания юности Молерова, и отец в свое время знал об этом, но теперь, видимо, забыл.

– Лида? Это та девчонка, за которой бегали все мальчишки? – спокойно спросил Молеров, хотя внутренне взволнованно вздрогнул.

– Она, она! – радостно сказал отец. – Между нами, хозяйка она на редкость!

Мать, вытирая передником руки, пригласила в беседку, и Молерову вспомнилось, что передником она вытирала ему в детстве нос. На столе, покрытом белой скатертью, было куриное мясо, брынза, хлеб, яблоки, виноград и, конечно, глиняный кувшин с вином. Молеров хорошо помнил этот кувшин с отбитой ручкой. Как-то в знойный летний день он, гонимый сильной жаждой, прибежал домой, нашел этот кувшин с водой и жадно стал пить. Казалось тогда, ничего на свете нет вкуснее воды.

– Извини, Петря, все на скорую руку, – сказала мать виновато.

– Ой, мама, – ответил Молеров, смущенный ее поведением. – Я в Москве хорошо пообедал...

– Мы не видели, – сказал отец.

Сели на деревянные скамейки, отец налил в граненые стаканы густое красное вино и произнес:

– Ну, за твой приезд. За то, что видим тебя живым и здоровым. Хотя здоровым особенно ты никогда не был. И сейчас по тебе не видно, что ты здоров.

Молеров хотел возразить, но отец уверенным жестом, что он все знает, остановил его и первым выпил. Мыть отвернулась и торопливо стала вытирать глаза рукавом кофты. Ей вспомнилось ярко и так ощутимо, точно она пережила родовые муки вчера, как она трудно родила Петрю и впервые увидела его – красный комок мяса, издавший пронзительный, неприятно-капризный крик. Он неохотно брал грудь, рос худеньким, часто болел, затем стал мечтательным, замкнутым и застенчивым мальчиком, так что многие в селе, в том числе и отец, говорили, что трудно ему придется на этом свете, что недолгий он жилец. Откуда им было знать, что мальчик живуч той невидимой, внутренней силой жизни, которая компенсирует недостаток физического развития и побеждает болезни? И вот он человек в годах, не только своей внутренней жизнью, своими занятиями, своей работой, но даже и внешним видом отличающийся от своих родителей. Мать внимательно посмотрела на него и вдруг со страхом подумала, действительно ли это ее сын, о котором пишут и говорят люди?!

Молеров чувствовал, что мать думает о нем. Если бы его спросили, что именно она о нем думает, он

бы, конечно, не смог ответить, но мысли, родившиеся в голове, были как бы ответом на то, что думала о нем мать. Он смотрел на эту маленькую женщину, сморщенную от долгого, нелегкого жизненного пути, от уже наступившей старости, на ее белые волосы, похожие на парик, и необыкновенно сложная и одновременно простая мысль поразила его. Молеров подумал, в этой женщине он НАЧАЛСЯ, рос в ней, составляя одно целое с ее телом, питаясь его жизненными соками, а, отделившись, стал постепенно отдаляться и отдалился так значительно, что стал забывать ее.

– Ты ешь как птичка! – недовольно сказал отец, видя, что сын выпил немного вина и нехотя, пугливо притрагивается к еде.

– Что ты, отец! – искренне удивился Молеров. – Я давно не ел так вкусно и с таким аппетитом. И совсем я не такой малокровный, как ты думаешь. Чувствую, поживу еще и немало поработаю. Лучше расскажите, как вы тут...

– Сам видишь, по-стариковски. – И отец грустно и печально посмотрел на сына, как бы призывая, чтобы сын повнимательней посмотрел на него.

Отец вспомнил, будучи в возрасте сына, был физически сильным и крепким, мог выпить немало вина, любил вкусно и много поесть и мог развеселить самую унылую компанию. Недавно жена, вспоминая молодость, призналась ему, что она с трудом отвечала на его бурные, горячие порывы и если она не позволила тогда ему это заметить, то только потому, что боялась, что он уйдет от нее. Ведь на него так засматривались женщины! И вот пришла старость, и он, холодея, чувствует, что с каждым днем все меньше и меньше на что-то способен...

– Как будто ничего и не было, – прошептал он, и на его воспаленных, усталых глазах показались слезы.

– Состарились мы, – чувствуя, что происходит в его душе, сказала мать. – И на обезьян стали похожи...

– А помнишь, Иринushка, как я за тобой ухаживал, как твой отец говорил, что я цыган и не хотел, чтобы ты была моей женой? – спросил, оживляясь, отец, наливая в стаканы вино.

– Эхе-е, что вспомнил, – строго сказала мать, но тут же сама оживилась и шутливо добавила: – Ты тогда еще дурачком был.

– Да, многого я тогда не понимал, – согласился отец и уверенно добавил: – Потому и был счастлив.

В беседку, внимательно и ожидающе смотря на Молерова, вошли мальчик и девочка. Их лица, руки и животы были в чернильных пятнах от винограда. Девочке Кате было около десяти лет, и Молеров угадывал в ее лице черты брата, а лицо семилетнего мальчика Кости удивительно напоминало Лиду двадцать лет назад.

– Вот у кого все впереди, – сказал отец.

Молеров, любя всех детей сильно и нежно, как любят люди, очень желающие их иметь, но у которых личная жизнь в этом отношении не удалась, не умел быть ласковым и занимательным. Он как бы стеснялся, не умел показывать, боясь, что его чувство будет выглядеть фальшиво. Поэтому старался быть с детьми деловым и серьезным. Однако дети без особого труда его разгадывали и доверчиво подходили к нему. Молеров и оглянуться не успел, как Костя уселся рядом с ним и, играя ножками, спросил:

– Дядя, это правда, что вы папин брат?

– Правда, – смущаясь, ответил Молеров.

– И живете там, где всегда холодно, в царстве Снежной королевы? – спросила, подходя, Катя.

– Нет, почему же, там бывает и тепло, даже жарко...

– Дети, не надоедайте, – вмешалась бабушка.

– Ты, тимуровец, кем хочешь быть, когда вырастишь? – спросил Молеров.

– Космонавтом, – твердо ответил Костя.

– А ты? – обратился он к девочке.

– Балериной.

– Ну что ж, это хорошо.

– Что хорошего, – недовольно возразил отец. – Все хотят быть учеными, жить в городе. А кто будет хлеб растить? За скотом ухаживать?

– Для этого сейчас тоже надо учиться, – сказал с улыбкой Молеров.

– Э-э, сколько воды утечет, пока они вырастут, – сказала, вздохнув, бабушка. – Они еще не раз передумают...

Молеров подумал, что все люди в детстве мечтают о том, кем они будут, хотят быть полезными обще-

ству, совершать подвиги... Естественно, индивидуальные способности, сложные человеческие взаимоотношения большой жизни вносят коррективы в мечты, нередко заставляя от них отказываться. Это не значит, конечно, что, поступив так, человек уже не полезен обществу, что он не может совершить подвиг. Но наряду с этим есть и вероятность того, что жизнь некоторых людей пройдет без огненного вдохновения, в неуверенных и несмелых попытках что-то предпринять, в преувеличенных заботах о личном материальном благополучии, в чрезмерном внимании к своему физическому «я», в страхе за его безопасность. И, должно быть, очень мучительно и трудно, с острейшим сознанием невыполненного долга, неверно и неполно прожитых десятилетий, со страшно пугающей пустотой души и великим сожалением такие люди заканчивают свой жизненный путь.

– Все один живешь, – больше убежденно сказал, чем спросил отец.

– Да...

Молерову эта тема разговора была неприятна. Он встал, намереваясь выйти из беседки.

– Думаешь и дальше так жить? – неодобрительно спросил отец.

– Не знаю, – ответил Молеров, избегая отцовского взгляда.

– Григорий, – прервала разговор мать.

Отец засуетился, переложил дрожащей рукой тарелки и, заметив, что сын дает детям деньги, сказал:

– Не следует этого делать. Деньги балуют. Дети должны знать им цену. Деньги не валяются на дороге, а даются за труд.

Но Катя с Костей так счастливо и восторженно закричали и запрыгали, предвкушая купить сладости, что напряженность между взрослыми мгновенно упала, и они улыбнулись.

– Пусть они будут здоровы и вырастут большими, – примиряюще сказала бабушка.

– Главное, чтобы войны не было, – добавил серьезно отец. – Что говорят об этом, Петра?

– Война нам не нужна.

– Слышал, слышал, – поморщился отец. – А ты, ты сам, что думаешь?

– Ну, как бы тебе объяснить, отец... В капиталистических странах различные политические партии.

Эти партии выражают свое отношение к нашей стране в демагогических дискуссиях и заявлениях, нередко скрывая за ними подлинные намерения. Но все же им приходится считаться с нами. К примеру, деловые люди, столкнувшись с энергетическими трудностями, интересуются нашими природными ресурсами, хотят торговать...

Отец важно, понимая, медленно опускал и поднимал голову и сказал задумчиво:

– Понятно. Простые люди всегда договорятся.

Приближался вечер, когда отец и сын, хмельные, вышли из беседки. Отец, с детства привыкший к физической работе, не мог сидеть без дела, подошел к дровам, которые Ваня привез из леса. Несколько поленьев были распилены стариком вчера, и на земле, покрытой опилками, валялись чурки. Он поднял поленьев, положил на козлы и снял пилу со стены сарая.

– Давай помогу, – предложил Молеров.

– Если хочешь, – старик не думал отговаривать сына. – Ну...

– Что ты, Григорий, затеял?! – вскричала мать. – Сыну отдохнуть надо, а ты уже рад заставить его работать!

– Ничего, мама! – весело сказал Молеров, одной рукой упираясь в поленьев, а другой с трудом вытягивая жалобно звенящую пилу.

– Пусть поработает, – сказал отец. – Крепче спать будет. Привык, наверное, спать только в шикарных апартаментах...

Работа не очень ладилась, пила застревала, несмотря на то, что ее обильно смазали керосином, и отец с досадой говорил:

– Ты, Петра, не толкай пилу ко мне, а только на себя тяни, на себя...

Скоро Молеров, к величайшему своему стыду, почувствовал усталость и огненное жжение в ладони. Он молчал, стиснув зубы, тяжело дыша, ожидая, чтобы отец предложил отдых. Однако, судя по его уверенным, сильным движениям, отец и не думал об отдыхе. И только когда отцу стало ясно, что у сына не хватает сил, он, прекрасно догадываясь о его моральных и физических страданиях, как ни в чем не бывало, хитро улыбаясь одними губами, повесил пилу на место.

Молеров через силу разогнулся, как будто ему сдавили позвоночник, и, выпрямляя одеревеневшие, дрожащие пальцы, неприятно почувствовал, как расклеивается кожа на ладони.

Сели на цементную присыбу. Молчали, Молеров, думая о том, что никогда не умел делать физическую

работу, отец – с удивлением не понимая, как в его физически здоровой семье родился такой неженка.

– Я ничего вам не купил, – сказал Молеров, протирая очки. – Не знал, что, да и времени не было. Я привез немного денег.

– Спасибо, деньги никогда никому не мешали, – поблагодарил отец, закурив, слышно почесывая щетинистый загорелый затылок крупными ногтями, думая, что если бы он точно не знал, что Петря его сын, он бы всегда сомневался в этом.

Солнце знакомым с детства путем опускалось к знакомому холму. Высоко в бледно-голубом небе, еле заметными точками, играли ласточки, и низко над двором, то сжимаясь и падая, то вновь энергично работая крылышками и взлетая, пролетали воробьи. По улочке, выстреливая выхлопные газы и гремя прицепом, проехал колесный трактор. Молеров только однажды увидел его весь с подпрыгивающим водителем, когда он проехал у ворот, а так он был скрыт кустами сирени, и виден был только его тент, мелькающий между деревьями сада. Послышались звонкие, веселые детские голоса и чем-то недовольные женские...

Молерова клонило ко сну. Он чувствовал необыкновенно приятное, расслабленное состояние своего тела, не требующие большого нервного напряжения мысли, действующие умиротворяюще, рождающие спокойную, радостную уверенность в своих силах... Это он объяснил тем, что, пожалуй, выпил многовато вина. Но не это было главное. Молеров, находясь многие годы в постоянном творческом напряжении, мобилизуя на решение сложных задач всего себя, переживал наконец-то одно из тех счастливых мгновений отдыха, какое так редко переживают люди, стоящие во главе человеческого развития, работающие для будущего. Всю свою жизнь они отдают любимой работе, то тяжело сомневаясь, то чувствуя, что успех вот-вот должен быть. А настоящий успех приходит чрезвычайно редко, такой успех, чтобы тебя действительно понимали, чтобы не делали вид, что понимают, чтобы живым стать известным человечеству и ценимым им! Значительно опережают свое время такие люди. Они способны заглянуть в будущее. Порой они непонятны и смешны в своих исканиях. Сколько нервов, здоровья стоят им усилия доказать не только себе, но и тем немногим знакомым с их работой людям, что они на правильном пути, сколько переживают бессонных ночей! И, наряду с любимой работой, нет для них большего счастья, чем хотя бы на мгновение забыть себя, стать как бы обыкновенными людьми, как все...

– Петря, Петря, – услышал Молеров и почувствовал цепкую руку отца на своем плече. – Отец снисходительно улыбался. – Иди отдыхать. Мать приготовила тебе постель в нашей комнате. Поговорить успеем и завтра...

Он взял сына под руку, и они встали.

– Кажется, я уснул? – спросил Молеров.

– Да, – ответила мать так, как будто сын вновь был для нее беспомощным ребенком.

Они проводили сына к кровати. Оставив его сидящим на ней, вышли в прихожую и понимающе улыбнулись друг другу, мол, много ли их сыну выпить надо, чтобы на него подействовало.

3

В этой комнате Молеров когда-то спал с другими детьми. Она показалась ему очень маленькой. В детстве потолок казался высоким, а теперь был так низок, что он достал до него рукой. Вспомнилось, как дети, играя, кидались подушками, так что перья летели.

Молеров был самым младшим из детей. Старшими были сестры Мария и Лиза. Во время войны пропали без вести. Брат Ваня был старше Молерова на пять лет. Это был необычайно подвижный, драчливый мальчик. Его боялись многие дети. Петрю он не любил, даже ненавидел, за хрупкость телосложения и тихий, застенчивый нрав и нередко бил. Когда Ване было лет тринадцать, он собрал вокруг себя самых смелых и отчаянных мальчишек, под его руководством они совершали кражи, ввязывались в драку с взрослыми. Нехорошая слава о Ване достигла соседних сел. Много горя и неприятностей пережили из-за него родители. Кто знает, как бы сложилась его жизнь, если бы в одном из ночных налетов он бы не сорвался с забора, сломав при падении ногу. Из-за отсутствия опытных врачей-хирургов кость срослась неправильно, кривизна ноги выпирала штанину. Он хромал, утратив былую подвижность. И только после того, как во время одного из налетов его поймали и жестоко избили, Ваня утих. Больше года он бесцельно слонялся по селу, уходил в город и возвращался оборванным, худым и голодным. Трудиться он не желал. Затем с большой неохотой, мрачный и молчаливый, стал помогать отцу по хозяйству, постепенно втягиваясь в работу, смиряясь со своим положением. И отец с матерью, считавшие большим несчастьем, что сын стал калекой, теперь тайком, про себя, боясь этого признания, благодарили Бога, что так произошло.

Молеров помнит себя где-то с четырех лет. Он ползет по глинобитному полу за мокрицами и черными тараканами, издававшими резкий, дурной запах, когда он их трогал. Два года спустя его определили учиться в румынскую «Шкоала примарэ». Он сразу же обратил на себя внимание учителей тем, что учился необычно легко, особенно же сообразительным он был в арифметике. Стоило учителю только прочесть задачу, и она была уже решена. Из этого периода детства ему запомнилась добрая тетя Настя, сестра его матери, не имевшая детей и любившая его как родного сына. Запомнился Молерову и сожитель тети Насти, горбун дядя Афанасий, жизнерадостный человек, умевший находить в людях хорошее и не осуждавший их за плохое. Он любил Пушкина и Лермонтова, Гоголя, Достоевского и Толстого, словом, преклонялся перед русской литературой, обладал определенным интеллектом, но, по мнению многих людей, был большой фантазер. В селе он был не только известным сапожником, но и человеком, потерявшим счет женщинам, с которыми жил. Он произвел на свет кучу детей, которых очень любил и которые всегда окружали его. Односельчане шутили, что какой он ни есть урод, а мужское дело знает лучше молодого здорового парня. После Насти, умершей от чахотки, он, будучи жизнелюбом, нашел другую женщину. Всегда, когда дядя Афанасий видел Молерова, он весело и ласково улыбался ему, подзывал, нежно гладил по голове и, хитро щуря глаза, спрашивал: «Ну как, Петря, еще не женился?» Молеров с большой любовью вспоминал этого человека, сидевшего на низенькой скамеечке с молоточком в одной руке и ботинком – в другой, державшего гвоздики губами, весело разговаривавшего и беззаботно смеявшегося, сильно удивлявшего, как при этом он ухитрялся не уронить гвоздики, не проглотить. Никогда не унывавший, дядя Афанасий как будто присутствовал рядом, когда Молерову было трудно и плохо в жизни, и это его незримое присутствие Молеров физически ощущал – и ему становилось легче.

Хорошо запомнились Молерову зимние вечера, когда он, сильно простуженный, больной ангиной, сидел у окна. Мать, он с содроганием вспоминает это, лечила его по народному поверью – отрубала топором хвосты у кошек и, надрезая, прикладывала к горлу. Молеров потом видел не одну бесхвостую кошку, избегавшую людей. Из окна был виден сад в снегу, с главенствующим, горделиво возвышавшимся над фруктовыми деревьями тополем. С холодного, закатно-красного неба слетались и садились на деревья протяжно и хрипло каркающие вороны и роняющие частые звонкие звуки галки. Птиц было такое множество, что деревья чернели и ветки тяжело раскачивались. В один из таких вечеров вернулся из города отец, где он работал по призыву румынских властей. С начала войны, подавленный, угрюмый, он впервые что-то тихо напевал, загадочно улыбаясь, и со всеми был предупредительно вежлив. Наконец он не выдержал и, точно поверя великую тайну, сказал, что русские победили немцев под Сталинградом.

Молеров встал с кровати и подошел к окну. Стройный тополь, одно из дорогих воспоминаний далекого детства, был также высок и могуч, как и несколько десятилетий назад. Он весь был в густой, здоровой зелени листьев, скрывающей его ветки, шумящей спокойно и уверенно. По толстому неподвижному стволу чувствовалось, что тополь глубоко и прочно уходит корнями в землю, должно быть, счастливо убежденный, что жить он будет еще долго в этом прекрасном, удивительном мире. В детстве Молерова, подобные отголоскам суровых и жестоких сражений, свирепствовали северные ветры. Ветры яростно ревели, и тополь, напомнивший огромную рогатину, тяжело сгибался. Молерову казалось, что необыкновенный богатырь натягивает эту рогатину, чтобы со страшной силой выпустить из нее такой снаряд, который бы сразу уничтожил все зло на земле.

Жаркими летними днями, если Молеров не выводил в поле корову, он любил гулять в саду, с радостью обнаруживая новые всходы трав, новые листья, новые цветы. Уединяясь под кустом шиповника, никому не видимый, он любил думать об окружавшем его большом загадочном мире, в который он пришел без какого-либо действия со своей стороны, хотел он этого или нет, не помня себя. В то время как другие дети увлекались шумными играми, переходящими иногда в потасовки, Молеров в этих играх, до смешного несообразительный, плохо ориентирующийся, участвовал редко. Его неудержимо тянуло с трепетным, напряженным вниманием наблюдать, как за казавшимися осмысленными трудолюбивыми муравьями, так и за мерцающим светом далеких звезд. В этих двух явлениях, как, впрочем, и в других, Молеров убедительно чувствовал единую движущую связь, связь жизни, без чего, как ему казалось, огромный мир распался бы, погрузившись в непроглядную, холодную, страшную тьму...

Однажды, когда Молеров поехал с отцом в город, они пошли в цирк. В цирке он был впервые, и все для него было необыкновенно ново, ярко, красиво, интересно, весело. Он совершенно забылся и видел только смешного клоуна с сообразительной белой собачкой, огромного, тяжело танцующего слона, размахивающего хоботом, борцов, играющих мускулами, схватившихся в жестокой схватке, во время которой публика оглушительно орала и свистела... Но особенно восхитили Молерова своей смелостью

воздушные акробаты. На большой высоте, под самым куполом, при полной тишине, они стремительно раскачивались на трапециях, легко, как птицы, перелетая с одной трапеции на другую. Молерову даже подумалось, что если дать им крылья, они смогли бы летать высоко в небе. С нетерпеливой мыслью сделать самому нечто подобное он вернулся домой, нашел в сарае веревку, двумя концами привязал ее к ветке дерева. Было приятно раскачиваться на этих самодельных качелях, и очень скоро это стало для Молерова настойчивой необходимостью, привычкой. Так он мог сидеть часами, при этом убедительно, с радостью чувствуя, что родился для того, чтобы сделать что-то необыкновенное, за что будут благодарны ему люди, с восхищением произнося его имя.

Как-то свежим утром, после прошедшей ночью грозы, все в саду было особенно зелено, наполнено живительной влагой и звонким, радостным пением птиц. Все в природе, от голубого глубокого неба с ласковым теплым солнцем до крохотной травинки, было чисто и красиво. Молеров, чувствуя необыкновенную вдохновляющую ясность мышления, с наслаждением уселся поудобнее в качели. С вздрогнувших листьев хлынул ливень крупных холодных капель. Молеров раскачивался все сильнее, взлетая все выше, касаясь веток другого дерева, и ему начало казаться, что еще немного усилий, и он полетит в это голубое глубокое небо и увидит оттуда весь мир и всех людей, и многое поймет, и расскажет об этом людям. «Так вот для чего я родился!» – подумалось ему с захватившей всего его радостью. Еще выше взлетал он, пребывая в полной экзальтации. И Молеров действительно полетел, но не в это голубое глубокое небо, а на землю. Ударяясь и царапаясь о ветки, он упал в густую, мокрую крапиву. Оглушенный, он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. И когда Молеров, придя в себя, испуганный, окровавленный, чувствуя сильную боль и нестерпимое жжение, посмотрел вокруг, он увидел два жалких, беспомощно висящих куска веревки и услышал радостный, здоровый хохот. По тропинке, хромя, шел брат. Он, не переставая хохотать, с презрением посмотрел на Молерова, стоящего на коленях, на сорванные качели, неловко повернулся и ушел. И Молеров подумал, что брат ждал, чтобы это случилось, даже, возможно, сам надрезал веревку, и в бессильной обиде, сжимая кулачки и зубы, горько, безутешно заплакал...

В это же лето Красная армия освободила село и город от немцев и румын, и Молеров снова пошел в школу, но теперь в русскую и сразу же в четвертый класс. Дядя Афанасий уговорил не особенно возражавшего Григория, считавшего, что ему не повезло с сыновьями, отпустить Петрю в город продолжать учебу. Вообще, отец Молерова уважал ученых людей, но не потому, что они, как ему говорили, много знают, а потому, что много получают и хорошо живут. Но он был убежден, что ученые люди рождаются в ученых семьях, а темный человек, как рождается с сапой и лопатой, так с ними и умирает. И если он согласился на уговоры дяди Афанасия, то только потому, что от Петри было мало пользы, только лишний рот, в городе же из него, может, что-нибудь и выйдет, скорее всего бухгалтер, так как он хорошо считает. В городе Молеров жил у дяди Афанасинового друга, державшего парикмахерскую, в которой он и был единственным парикмахером.

Молерову, знавшему по-русски всего несколько слов, сначала приходилось трудно, так что директор предложил перевести его в молдавскую школу, но Павел Иванович, преподаватель математики, сумел отстоять мальчика, говоря, что он способный и преодолет языковой барьер. К концу учебного года Молеров, к удивлению многих, был одним из лучших учеников класса.

Тяжелыми были и послевоенные годы. Бессарабия, бывшая одной из самых заброшенных и отсталых провинций Европы, к тому же опустошенная войной, медленно возвращалась к жизни. Не хватало продуктов питания, плохо было с жильем и одеждой, умирали от истощения и болезней люди. Но война – позади. Вернувшись к мирным работам, люди с надеждой думали о завтрашнем дне. И ребята, с которыми Молеров переходил из класса в класс, были дружны той настоящей, верной дружбой, которая объединяла их учителей и родителей в великих военных испытаниях. Все, и взрослые, и дети, старались помочь друг другу.

К десятому классу за Молеровым прочно укрепилась известность одного из лучших учащихся, который окончит школу с золотой медалью. Особенно легко давались ему физика и математика. Преподаватель физики, довольно заурядный и посредственный учитель, не владеющий глубокими знаниями, чувствовал, что у Молерова есть способности, и нередко ловил себя на мысли, что мальчик знает больше, чем он. Тем не менее, когда Молеров занял первое место на городском конкурсе физиков и математиков, преподаватель видел в этом только свою заслугу. А Павел Иванович был ко всем ребятам одинаково требовательным, скупым на похвалы, почти полная противоположность физику, только согласно медленно опускал и поднимал голову, когда Молеров отвечал. Он, хотя и отмечал про себя способности мальчика, все же был убежден, что более определенный ответ на это можно будет дать только со временем. Один

физрук, самый здоровый из учителей, прошедший всю войну на передовой, смелый и решительный в самых тяжелых, страшных боях, имевший много орденов и медалей, был недоволен Молеровым и критически, с каким-то сочувственным выражением на большом красном лице смотрел, как Молеров неумело подтягивается на турнике. Он решительно не признавал у Молерова способностей, доказывая, что любые способности немыслимы без хорошей физической подготовки. И, вероятно, лишь жалость, та самая жалость сильного к слабому, которая заставляла физрука в войну спасать людей, потерявших со страха самообладание, заставляла его проставлять Молерову тройки.

Молеров был высоким мальчиком, а потому что был худым, казался выше многих высоких мужчин. Его большая голова с черными вьющимися волосами и черными глазами была очень подвижна на тонкой шее. С пронзительной настойчивостью эти глаза изучали все, что попадало в их поле зрения, и не каждый человек мог выдержать их внимательный, пронизывающий взгляд. У человека, на которого они смотрели, возникало неприятное ощущение неловкости, как будто вдруг обнажался и был виден его внутренний мир со всеми тайнами. Движения человека становились неуверенными, он спотыкался или что-то ронял, и в следующее мгновение, когда человек уже не интересовал Молерова, тот, смущаясь, понимал, что был этому невольным виновником. Бледное лицо Молерова было красиво той тонкой, почти неуловимой, больше чувствуемой, чем видимой, красотой, какая бывает у людей, глубоко и серьезно задумывающихся над своим существованием, над окружающим миром, живущих богатой духовной жизнью. Внешне он мало был похож на родителей. Разве что в лице угадывалось материнское, женственное, и нос, хотя и был крупным, как у отца, но не казался большим и грубым, а был тонко очерчен.

Брат Ваня стал физически сильным, широким в плечах, с большой головой, толстой шеей и могучей грудью. В то время как Петря рос в высоту, Ваня, казалось, рос в ширину. Он заметно хромал и быстро ходить не мог. Это не мешало ему в работе (в хозяйстве он был правой рукой отца, столярничал вместе с ним), но на первых порах явилось серьезным препятствием в любовных делах. К женскому полу его тянуло мучительно и неудержимо. Он, тяжело дыша, смотрел на женщин горящим взглядом. Его круглое лицо, как бы увеличенное отцовское, нельзя сказать, что было невыразительным, но оно выражало только те чувства, которые рождались потребностями тела. Ваня, хотя и не с такой нелюбовью, все же продолжал относиться к брату сдержанно и сухо, и Молеров считал, что Ваня имеет на это определенное моральное право. Да и отец больше ценит Ваню за ту конкретную, очевидную пользу, которую он уже приносит своим трудом.

Каждое лето Молеров приезжал к родителям, и отец, ехидно улыбаясь в усы, которые он гладил кончиками пальцев, всегда спрашивал: «Ты, наверное, уже стал большим человеком, Петря?» Мать ничего не говорила, но мысленно с отцом соглашалась. Она думала, если сын и будет большим человеком, то в далеком будущем, она, может, не доживет до этого. Дядя Афанасий был единственным человеком в селе, который относился с пониманием к Молерову. После своего обычного шутивого вопроса: «Ну, Петря, еще не женился?», он начинал серьезно расспрашивать его об учебе. Выслушав, говорил: «Молодец, Петря, учись! Это большое счастье! Неученый человек – все равно что слепой, топчется на одном месте и никому особенно не нужен. Я, брат, в молодые годы тоже хотел учиться... Если бы человек знал, где может упасть, он бы себе постелил... С годами начинаешь понимать свои ошибки. Конечно, было трудно, не до учебы, но если бы очень захотел... Э-э, да что говорить... Понимаешь, Петря, я чувствую, что мог быть другим. Иногда кажется, сегодняшний я это так, просто живое тело, а настоящий я, который думал и мечтал, у которого была душа, умер сорок лет назад, и мне становится страшно... Учись, Петря, учись, и ты не потеряешь себя в этой жизни...»

К этому времени, когда Молеров вышел из детского возраста, но и взрослым еще не стал, относится одно из его самых светлых и чистых воспоминаний.

Как и у большинства городских мальчиков и девочек того времени, воспитанных в строгом уважении к друг другу, прочитавших немало книг, просмотревших много раз фильмы, где неизменными главными героями были смелый, мужественный он и необыкновенно красивая, нежная она, где, ради единственного поцелуя, он совершает подвиги, рискует жизнью, спасая ее от грязных рук злодея, у Молерова о любви сложилось представление как о великом, возвышенном, вдохновляющем чувстве. Это чувство несовместимо со всем, что низменно и гадко. Оно объединяет людей до самой смерти, помогая противостоять трудностям. О такой любви Молеров мечтал, и такая любовь зародилась у него к Лиде. Свойственная этому возрасту идеализация не обманывала его, Лида действительно была самой красивой девочкой в селе, и на нее засматривались не только мальчики, но и взрослые мужчины. Среднего роста, стройная, смуглая, с толстой черной косой, она напоминала Молерову красавиц из восточных сказок. Лида была

непоседа и всегда в окружении мальчиков. Видно было, к такому исключительному вниманию она привыкла, она знает себе цену. Никто еще по-настоящему ей не нравился, и на всех она смотрела с превосходством. Молеров для нее был, как и все, только удивлял высоким ростом. Она становилась рядом с ним, едва доставая головой до его плеча, и, радостно смеясь, вызывая в нем трепетное волнение, глядя снизу вверх смело ему в глаза, просила: «Дядя, поймай воробушка!» Молеров, смущаясь, делал движение рукой, как будто выполнял ее просьбу.

Неудержимо быстро росло его чувство. Теряя связь с реальным миром, Молеров даже учебу в десятом классе начал неудачно, чем крайне удивил всех. Он видел действительность не такой, какой она была на самом деле, а заслоненную своим чувством. Он думал только о ней. Видел ее в сновидениях еще более прекрасную и желанную, чем наяву, и таял в острых, жгуче-приятных ощущениях. Он просыпался весь в жару, с сильно бьющимся сердцем и учащенным дыханием, и ему казалось, она была с ним и всего несколько секунд как ушла, оставив живое тепло и дурманящий запах своего тела.

Это состояние Молерова не осталось незамеченным. Первой почувствовала его Лида и насторожилась. Настолько, по-видимому, было сильно чувство Молерова, что Лида не решилась обратить все в шутку и рассмеяться.

На октябрьские праздники Молеров приехал в село. Ему не терпелось ее увидеть. Он твердо решил признаться в своих чувствах и внести ясность в их отношения. Он почти не сомневался, Лида поймет его правильно, и они будут счастливы. Он будет большим ученым, а она – верной и преданной подругой.

И вот Молеров с веселой, шумной компанией ребят отправляются в город, смотреть салют. Рядом с ним Лида, и он очень счастлив и горд. Он еще ничего ей не сказал. Да в этом и не было необходимости, ее милая улыбка и блестящие глаза говорят, что она все понимает. День ясный и теплый. Лида одета в белую кофточку в синий горошек и в синюю юбку. Молеров чувствует ее пьянящую близость. От каждого прикосновения к ней приятными, горячими волнами расходится по всему телу волнение, и кружится голова. Необычайно коротким показался путь, хотя был уже вечер. Они влились в шумный людской поток, который направлялся к центру города. Площадь предстала вся в красных флагах и лозунгах, ярко освещенная прожекторами, заполненная людьми. Репродукторы мощно разносили танцевальные мелодии.

Когда стрелки часов на арке Победы, свидетельнице многих событий за свое более чем вековое существование, стали показывать без нескольких минут восемь, все люди остановились в ожидании салюта. И все же первый залп заставил многих вздрогнуть. Вздрогнула, испуганно вскрикнув, и Лида, прижавшись к Молерову. Ее горячая, дрожащая рука нашла его руку, их пальцы соединились в нежном пожати. Мгновенно вспыхнувшие чувства не испугали их остротой новизны, а только слегка насторожили. Для Молерова и Лиды мир как бы перестал существовать.

После красочного фейерверка, то ли случайно, то ли ребята сами решили оставить их, Молеров и Лида вдруг обнаружили, что остались одни. Лида зябко вздрогнула и вопросительно посмотрела на Молерова. Он смутился, чувствуя, как стыд за те ощущения и мысли, которые он пережил с ней, жаром сковывает лицо и заставляет смотреть в сторону. Он был бессилен удержать ее руку, и она выскользнула. Темная дорога казалась обоим нескончаемо длинной, и Лида, досадуя, ускоряла шаг. Она не понимала, чем он ее заинтересовал, и у нее возникало желание обидеть его, посмеяться над ним. А Молеров мучительно силился признаться в своих чувствах и не мог. Будто кто-то невидимый, но чудовищно сильный, парализовал его жизненную силу, подавил волю, сковал чувства, сдавил горло. И чем дальше, тем больше он стал испытывать стыд, даже страх, убеждаясь, что ничего не скажет, и все более смиряясь с этим.

Когда они остановились у Лидиных ворот, Молеров, даже в темноте боясь взглянуть на нее, сделал последнюю отчаянную попытку и сказал: «Лида...» Больше он не мог произнести ни слова. Лида молча ушла, и Молеров понял, это конец.

В зимние каникулы, у городской елки в парке, Молеров встретил Павла Ивановича. Молеров поспешил было уйти, как будто не заметив его, но Павел Иванович решительно подошел к нему и, поздоровавшись за руку, как со взрослым и равным, спросил:

– Любуешься игрушками?

Молеров смущенно улыбнулся.

– Игрушки всегда напоминают детство, – грустно начал учитель. – Твое детство только прошло, а мое... Мое за жизненными ошибками, за относительно счастливыми удачами, за такими стечениями жизненных обстоятельств, когда полностью лишаешься инициативы, чувствуешь себя зависимым, ограниченным в движениях...

Молеров впервые видел обычно суровое лицо Павла Ивановича печальным и добрым и смотрел на

него с любопытством, внимательно прислушиваясь к словам. Они шли по недавно выпавшему, до ледового блеска утопанному, очень скользкому снегу и вышли на аллею. Угодливый фотограф хотел сфотографировать их у новогоднего стенда, но Павел Иванович раздраженно поморщился и отмахнулся. Он крепко взял Молерова под руку и сказал:

– Вот что, дружок мой. Вижу, с тобой что-то происходит. Можешь ничего не говорить, но должен тебе сказать – ты теряешь себя...

Молеров не выносил поучений, поэтому нетерпеливо дернулся, желая освободиться, но рука Павла Ивановича еще сильнее сжала локоть. Его лицо вновь стало сурово-требовательным, угрюмым, голос зазвучал твердо и властно.

– Ты должен выслушать меня. Пойми, нельзя терять себя при любых обстоятельствах. Тебе нужно учиться. Кому много дается, с того потом и много спрашивается. И нет неудачника несчастней, если такой человек не находит, что дать. Подумай об этом.

Они вышли из парка на площадь. Дул морозный ветерок. Голубоватый искрящийся снег скрипел под ногами, и дворники убирали его, укладывая пирамидками вокруг деревьев.

– Вот так, дружок мой, – продолжил Павел Иванович, одной рукой поправляя шарф, другой – прощаясь с Молеровым.

Спустя несколько лет, во время учебы в университете на физико-математическом факультете, Молеров узнал от ректора, близкого знакомого Павла Ивановича, что Павел Иванович человек трудной, суровой судьбы, знающий страсти большого мира. «Ему не математиком быть, а литератором», – сказал ректор. Книги и симфоническая музыка были страстью Павла Ивановича. Он неустанно интересовался жизнью человечества, был немногословен, мудро молчалив, но если событие глубоко трогало или возмущало его, не выдерживал и давал смелую, точную характеристику. Павел Иванович не был женат, жил в одной комнатке вместе с матерью. О его личной жизни никто ничего не знал.

Павел Иванович скончался скоропостижно, и его смерть глубоко поразила Молерова, впервые заставив серьезно задуматься и над своей жизнью. На кладбище было больно смотреть на старушку-мать. Она стояла у края ямы, в которую опустили гроб с телом ее сына, и на ее высушенном, морщинистом лице вместе с горем было и удивление. Очевидно, она никак не ожидала, что сын умрет раньше ее.

Только под утро, когда за окном начал сереть рассвет, Молеров, утомленный воспоминаниями и переживаниями, забылся глубоким сном.

Продолжение следует.

Александр ПЕТРУША

Истории жизни

Механизм

Кто не любит кедровых орешков? Но добыть их непросто: на Сахалине кедры не растут. А растет кустарник-кедровник высокогорный, и шишки он приносит через год. То ли в четные года, то ли в нечетные, давно мы сбились со счета. Проблема решается просто – каждую осень собираем рюкзаки-«сидоры», у кого больше, и айда на Известковую! Подняться можно только по очень крутому северо-западному склону, выйти на вершину, по узкому скалистому гребню поверх облаков дойти до зарослей карликового кедровника. Набрать пахучих смолистых шишек полные рюкзаки, той же дорогой до склона, поросшего сочной травой, мхом и бамбуком, и верхом на мешках – вниз! Нужно уметь скользить, а не катиться – веселей, быстрее и безопасней. Дома шишки несколько часов варятся до восковой мягкости, и тогда из них легко достать орехи.

Говорят, они лечебные, помогают от всех болезней. Пока болезней у нас не наблюдается, а дорога-грунтовка, шестнадцать километров до Известковой, знакома и скучна.

Надоели анекдоты, песни и игра в города. И тут я придумал: А не сыграть ли нам в «...измы»? По одному слову и по очереди, замолчавший выбывает.

Конечно, шансов на выигрыш у меня больше, чем у всех: уж абстракционизмов и волюнтаризмов я знаю столько, сколько их существует в Малой советской энциклопедии, которую в раннем детстве с удовольствием и вприкуску с песочным печеньем на диване прочитал почти всю!

Начали, как водится, с коммунизма... Через полчаса из четырех участников остались я и Вакстиныч. Ему трудно: он терпеть не может энциклопедий.

- «Альпинизм», – с трудом выкручивается он.
- «Альтруизм», – легко парирую я. Долгая пауза.
- «...Стрип...тизм», – неуверенно и скромно выдавливает Вакстиныч.
- «Кретинизм», – великодушно соглашаюсь я.
- «Механизм!» – красиво взрывается Вакстиныч.

– ..., ... – вдруг чувствую провал в сообразительности, ничего кроме уродца «Капризм...» на уме не вертится. Пауза затягивается и становится фатальной. Но и Вакстиныч молчит. Должно быть, какое-то очень-очень простое, знакомое слово...

- «Эгоизм», – все-таки находит его Вакстиныч...

А урожая кедровых шишек в том году не было. Вот такой механизм.

С горы на собственном заду

По пространству-времени мы рём на звездолёте,

Как с горы на собственном заду!

В.Высоцкий, 1966

Клондайк был обнаружен (кто бы мог подумать!) в соседнем поселке Лиственичное. Клондайк – это областная свалка металлолома. Богатства, которые мы там нашли, не снились нам в самых фантастических снах. Остатки разбарахленных автомобилей, автобусов, полуразобранные самолеты, «стволы», спрессованное в кубы обезвреженное газорезкой оружие, двигатели, строительная техника... И! Главная, основная, манящая ценность: погнутые, ржавые, некомплектные велосипеды! За несколько визитов на свалку наш сарай-мастерская был доверху заполнен рамами, колесами, втулками, вязанками велосипедных цепей и кольцами бэушных и почти целых покрышек. Камеры покупались на сэкономленные карманные деньги. Далее начиналось вдохновенное творчество – необходимо было собрать одновременно три велосипеда. Для меня, Прокопа и Вакстиныча. Не обязательно одинаковых, но обязательно оснащенных исправным седлом и надежными тормозами. Руки до сих пор помнят конфигурацию всех деталей, заднюю втулку любой системы разберу и соберу с завязанными глазами и сейчас. После сборки, клепки цепей, регулировки и щедрой смазки солидолом наступало время испытаний и тренировки.

Наш выезд на некрашенных, сборных, разнотипных машинах вызывал нездоровый ажиотаж у младших пацанов. Особым вниманием почему-то всегда пользовался я:

– Смотри, он свой спортивный «Спутник» променял на ЭТО... Но для наших целей не годились ни «Спутник», ни «Турист», ни «Украина». Благополучный мягкий спуск с невысокой сопки Майорской позволял устранить незамеченные недоработки и укрепить моральный дух перед завтрашним испытанием.

Рано утром втроем на одноразовых «горных» велосипедах мы отправляемся в сторону Известковой. Там, совсем близко от вершины – каменоломня и заброшенный поселок, где в свое время зеки добывали известняк. И полуторакилометровая, хорошо укатанная грунтовка к подножью. Еще до полудня мы вкачиваем своих железных коней на нужную высоту. Короткий отдых, проверка готовности и по-очереди – вниз! Не важно, кто придет первым, главное – прийти!

Медленно-медленно разворачивается пространство, взлетает вверх горизонт, визг ветра в ушах сменяется мощным шелестящим гулом пока еще целых покрышек, руль рвется из рук с невероятной силой, не закрывать глаза! На обочинах – валуны и сосны! Стонет, плачет и умирает под тобой железный конь, гравий грунтовок свистит уже вертикально, а душа сверху видит тебя, лихорадочно вцепившегося в руль, чудом уцелевшего, уже на выкате к подножью горы. В тот момент, когда она возвращается к тебе, ты отпускаешь руль, поднимаешь руки – победа! Тебя обнимают счастливые друзья – у нас получилось!

Возвращаемся домой, конечно, пешком. Вакстиныч, как всегда, запекает нашу, любимую:

*В краю, где пурга свистит,
Где ветер и снег,
Вдруг, может, на полпути
Устать человек.*

*Начнет отставать,
Начнет ругать пургу.
Но друг разведет
Костер на снегу...¹*

Если сохранилось кладбище велосипедов у сопки Известковой, посчитайте – их должно быть девять...

Those Were The Days

Тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год, поселок Хомутово, теплая, почти субтропическая, летняя, волшебная сахалинская ночь. Устав бродить поселком, в шалаше трое друзей – я, Вакстиныч и Прокоп. Из транзистора «Планета» льется красивая, нежная, завораживающая, знакомая мелодия.

Вакстиныч: – Сделай громче, хорошая музыка!

Я: – Ну научились же японцы петь русские песни!

Прокоп: – Да никакие это не японцы, это такой ансамбль, Жуки называется...

Вакстиныч: – Не может так ансамбль называться, Жук – это автомобиль немецкий.

И были все наивно правы-и-не правы... Затаив дыхание, мы слушаем Mary Hopkin «Those Were The Days», русский романс «Дорогой длинною», в инструментовке Пола Маккартни и в записи фирмы «Apple».

Нам оставался ровно год вместе. И много всего ждало нас в этом году: открытие звезды Beatles, ранний Высоцкий, первая любовь, стихи, приключения, пожары, окончание школы, расставание навсегда, длинные письма, новая самостоятельная жизнь на материке. Юность. Сахалин. «Those Were The Days». Дни былые.

Политехнические институты города Киева

Приближалось время окончания школы, а я о планах и не задумывался. Вернее, задумывался, слегка: был куплен справочник «Университеты СССР», я помечтал о специальности кинооператора-киноинженера, выяснил конкурсы в ЛИИК и Московском полиграфическом институте, и только. Отец, по-секрету, спрашивал:

– Может быть, ты хочешь в военное училище? Я не возражаю...

Однако ни о военном училище, ни о Хабаровском и Киевском институтах ГВФ, в которые прямо-таки заманивал сахалинский филиал приемных комиссий, просто не думалось. Вступительных экзаменов со всей своей юношеской самоуверенностью я не боялся: солидная подготовка в матшколе и опыт побед в олимпиадах были в активе.

Выявить хоть какое-нибудь желание у меня удалось следующим образом. Мама свернула в трубочку

¹ «Костер на снегу» – музыка А. Зацепина, слова Л. Дербенева.

записки с названиями городов (Москва, Ленинград, Киев, Хмельницкий), сложила их в шапку, перемешала и сказала:

– Раз ты ничего не хочешь и ничего не решил, давай погадаем!

Я вытащил Киев.

– Одного раза мало, гадаем еще, для уверенности, – и записка с Киевом вернулась в шапку. Киев я вытащил еще два раза. Это была судьба.

И вот мы с отцом в Киеве, на привокзальной площади, у окошка справочного бюро.

– Спрашивай, – говорит отец.

Я спрашиваю:

– Пожалуйста, подскажите адреса политехнических институтов, как доехать?

– Политехнический институт, одна остановка на метро в сторону «Большевика», университет – одна остановка на метро в сторону Хрещатика, – невозмутимо прозвучал ответ.

Выбор между КПИ и университетом был сделан по эстетическим критериям, быстро и решительно. Мне понравился главный корпус политеха, его угловые башенки средневекового замка и зеленый, живописно запущенный парк. Я буду учиться здесь!

Много лет прошло после того, как я окончил политехнический институт. И хотя теперь я знаю их, по крайней мере, два: Киевский ордена Ленина политехнический институт имени 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции и Национальный технический университет Украины «КПИ», у меня он один, мой, собственный КПИ.

Корюшка

Самая вкусная рыба – корюшка. Дальневосточная, сахалинская. Весной, когда еще есть лед возле побережья, корюшку ловят в лунках удочкой, вместо наживки оснащая крючок перевязанным посреди не кусочком цветного поролона, похожим на бабочку. Голодная рыба хватается поролон за милую душу. двадцать-сорок, а то и сто корюшек за рыбалку – реально. Матерые рыбаки свои полстакана спирта закусывают тут же отловленной корюшкой – сырая рыбка пахнет свежим огурцом. Начиная с апреля, когда корюшка стадами идет на нерест к верховьям сахалинских рек, применяют объемистые сачки с мелкой сеткой.

Хороша корюшка в любом виде – и сырая и жареная. Но особенно – чуть подсоленная и вяленая на весеннем солнце. Если увидите во дворе бельевые веревки, на которых рядами висит что-то, обернутое марлей – найдите, это корюшка. К пиву – бесподобная закуска: тонкая шкурка снимается, а тело рыбки легко разделяется на длинные сочные, жирненькие пласты. Кто не пил пива с корюшкой, считайте, не знает настоящего удовольствия от пенного напитка.

Прожив студентом в Киеве несколько месяцев, захотелось мне корюшки. Ну очень. Не красной рыбки, не икры лососевой, которую на острове и есть-то не особо хотелось, а именно корюшки. Написал родителям письмо, через месяц получил посылку. Выдавая обшитый белой тканью, туго набитый мешок, сотрудница почты долго, внимательно и с интересом принималась к незнакомому аромату, но посылку все-таки отдала без слов.

Проглотив мгновенно три-четыре рыбки, полностью удовлетворенный, я высыпал оставшихся рыбешек в пустые ящики кухонного стола.

Через несколько дней, навещая меня в воскресенье, друг Вася предложил:

– А не выпить ли пивка? Разливного, свежего?

– Да где его взять, везде только бутылочное.

– А возле метро «Большевик» разливают в бокалы, там и стойки есть.

– У меня есть кое-что к пиву, – открываем ящик стола, а там! Мохнатое, шевелящееся, воздушное...

Это вся моль, которая была в квартире, слетелась на экзотический запах. Помыли мы в ванной каждую рыбку теплой водичкой и поехали на Большевик. Попробовали, продегустировали, не отравились. Пиво было свежее, корюшки было много, мы угощали всех желающих. Выдавая рыбу, я на натурном примере показывал, как правильно разделять и употреблять.

Несколько месяцев после этого по городу ходили легенды об удачливых и щедрых молодых рыбаках, угощающих любителей пива невероятно вкусной таранькой, приготовленной по оригинальному, секретному рецепту.

Мы с Василием, слушая эти рассказы, радовались, как дети.

Потом, в Ленинграде, в командировке, я попробовал корюшку балтийскую. Не то!

Экстраполятор

Приборостроительный факультет КПИ, весна 1974-го, последний экзамен. Мы, уже раскрепощенные, почти шестикурсники, перешептываясь, заходим в лабораторию гироскопических систем силикатного корпуса. Экзамен по специальности, гироскопические системы и инерциальная навигация, не сдать может только ленивый. Принимает ст. преподаватель Дж., талантливый ученый, заиклившийся на науке флегмат, к студентам снисходителен, знает, кто и на что способен, придирается не будет.

– У кого есть конспекты, сложите их на лабораторном столе, чтобы все могли пользоваться, – говорит Дж.

Под сдержанное хихиканье на столе вырастает невысокая стопка конспектов. Атмосфера демократическая, экзамен сдаем весело, водим пальцами по схемам конспектов, иногда поясняя многоэтажные формулы.

В углу комнаты скромно сидит О., стараясь быть как можно незаметнее. Доходит очередь и до него.

– Что в билете? Так, методы измерения скорости, курсовые системы, лазерные гироскопы в системах инерциальной навигации. Слушаем вас.

– Да, ну вот, значит, в общем, как это сказать...

– Сложные вопросы?

– Знаете, что-то не совсем как-то, и не то чтобы уж очень...

– Ну, давайте что-нибудь попроще. Вот плакат со схемой, расскажите об автопилоте самолета ИЛ-18, это должны знать все.

– На самолеты Ил-18 устанавливаются, типа, автопилоты АП-6. Автопилот состоит как бы из каналов крена, курса, тангажа. – О. водит указкой и бормочет скороговоркой: – Сигнал идет сюда, потом туда, потом на экстраполятор, и на выходе получается все хорошо.

– Интересно, – оживляется Дж., – про экстраполятор поподробнее, что это?

– Экстраполятор – это такая функция, которая функция, сигнал идет сюда, потом туда и на выходе получается все хорошо...

– Что-то я не совсем понял, повторите, пожалуйста, еще раз, громче, чтобы все слышали.

– Экстраполятор – это такая функция, которая функция, сигнал идет сюда, потом туда и на выходе получается все хорошо! – в солдатской стойке отчеканивает О.

– Все хорошо, все хорошо, – очень спокойно говорит Дж., а теперь повторяйте за мной:

– Экстраполятор – это прибор!

Прошло много лет, и много раз в разных ситуациях мне вспоминалась эта поучительная история. Я точно знаю, экстраполятор – это прибор. Хотя, с учетом тенденций развития науки и техники и мирового экономического кризиса, не всегда :)

Наблюдательное время

Четвертый курс КПИ, 1973 г., лекция по теории автоматического управления, читает молодой преподаватель, стройный жгучий красавец, молдаванин К-у. Тема лекции – самонастраивающиеся и адаптивные системы.

В общем-то, мы с Леонидом к посещению лекций относимся спокойно, но эта тема меня интересовала, поэтому я приготовился внимать, записывать, задавать вопросы и уговорил друга также присутствовать.

«...Таким образом, системы с реализацией модели объекта в контуре управления требуют операционного наблюдательного времени для определения структуры и параметров объекта и их настройки и корректировки...» – невыразительно проговоривал К-у, а я тщательно записывал, стараясь не пропустить ни слова. И не заметил поднятой руки друга.

– У вас вопрос? – отреагировал К-у.

– Да, я понимаю необходимость наблюдательного времени для самонастройки и адаптивной фильтрации, но если нужно определить процесс наблюдения, то как правильно будет образовать совершенную форму глагола: наблюдать, наблюдать или наблюдать? То есть сделать наблюдение над реакцией объекта?

Благополучно засыпавшая аудитория взорвалась. Под смех и хихиканье образовалось сразу несколько центров дискуссий, бурно, чуть ли не с кулаками, обсуждавших и защищавших свой вариант.

На К-у было больно смотреть. Он оказался совершенно не готов к вопросам о тонких проблемах

русского языка. Я понял, увлекательные особенности экзотических систем управления мне придется изучать самостоятельно, по занудным учебникам.

Я встал и зычным торжественным голосом Левитана произнес:

– Владимир Ильич Ленин прекрасно владел русским языком. В своей революционной практике ему неоднократно приходилось применять этот глагол. И во всех случаях это была форма «наблюсти!»

Так, например, в записке Бонч-Бруевичу в 1918 г. В.И. писал: «...тов. Рощупкин явился сегодня ко мне с удостоверением от 8 армии и рассказом о положении дел. По-моему, следовало бы обсудить вопрос: не дать ли этому товарищу бумаги о поручении ему наблюсти за уводом великорусских войск с Украины. Обсудите это и дайте Рощупкину такую бумагу!» Кто не верит, проверьте – ПСС, том 50, страница 50! Так что – наблюсти! Всем понятно? – вещал я, не замечая, что Леонид давно дергает меня за пиджак и стучит кулаком под бок.

– Ты что, с ума сошел, какие войска на Украине? Ты точно знаешь том и страницу? – шипел он.

Конечно, и записку, и ссылку я выдумал, поэтому выступление прекратил и прошептал на ухо Леониду: «Все равно никто не проверит!»

В аудитории стояла образцовая тишина. Великое имя успокоило самых буйных спорщиков и насмешников. К-у благодарно посмотрел на меня и блестяще дочитал остаток лекции.

Отличная сдача экзамена была мне гарантирована.

Прошло много лет. Я с интересом изучал сложные, интеллектуальные, экстремальные системы ситуационного управления и даже написал (к сожалению, незащищенную) диссертацию об эффективности адаптивного управления. Однажды я вспомнил этот случай и решил проверить свою ссылку на В.И.Ленина.

Угадано было все: и записка, и фамилия, и том, и страница!

В состоянии мистического шока я продолжал почти наугад открывать тома ПСС: том 44, с.136, том 48, с.156, том 53, с.52... Везде было слово «наблюсти!»

Я с должным уважением отношусь к сочинениям вождей и классиков. Но в этом случае у меня есть собственный вариант, и я уверен в его правильности: пронаблюдать!

Многолетнее наблюдательное время не прошло для меня даром.

Предсказание

Пять с половиной лет учебы в институте позади, распределение и диплом получены, документы в отдел кадров киевского завода автоматики им. Г. И. Петровского поданы. Это было в апреле, сейчас конец мая, а допуска все нет. Как нет и денег. Мы с Ленкой живем в родной 4-й общежитии, в одной из пустых комнат, на выбор. Каникулы, студенты почти все разъехались по домам. Комендант нас не выгоняет – ну кто может тронуть «стариков», не по понятиям это.

А кушать хочется, и даже очень. И Леня, как всегда, придумал. Мы прошли по пустым комнатам, собрали все, что беспечные студенты забыли, уезжая на каникулы. Вышла солидная коллекция: чертежные доски, рейсшины, словари, логарифмические линейки, зажигалки и пепельницы. На дверях нашей комнаты повесили объявление: «РАСПРОДАЖА. Цена каждой вещи – 1 рубль. Торг неуместен». Я, грешным делом, сомневался, что оставшиеся студиязусы соблазнятся бросовым товаром. Однако заработали мы 47 рублей, пристроив все, кроме трех (раритетных уже тогда) механических калькуляторов «Феликс».

Денег хватило дней на десять. На последние 38 копеек купили сетку с 3 кг картошки (28 коп.) и стакан пива в автомате на углу Борщаговской и Полевой (10 коп.). Распивая на двоих этот стакан, Леонид провозгласил:

– Сегодня мы живем плохо. Но мы, молодые, красивые, умные мужики, сумеем заработать на жизнь. Торжественно предсказываю – ровно через год будем мы с тобой сидеть в ресторане «Лейпциг», пить коньяк и водку, кому что нравится, и закусывать красной икрой и котлетами по-киевски!

И ровно через год, день в день, в ресторане «Лейпциг» гуляли мы на свадьбе у Лени. В подарок молодоженам мы с Ириной вручили набор серебряных ложек (невесте) и коробку пирожных «Картошка» – жениху. На недоуменный взгляд невесты Леонид развел руками:

– Угадал!

А вы говорите, нет пророков в Отечестве! Есть, да еще какие!

Макарона

Мы с Ленкой спорим давно, еще со студенческих времен, при каждой встрече. Почему так происходит, оба не знаем, но предмет для спора находится всегда. Вот и сейчас, выходя из заводской столовой, ответив, что на обед котлеты с макаронами, замечаю хитрый блеск в глазах друга.

- А ты знаешь, как правильно единственное число от слова «макароны»? – улыбаясь, провоцирует он.
- Конечно, «макарон», то есть «он», – отвечаю я.
- Ну ты, брат, не прав, – с полуоборота заводится Ленка. «Она» – женщина, «макарона»!
- Как всегда, ошибаешься. Макароны – самая флотская еда, калибр 7.62, при чем здесь женский род?
- Да моряки в автономке ни о чем, кроме баб, думать не могут, макарона!

Похоже на правду, мягкое, гибкое, теплое, скорее, женское... Но чутье мне подсказывает, все-таки – он! Спор затягивается и назревает переход на оскорбления личности.

- А давай зайдем в библиотеку и посмотрим в словаре?! – Иногда находчивость Леонида удивляет.

Так, смотрим Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова... Макароны – макарон, единственное число – нет (ит. *maccheroni*).

- Не может быть, чтобы не было! – не сдается Ленка. – Давай посмотрим другой словарь.

– Словари разные, но язык-то один, – глубокомысленно изрекаю я, втайне надеясь на отсутствие предмета спора.

– Что скажет нам Толковый словарь Ожегова С.И? Макароны, жен. Макаронина – одна трубочка макарон.

- Вот так! – торжествует Леонид. И, подумав, великодушно предлагает: – Ничья? С меня пиво!

Вечером, в общаге, на Кирилло-Мефодиевской, закусывая пиво и водку макаронами по-флотски, мы задушевно цитировали друг другу:

- О великий, могучий, правдивый и свободный!
- Как не верить, чтобы такой язык!

Но макароны после этого все-таки недолюбиваю.

Секретарь

Мне удалось оформить командировку в Москву, на две недели, с целью ознакомления с материалами НИР (Ну, скажем, «Булька»). Шефу нужно было, чтобы я привез новые материалы для его научных изысканий, а мне нужно было в Москву.

Какая там гостиница «Золотой колос», с Киевского вокзала звоню Виктору Петровичу: «Старик, как хорошо, что ты застал меня в последнюю минуту! Я сейчас уезжаю на озеро Селигер, мы с тобой чуть не разминулись. Ключи оставляю соседке, поживешь у меня, сколько захочешь, прошу, отвечай на звонки, записывай, что хотят и передают. Дождись меня. Ну, пока, вернусь дней через десять!»

Сходить в КБ и договориться о пересылке материалов заняло два дня. Еще один день потратил на забег по магазинам.

Вот и первый звонок:

- Прошу Виктора Петровича!
- Его нет, но я все запишу и передам!
- А вы кто?
- Я его секретарь, – неожиданно импровизирую я. – О!!! – захлебнулась трубка.

А был конец 70-х. Виктор Петрович делал энергичные попытки войти в литературу. Сейчас он находился на таком же этапе, как и джекклондоновский Мартин Иден, – перепосылал свои рассказы по редакциям, меняя конверты и адреса. Результата пока не было.

- Виктор Петрович на отдыхе, вне страны. Я его секретарь. Какой у вас вопрос?
- А разве ему секретарь положен?
- Виктору Петровичу – положен! – безапелляционно отрезаю я.
- Мы рассмотрели его рукопись, хотели бы встретиться, обсудить вопросы...
- Я постараюсь найти в графике Виктора Петровича окно для вас, через две недели устроит?
- А сможет ли ВП подъехать к нам в редакцию?
- Я передам ему вашу просьбу, вышлите машину, если ВП не сможет, приеду я!
- Витя!
- Я не Витя, я Александр.

– Какой Александр, Гончаров, что ли? Сашка, что ты там делаешь?

– Девушка, я вам ясно сказал: секретарь Виктора Петровича! А, что... Да, да, я могу вас записать, какое время вам удобнее?

– А вы какой секретарь, личный?

– Личный, литературный. От Литфонда!

– А как...

– Ну что тут непонятного? У директора – секретарь, у Генерального директора – Генеральный секретарь, у такого крупного литератора, как ВП – литературный секретарь!

Окололитературная Москва загудела. Ни о каких прогулках по Москве не могло быть и речи. Десять дней я отвечал на вдруг посыпавшиеся звонки, составлял графики встреч, назначал и отменял свидания, договаривался о рецензировании и исправлении рукописей. Получил три предложения, одно выгоднее другого, перейти на работу к более заслуженным писателям. Я был безукоризненно вежлив, выдержан, корректен и предан Виктору Петровичу, как собака.

Внезапно появившийся загоревший и обросший Виктор Петрович застал меня за своим письменным столом, зарывшимся в груды записок и графиков. И долго не мог оторвать меня от телефона.

Когда я ему все рассказал, ВП от восторга только и смог произнести:

– Ну ты, блин, прокурор, даешь!

Потом задумался:

– Может, ты останешься на месяц-другой, поработаешь еще?

Теперь задумался уже я и в этой задумчивости пребываю до сих пор.

Может, это совпадение, а может быть, и нет. Дело тронулось с мертвой точки и закрутилось так, как надо.

Виктор Петрович сейчас известный литератор, член Союза писателей России, автор нескольких романов, повестей и множества рассказов. Я иногда помогаю ему готовить журнальные варианты рукописей и нещадно критикую и хвалю его манеру, стиль и слог. И горжусь его книгами, как своими.

Ведь я же был его литературным секретарем!

Игорь ХОМЕЧКО

Родился 28 февраля 1977 года в городе Бельцы, Молдова. Учился на философском факультете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова. В настоящее время преподаватель истории Бельцкого теоретического лицея им. В.Маяковского. Автор нескольких сотен стихов, а также публикаций. Автор года-2011 в номинации «Поэзия».

* * *

Кончилось причастие метели,
Свет стал феерично разнолик.
Юные божественные ели
Шепчутся с березками вдали.
Арфою журчит хрустальный вечер,

Гривы веток нежно теребя,
Розой чайной он падет на плечи,
Искоркой станцует для тебя.
Целясь в душу старого поэта,
Облако твою рисует тень...
Вихрем наступающего лета
Ангелы вселяются в людей.

* * *

Небо хмуро хворает тучами,
Занавесилось грустью серой,
Ну и пусть, лишь бы ты не мучилась
Под безликим больничным флером.

Запрокинутыми деревьями
В небеса простирая руки,
Парк бормочет молитвы древние,
Отряхнувшись от вечной скуки.

Пусть дождевики усталой россыпью
Пробегут по камням дворовым,
Лишь бы ты невесомой поступью
Возвратилась скорей здоровой.

Пусть очистится мир зарницами,
Выжигая навеки хвори,
Смоет запахи все больничные
Нежность прелой душистой хвои.

22.04.13

03.09.13

* * *

Уеду. Уеду. Опутан гирляндой вокзалов
Мой след на снегу, ну а может – в весенней грязи.
Ворвусь в суету городов и огромных и малых,
Где уши ласкает целительный русский язык.

Где лягут на плечи мои куполов эполеты
Как матушка, синь расцелует бездонных небес...
Гармошки вагонов споют мне частушек куплеты,
И – Родина встретит, неважно, с цветами или без.

Приеду. Приеду. Сметя все барьеры таможен
И тысячи верст разменяв, как последний пятак,
Под крик журавлей обрасту я березовой кожей,
И гривы косматых полей мне откликнутся в такт.

29.08.13

* * *

Сядем, посидим, поговорим,
Что молчишь, таинственная гостья?
Нежно апельсиновые горсти
Нам в окно бросают фонари.

Ты нема, но шепчется листва,
За окном гуляющая с ветром,
За день пыль отряхивая с веток,
По дождю соскучившись едва.

Да и правда, что тебе сказать,
С образов сошла ты, не иначе,
То – смеются, то – грустят и плачут
Карие бездонные глаза.

Тень твою похоже на нее,
Ты, о ком поведать не сумеешь,
Чей покой старательно лелеет
Наше одиночество вдвоем.

24.09.13

* * *

Бродяга-март дрожащею рукою
Коснется нежно телеграфных струн,
Безумно очарованный тобою,
Начнет свою неверную игру.

Да только, соблазнившийся рассветом,
Он много выпил теплого дождя,
Он фатом был, шутком, а не поэтом,
И вот теперь фальшивит, уходя.

Он фрак надел, а ветер треплет фалды,
Ах, Боже мой, он так неловок, груб,
Не слышен из-за джаза на мансардах
Под саксофоны водосточных труб.

Но все ж поет он, страстно, увлеченно,
Хоть жалок стих и нервно сбоит ритм,
Его ругают с каждого балкона,
Но Бог сейчас в душе, наверно, с ним.

Возьми гитару, проводи бродягу,
Повеселись над бедным чудачком,
Ну, а когда все гости спать прилягут,
Поплачь о нем тихонечко, тайком.

25.03.13

* * *

Я уйду, потерпи немного,
Ты давно уже все сказала,
Окунись в суету вокзалов,
Растворившись в снегах надолго.

И невесело, и печально,
Будут рельсы бежать по шпалам,
Из попутчиков лишь усталость
Притаится в вагоне спальном.

И закружатся в белом танце,
Невесомо сплетая руки,
Километры любви-разлуки
В ожерелье безликих станций.

Затеряюсь вдали и где-то
Мне, наверное, будут рады,
Между нами совьют преграды
Миллионы секунд-столетий.

Ты забудешь меня, возможно,
Только лучше любой картины
Твой портрет мне напишет иней
На оконном стекле морозном.

18.09.13

* * *

В стенах безмолвных больше нет тебя,
Не слышно ныне трепетного шага,
И авторучка не скребет бумагу
Среди живого гомона ребят.

В стенах казенных прячется тоска,
Роняя тени в сумрак коридоров –
Здесь солнца луч теряется в просторах,
Не встретив той, которую искал.

Тобой открыта новая глава,
И твой целуют взор иные стены,
В осиротелой брошенной вселенной
Лишь только память стонет в жерновах.

08.09.13

* * *

Я – инок Церкви глаз твоих,
Нет ничего прекрасней них
На целом свете,
На всей планете.
Пред ними смерк Мадонны лик,
Пред ними вечность – только миг,
В них – буря лета,
Тепла и света.

Здесь не портреты – образа,
С них все глядят твои глаза
Как дар прощенья,
Как причащение.
Молитвой звезд бы рассказать,
Что значит им твоя краса,
Иль птичьим пеньем
В день Воскресенья.

Вот если б вымолить мне рай,
Эх, если б счастье через край
Лилось потира,
Плескалось миром!
Вмиг излечиться от всех ран,
Оставив тьму ненужных тайн
В пустой квартире,
Звенеть бы лирой!

И – пел бы, пел среди людей,
Я – инок чистоты твоей,
Взахлеб о вере
Без всякой меры.
Навеки, до последних дней
Я б нес в костре души своей
Твой светлый терем,
Твой ясный берег.

16.08.13

Виктор ПАНЬКО

Родился 15 сентября 1944 года в селе Дану Глоденского района Республики Молдова. После окончания средней школы в 1961 году поступил на физико-математический факультет Бельцкого государственного педагогического института имени Алеку Руссо на отделение физики, электротехники и общетехнических дисциплин. В 1975-1993 годы – заместитель редактора глоденской районной газеты «Ленинская искра», заведующий отделом местного самоуправления газеты «Lunca Prutului». В 2003-2007 годах – первый главный редактор, менеджер и директор Муниципального предприятия «Cimpia Glodenilor». Как писатель дебютировал в журнале «Рассвет» в 2002 году. Автор рассказов «Такие вот шуточки», «Бунгу-Вунгу», интермедии «Доказательство от противного», «Контуженый» (2005), «Философические письма далекому другу» (2008), «Афоризмы» (2008).

Маттиола

Вдруг запахло сильно маттиолой,
И сверчок зацвиркал во дворе.
Вечер наступил. Я – с бабой Олей.
(Пора уgomониться детворе).

Пылают в печке стебли кукурузы,
Борщ кипит в железном чугуне,
Тявкнула на нашу Мурку Рузя,
Дым из печки полетел к луне.

Мы ждем с работы маму. Ей – подарки:
Накрыта мамалыга рушником,
Натерта брынза, разогреты шкварки...
Мы с бабой Олей маму Дуню ждем.

Она – в колхозе. Задержалась. На свекле.
На погрузке будет – сколько нужно.
Маттиола пахнет во дворе,
Мы готовим с бабой Олей ужин.

И как будто в самом деле я –
Еще пацан. Гляжу в огонь печурки.
И как будто мать еще жива,
И я играл с Володей Трубачевым в жмурки.

И живы все мои друзья-односельчане:
Савчук Василий, Коля Романюк,
Бабан Иван и Мариуца Ваня,
Саша Пасечник и Миша Баланюк...

Как будто б живы все: и бабка Мариоара,
И дядя Жоржа Мотря жив, и тетя Геня ...
Роберт де Кастро, дяди Лешин друг...
(... Запершило почему-то в горле вдруг...)

И будто бы жива и баба Оля,
И дядя Леша пришел из лагерей...

...Отчего ж ты мне запахла, маттиола?
Ведь нет тебя сегодня у моих дверей...

Рідне слово

Як почую рідну мову –
Серденько замліє.
Нагадаю за родину:
Що же ж вона діє?
Як почую рідне слово –
Закриваю очі:
Нагадаю, як колись-то
Робив кулі з клоччя.
Вирізав з бзини рушницю,
А з цибулі – дуду...
Дороге моє дитинство –
Тебе не забуду...
Мати довгими ночами
Голкой вишивала,
А в сусідів за плечами
Війна громихала.
Голодали, замерзали
У зиму сурову,
Але ти нас зігрівало –
Наше рідне слово.
Рідне слово, рідне слово!
Ти – солодке меду.
Я біз тебе – як біз серця –
В білий день пропаду.
А з тобою! А з тобою
Мені добре буде:
Заспіваю пісню звонко:
Чуйте мене, люди!

Август

Август бродит по планете
Для исполнения желаний,
На меня расставил сети
Из былых воспоминаний.

Эх, август, август – сон осенний,
Пора несбывшихся мечтаний,
Ромашки скошенного сена
И дикий мед воспоминаний...

До этих пор не удавалось
Сманить меня в те паутины:
Воспоминания остались –
Для грусти не было причины.

Так он придумал, все ломая,
Закон природы изменивши:
Цветет акация, как в мае,
Память мне разбередивши.

Эх, август, август, был ты другом,
Хотел, видать, чтобы – «как лучше»,
Не рассчитал своей услуги
И только растревожил душу.

Дождь

Снова осень, мой друг, снова осень:
Всю неделю – вода да туман...
Ручейками с водою уносит
Нашей юности сладкий обман.

Зарядили дожди с полуночи,
Унося майский мед наших грез.
Что ж вы плачете, карие очи,
Довела и вас осень до слез?

За окном – под зонтами, в обнимку,
Двое весело мимо прошли,
И счастливую эту улыбку
От дождя они скрыть не смогли.

Зарядили дожди, ну и что же?
Брось печалиться, брось, старина!
Наше солнце покажется все же,
Ведь еще далеко не зима.

Посмотри вокруг! Сколько работы!
Не убрали еще виноград,
Кукуруза не сжата, заботы...
Неужели ты им уж не рад?

Загрустил... Да встряхнись, не печалься!
В доме сухо, тепло и светло...
И под звуки старинного вальса
От дождя запотело стекло...

Декабрьский дождь

Что-то к нам зачастили дожди.
Всю неделю мы с солнцем в разлуке.
У симфонии этой печальные звуки:
Тепла в декабре от дождя не жди.

«Кап-кап» и «кап-кап» – воды полная бочка,
Но азбука Морзе стучит мне в окно:
«Погас огонек в твоём сердце давно,
Потому одинок ты. И – точка».

Скребется о крышу старый орех,
Быть может, ему во дворе там теплее?
Отворю-ка дверь Кузе, ее пожалею.
Насквозь промокнет собака – грех.

А Кузя скулит, норовя лизнуть руки,
Брызги от шерсти ее – летят...
Собака мне рада, словно дитя,
После неожиданной разлуки.

Дождинки текут уже целые сутки
По щекам оконного стекла,
Им тоже, видать, не хватает тепла,
Потому и расплакался дождь не на шутку.

Наверно, скорбит он о мире и хлебе,
Любви, доброте, тишине и тепле...
... Если б дожди не плакали в небе –
Каменели б сердца у нас на земле.

Имя твоё

Имя твоё в моём сердце я все эти годы берёг,
Словно в вазе хрустальной – волшебный цветок.
Словно в вазе тончайшей – красная роза цвела,
И ты в моём сердце все эти годы жила.

Но чтоб этот прекрасный цветок сохранить
И чтобы нежнейшую вазу свою не разбить –
Я втайне великой имя твоё сберегал
И лишь про себя его тысячи раз повторял.

Полвека за окнами розы цвели, увядали,
И снова цвели с наступлением знойного лета,
Но эта – моя – перемены погоды не знала,
И только росинки в хрустальную вазу роняла...

Геннадий БАРАБАШ

Родился в селе Смышляевка Куйбышевской области в 1957 году. В Днестровске окончил среднюю школу, а затем энергетический техникум. Стихи начал писать еще в раннем школьном возрасте, а чуть позднее стал сочинять музыку. Печатался в различных периодических изданиях Приднестровья, Узбекистана, Таджикистана и России. В 2003 году вышел его первый поэтический сборник «Любимая, с тобой я говорю». В настоящее время живет в городе Днестровск, активно выступает перед учащимися и учителями школ города, пропагандируя поэзию и городское литобъединение «Парус».

Молитва

О, Господи! Не дай ожесточиться,
Познав несовершенство бытия.
Я знаю – дважды не дано родиться,
Поэтому так ценна жизнь сия.
Но как же часто в смутной жизни этой
То вольно, то невольно я грешил...
И, нарушая вечные заветы,
Все дальше по наклонной нисходил.
И все ж расплаты дни неотвратимы,
И жаждет покаяния душа.
Молю тебя, Господь, придай мне силы
Прожить остаток жизни, не греша!
Прошу тебя: дай избежать соблазна
Хоть раз поддаться зависти слепой,
Не дай во лжи и мерзости погрязнуть,
Направь по жизни праведной тропой.
Прости за то, что часто бранным словом
Я обижал людей мне дорогих,
Пошли им благоденствия земного,
И дай мне сил простить врагов моих.
Отец небесный! Дай благословенье
На добрые, достойные дела,
Пошли душе заблудшей очищение,
Она ведь так давно его ждала!

Дом наш – Приднестровье

Край несравненный – дом наш, Приднестровье,
Пою тебя, республика моя!
Трудом упорным, праведною кровью
Написана История твоя –
История невиданных свершений
Народов братских на твоей земле
И жутких, жесточайших потрясений,
Какие испытать пришлось тебе...
Ты помнишь все, республика родная,
И знаю, – не забудешь никогда
Ребят, что полегли, тебя спасая,
В те девяностые кровавые года!

Они навек свою строку вписали
В историю твою, и вот сейчас
Открытыми и ясными глазами
С могильных скорбных плит глядят на нас.
А мы живем за них, и мы не вправе
Предать их память, подвиг их святой!
Их души с белоснежными крылами
Парят над приднестровскою землей –
Над благодатной, теплою землею,
Что греет нас, как любящая мать.
Край несравненный – дом наш, Приднестровье,
Нет силы, чтоб тебя у нас отнять!

Думы о Есенине

К 110-летию со дня рождения поэта

Как же часто мне ночами снится
И к себе безудержно зовет
Та «страна березового ситца»,
Где душа Есенина живет.
Где стихи бессмертные рождались
Под напевы матери-Руси
И глаза поэта улыбались,
Излучая озорную синь.
Мне порою видится так ясно,
Как он входит в старенький свой дом,
Как «горит костер рябины красной»
Под его негаснущим окном.
И как в светлый праздник спозаранку
По тропинке, что к реке ведет,
Русый парень, развернув тальянку,
На свиданье к любушке идет.
Вижу клен, стоящий у дороги,
Где встречала сына по весне,
В глубине души тая тревогу,
Мать-старушка «в ветхом шушуне».
Я душой с Есениным навеки,
И когда в родимый край вернусь,
Поклонюсь лугам, лесам и рекам –
Той стране, «с названьем кратким – Русь»!

Любимая, с тобой я говорю

Я говорить с тобой хочу всегда,
Твои глаза перед собою видеть.
Любимая, поверь, что никогда
Я не смогу ничем тебя обидеть.

Ты так прекрасна, как цветок весной,
Ты ясный свет души моей мятежной.
И в горести, и в радости со мной
Твой дивный голос ласковый и нежный.

Я о любви с тобою говорю,
Держа свое лицо в своих ладонях.
Прекрасные мгновения ловлю,
Когда в глазах твоих мир звездный тонет.

И верю я – с тобой мы сохраним
Тепло любви наперекор злословью.
Кто любит – остается молодым.
Течение лет не властно над любовью.

Любимая, с тобой я говорю...
И как прекрасно наших душ слиянье.
Я жизнь свою за то благодарю,
Что вся она полна твоим сияньем.

Поговори, гармонь

Гармонь тоскует за рекою,
И смолк стыдливо соловей,
Поговори, гармонь, со мною
Про годы юности моей...

И хоть на время дай умчаться
В тот край, невиданной красоты,
Где доводилось мне купаться
В прохладе утренней росы.

Где зацелованный ветрами,
Я засыпал среди полей,
И слезы чистыми ручьями
Сбегали по щеке моей.

И надо мной заря алела –
Благословенная заря,
И колыбельную мне пела
Родная русская земля.

Поет гармонь, и льются трели,
И сердце просится туда,
Где бубенцами отзвенели
Беспечной юности года.

Так пой, гармонь, не умолкая,
Тревожь мне душу, не жалея!..
Пусть моя молодость шальная
Живет в мелодии твоей.

Русь Есенина

Святая Русь, прими в свои объятья
И материнской лаской успокой.
По всей земле искал я птицу счастья,
Ну а душа рвалась к тебе одной.

Путей дорог исхожено немало,
Не согревал меня ничьих костров огонь.
А сердце светлой грустью наполнялось,
Едва лишь где-то запоет гармонь...

Плачь, песня русская, о домике убогом,
О матери-старушке у плетня,
Что глядя вдаль, на пыльную дорогу,
Ждет сына блудного, как будто ждет меня.

Лишь ты, Россия, дашь мне утешенье,
Люблю ветра твои и всполохи грозы
И закачаюсь во хмелю весеннем,
Хлебнув глоток березовой слезы.

Кусочек неба за рекою пламенеет,
И вновь зовут меня, как в детстве, журавли.
О, Русь Есенина, пусть душу мне согреет
Костер твоей рябиновой зари.

Пролетело лето

Пролетело лето, пролетело...
Улетают с криком журавли,
И свое иссушенное тело
Травы наклонили до земли.
И все чаще туч свинцовых стаи
Льют на землю слезы с высоты,
И листвою промокшей прикрываясь,
Зябнут потемневшие кусты.
И все чаще ветер-непоседа
Обрывает золото с ветвей.
Я прощаюсь с уходящим летом,
Провожая взглядом журавлей.
Как бы вместе с ними мне хотелось
Полететь в родимые края,
Где струной натянутой звенела
Разбитная молодость моя!
Хоть на миг бы той струны коснуться,
Но, увы, себя не обмануть –
Журавли назад еще вернуться,
А вот лет ушедших не вернуть.

Валентина КАЛИНИНА

Родилась в 1947 году в Тамбовской области. Окончила Кишиневский государственный университет. Работала редактором многотиражной газеты «Энергетик» Днестровска, затем заведовала отделом газеты «Диалог» в г. Северске Томской области. Публиковалась в различных сборниках и журналах Молдавии и Томской области. Ныне проживает в Днестровске, Приднестровье.

Художнику

Ты берешь карандаш,
Смотришь прямо в глаза,
То портрет, то пейзаж,
То по сердцу – лоза.

Бьется пульс у виска,
Ты творишь – как поешь.
От штриха – до мазка
Ты идешь, как живешь.

Тонкий трепет ресниц
Как поймать, уловить?
И в мозаике лиц
Удержать эту нить?

Карандаш – по листу,
А по сердцу – черта.
Сохрани чистоту!
Пробудись, красота!

* * *

Очнись ото сна...
Цна! Цна!
Лодка. Причал.
Ты меня там не встречал...
Тихо течет
Речка.
Таает,
Как свечка...
И время течет.
Чёт иль нечёт?..
Встреча –
Случайная.
Белое платье –
Венчальное?
Чуть до колен...
Мода –

Того года.
Лето –
Отчаянно
Синего цвета.
Вёсла –
Как два крыла.
Взгляды, слова...
Мы так и расстались.
Мы даже не
Целовались.
Мамин запрет:
До – нет!
Потом лишь привет –
В письмах.
Два или три письма...
Очнись ото сна...
Цна! Цна!
Лодка. Причал.
Ты меня там не встречал...

Маме

Вот ведь странно –
столько разных
Всем стихов напосвящала –
Юбилейных, глупых, праздных,
Без конца и без начала.
А тебя, моя родная,
Почему-то обходила.
Понимаешь, для тебя я
Нужных слов не находила.
Ты – мой Бог, моя икона!
Не хвалить – молиться стану.
Пред тобой, моя Мадонна,
На колени молча встану.
Упадет слеза на платье,
Следом скатится другая...
Знаешь, почему я плачу?
Потому что ты – святая...

* * *

Мой странный одинокий волк.
Бредешь, не чувствуя тропы.
И под ударами судьбы
Не стонешь, одинокий волк.

Молчишь о юности вразлет,
О том, что средь лесов и гор
Лишь тот без стаи проживет,
Кто хоть и голоден, но горд.

Ни плен измен, ни рокот волн
Твоей не трогают души,
Уже ни строить, ни крушить
Не хочешь, одинокий волк.

Остановился и умолк.
Прислушался – шаги в ночи...
Тебе от логова ключи
Несу, мой одинокий волк.

* * *

Слово, как спелая слива,
падало с губ.
Но не услышал милый
все недосуг.
Снова несет тебя мимо
Сладостных грез.
С дерева свесилась слива
Капелькой слез.

* * *

Здравствуй,
В глухую ночь ушедший навсегда.
Ты на прощанье не сказал
Ни нет, ни да.
Ушел, свечу не потушил –
Сама сгорит.
Недолюбил, не завершил
Моих молитв.
Часы застыли на стене
На цифре «два».
Я губы помочу в вине
Едва-едва.
Мы недопили, недопели
Не до... не...
И тают призрачные тени
На стене.
В одной нарек на мой портрет –
Поэт?
Другая не отставит блика –
Силуэт.

И ты прощай, и прочь виденья,
Сомненья прочь!
С собою унеси мгновенья
В глухую ночь.

* * *

Ты тот, кому, быть может, суждено
Мою ладонь согреть в своей ладони.
Дарить тепло – не каждому дано.
Приют для сердца есть не в каждом доме.

Я знала: то, к чему стремлюсь, найду.
Натянутые струны вдруг запели.
Мы молча друг на друга поглядели
И засветили новую звезду.

Пока не в состояние ни понять,
Ни объяснить свершившихся мгновений.
Одно лишь ясно – ты мой добрый гений,
И я готова доброту принять.

* * *

Вычисли, вычлени, выкради,
Цепи сорви с оков.
Встречу грядущую выстрадай,
Выкради у богов.

Песню из плена вызволи,
Струны застывшие тронь.
Или из искры мизерной
Высеки вдруг огонь.

Или из пламени вынеси...
Если не сможешь, тогда
Накося лучше, выкуси
И уходи навсегда!

* * *

Не позвоню, не подойду,
Сгорю, как грешница, в аду.
Последним яблоком в саду
В траву сухую упаду.

Не суждено испить до дна
Мне чашу сладкого вина.
Опять в тиши, опять одна.
Опять в сообщниках луна.

Мне кофе некому варить.
Мне нежность некому дарить.
Мне больше некого любить...
Мне не с кем спать, мне не с кем жить.

Валериу БАЛАН

Родился в 1958 году в городе Кэушень. Срочную службу прошёл в Киевском Высшем военно-морском политическом училище. Окончил Кишинёвский Политехнический институт им.С.Лазо в 1986 году. Архитектор. С большим интересом изучал историю и в 1994 году опубликовал работу «Троя Троадыфракийской». С 1999 по 2003гг. – Главный архитектор уезда Тигина. Стихи пишет с 18 лет.

* * *

Любимая, не любишь ты меня,
Любимая, ведь знаешь, без тебя
Нет счастья мне на крохотной земле
И угасает жизнь моя во мгле.

Когда с тобой встречаюсь, вот беда –
В глаза мои ты смотришь иногда,
Так часто хмуришься, грустишь, и я молчу,
Уж сам не знаю, что сказать хочу.

Да, между нами нету огонька,
Того, что зажигает всем сердца,
Того, что заставляет нас любить
И все земные горести забыть.

Любимая, так больше жить нельзя,
С тобою скучно мне, и думаю, не зря
Я должен разбудить в тебе любовь,
Чтоб радоваться жизни вновь и вновь.

20.05.1976

* * *

Ты стала тряпкой, просто дрянь,
Ты шлюха, вот и всё,
И мне тебя немного жаль,
Но больше ничего.

Ты ходишь в юбке мини, мол,
Глядите на неё,
А, между прочим, всё не то,
Ты куришь, дурачьё!

Не нравится твоя мне жизнь,
Мне тошно от неё,
Мне и прости... нет любви,
Ты тряпка, вот и всё!

22.03.1977

* * *

Сегодня много думал я,
Родные вспоминал края,
Я вспомнил маму и тебя
Моя любимая сестра.

Я вспомнил детство,
Вспомнил дом и старого отца,
Вновь вспомнил детство – баловство,
Наш город маленький, леса.

Скажи, сестричка, как живёшь,
Чем дышишь ты сейчас,
Поспела ты, как в поле рожь,
Любви пришёл уж час.

Люби, коль любишь, не стыдись,
Но чувством не торгуй,
И на меня вновь не сердись,
Прими мой поцелуй.

Как поживает наша мать,
Здоров ли наш отец,
Недолго им осталось ждать,
Вернусь я под конец.

Прости, сестричка, грешен я
Перед тобой одной,
Что в детстве не любил тебя,
Разрушил твой покой.

С тобой бранился я не раз,
Но всё ж в конце концов
Как реки вытекали с глаз
Сто тысяч слёз и слов.

Теперь ты стала дорога
Мне больше, в десять раз,
Понятно мне наверняка,
Что детства свет погас.

18.05.1977

* * *

Поднимаются белые птицы
Над полями в небесную высь,
И сжимаются крепкие мышцы,
Приготовилась к завтраку рысь.

В небе ясное солнышко светит,
И весенний шумит ветерок,
А во сне моя матушка бредит,
Снится ей непослушный сынок.

Моя мама, прости, если сможешь,
Мою юную душу за то,
Что страдала и плакала, помнишь?
На коленях у сына, за что?

Ведь тебя ненавидел порою,
Не любил тебя, добрая мать,
Часто думал о счастье с тоскою
И хотелось от горя рыдать.

Я мечтал у окошка о жизни,
Слёзы лились с досады о том,
Что живу у родных, как в пустыне,
Всеми брошенный в мире чужом.

Ты ласкала меня, моя мама,
Но мне ласка была не нужна,
Я твой сын, твоей музыки гамма,
Жизнь тобою дана мне одна.

И прожить я хочу на чужбине,
Чтоб забыть мне про детство своё.
Мне печально и грустно поныне,
К счастью рвётся сердечко моё.

19.05.1978

* * *

О, свет, погасший во мраке ночи,
О, луч потерянной любви,
Мне всюду снятся твои очи,
Откликнись, только позови.

Светловолосая, золотая,
Тебя я вижу пред собой,
Но вот беда, со мной другая,
С тобою всё-таки другой.

Твои глаза, как месяц ясный,
Лицо, как солнце в небесах,
А голос, нежный и прекрасный,
И отблеск злата в волосах.

Теперь чего-то я жалею,
Жалею первую любовь,
Я от тепла её болею
И вспоминаю вновь и вновь.

26.05.1977

* * *

Ты помнишь, Люся, как во сне
Мы дрались с тобой,
И бились словно на войне,
И телом рвались в бой!

Да, были юности года,
Но всё прошло давно,
Теперь осталось навсегда
Нам в памяти одно.

Одно, что были мы с тобой
И братом и сестрой,
Одно, что были мы порой
Капризными душой.

Но пусть мы в детстве рвались в бой,
Пусть дрались до крови,
Теперь скажу, что мы с тобой
Нуждаемся в любви.

13.07.1977

Я ждал письма, но не дождался,
Ведь ты забыла всё давно,
И я немного испугался
И вспомнил грустное кино.

Кино, кино, какое горе,
Какие муки видел я,
Там бушевало ночью море,
Там крик раздался с корабля.

Был крик любви и крик печали,
Был крик потерянной мечты,
Когда цветы на кровь упали
И прокричали – подлый! – ты.

Но это фильм, всего лишь сказка,
Не будем вспоминать о нём,
Ведь там игра, лицо как маска,
А нам с тобою жить вдвоём.

1977 г.

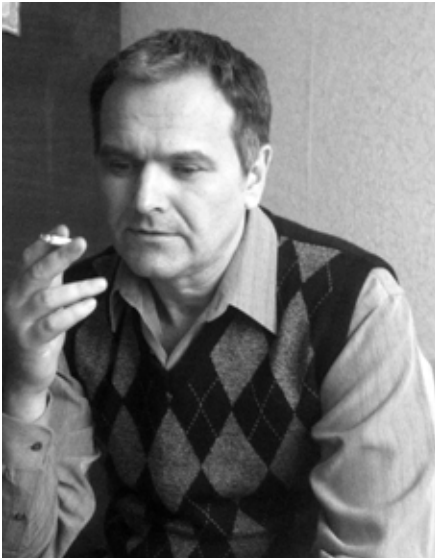
* * *

Заткнись, старуха,
Хватит брани,
Мне надоели твои сны.
Готова погубить ты душу,
Лишь бы остался я в живых;
Зачем толкуешь
днём и ночью,
Как жизнь свою устроить,
нет!

Ведь не нуждаюсь я в побрякках,
Мне нужен горький славы хлеб.

1977 г.

Олег ДОВБЫШ

Родился в 1964 году в г. Воркуте Коми АССР. В 1986 году окончил Белорусскую сельскохозяйственную академию. По специальности инженер-механик. Живет в Кишиневе.

Морошка

По своей малой родине
Мне взгрустнулось немножко,
Вместо черной смородины
Захотелось морошки...

– Боже, сделай мне милость
(Можно даже в обед),
Чтоб морошка приснилась
И Уральский хребет
В дымке сказочно розовой...
Сделай сон для меня:
Путь приснится мне родина, –
Летом тундра моя!

...И ласкается мятлик,
Словно в детстве опять.
Смело в тундру я вышел
С рюкзаком погулять.

Так как нет в тундре фруктов
Миллионы уж лет,
Бог дал в путь мне продуктов –
Будет здесь и обед.

Подготовлен я с толком,
Спичек есть коробок,
Я вдали от поселка
Разведу костерок.

И хоть мне не прохладно,
Посижу у костра,
Душу солнышко радует,
Исчезает тоска.

Иногда вздохнет ветер,
Освежит и убавится
(Так спокойствием север
Иногда отличается), –

Аромат долетит
От багульника сладостный
И меня так пьянит,
Будто в детстве я радостном.

Здесь озерца есть чистые,
Мне по сердцу простор:
Дали дикие мшистые –
Изумрудный ковер.

Невзначай для меня
Плодоносит пушица:
Где-то тундра меняется –
Трава ватой пушится.

Белый цвет элитарный
Есть у тундры в достатке –
Пролетают полярные
Надо мной куропатки.

И ромашки* огромные
Веерами склоняются, –
Они тоже полярные,
Дунет ветер – качаются.

Моя тундра мне нравится,
Отдохну здесь душою.
Вот... Урал открывается
Розовой полосой.

На душе мне легко.
Встану я с рюкзаком

* Местное романтическое название поповника.

И пойду далеко-далеко
До Урала пешком...

Я спокойно иду
В сапогах не спеша,
Меня манит туда
Воображенья игра.

Очевидно, жила
Моя раньше душа
В тех далеких горах,
Свежим ветром дыша.

Я спокойно иду.
Здесь ночей летом нет.
Повезет – соберу
В свой рюкзак самоцвет.

Вот я вижу морошку,
В пояс ей поклонюсь,
Съем тех ягод немножко,
А то вдруг я проснусь...

Камушек

Бог на тучке сидел и смотрел,
Что на его происходит планете.
Бог был седой и еще поседел
И бормотал про себя слова эти:
«Очень коварный людишки-народ –
Топчут засранцы мой огород,
Топчут по-наглому, словно козлы,
Внушили себе, что они здесь цари!
Чего они атом, как дятлы, долбят?
ТЬфу на них! Свят, Свят, Свят!»
Бог из аптечки достал корвалол
И запрокинул капель сто двадцать,
Где-то под боком подушку нашел,
Прилег и снова стал возмущаться:
«Люди меня перестали любить,
За деньги решили рай мой купить,
А сами друг другу могильники роют,
Какой-то коллаедр с умыслом строят,
За пятку меня норовят ухватить,
Но я им за это пошлю астероид!
Чего они атом, как дятлы, долбят!
ТЬфу на них! Свят, Свят, Свят!»
Бог на бочок, кряхтя, повернулся,
Подушку поправил и захрапел,
Потом как ребенок во сне улыбнулся,
И камушек маленький вниз полетел.

Сказ о бабке с коровой Зорькой и ферапонтьевском быке

Соблюдая житейские правила,
В торбу кинув фонарь и паек,
Бабка лифчик в цветочек поправила,
Сунув внутрь с деньгой кошелек.

И, послав всех быков местных в задницу
(Но не в этом, конечно, вся суть),
Вышла бабка с коровой красавицей,
Вспоминая девичий свой путь.

То равниной идет, то путь в горушку,
То затишье, а то сухохвей,
Причитает она: «Моя Зорюшка,
Ты поверь, что все будет о'кей!

Нам осталось пройти только полюшко,
Деревушку еще – Поганец,
И найдем мы за сизою горушкой
Ферапонтьевку ту наконец...»

Знают все, чем селенье то славится:
Часто слышен коровий в нем крик, –
То на фермера благо старается
Племенной ферапонтьевский бык.

Вот под вечер пришло настроение –
Повстречался в дороге еврей,
Наконец добрались до селения,
И все с Зоренькой было о'кей.

И бабулька уже умиляется:
«Будет в доме у нас молочко».
И цветет ее Зорька красавица,
Ей от ласковых слов хорошо.

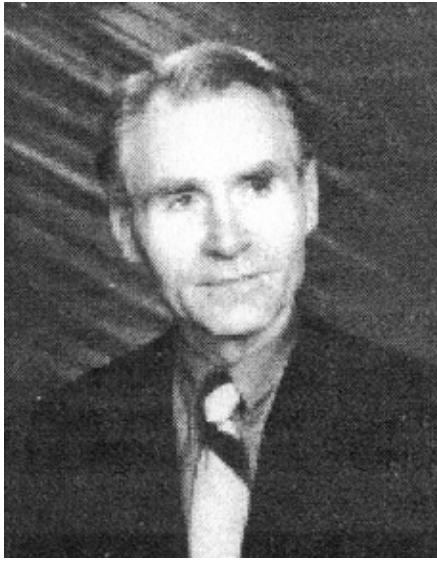
В путь обратный она отправляется.
Ах, как хочется встречи той вновь,
И коровы порою влюбляются,
Бескорыстна коровья любовь.

И, надеясь еще на свидание,
Ночь пройти всю с бабулькой смогла,
И в обнимочку с ней в утро раннее
У родного свалилась двора.

А с утра греет ласково солнышко,
И является милого лик,
И все снится и снится той Зорюшке
Молодой ферапонтьевский бык.

Ион ГОРГАН

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Родился 7 августа 1948 года в г. Бельцы. Автор ряда историко-литературных и художественно-публицистических статей, эссе, новел и очерков, которые увидели свет во многих периодических изданиях Молдовы. В 2000 году издательство Союза писателей Республики Молдова выпустило на двух языках, румынском и русском, дебютную книгу сборник рассказов под общим названием «Бегемот».

Лев и Стрельчиха

Стрельчиха, которая помимо стрел имела и мощные крылья, позволила себе безбоязненно летать над Львом и разглядывать его свысока.

Царь зверей еще раньше заметил ее и положил глаз на птицу. Понравилась ему она, нечего сказать... Была красива, горда, энергична и излучала душевное тепло. Порхала легко, была веселой, насвистывала всевозможные ласкающие слух мелодии, делала пируэты... И хотел бессовестный Лев схватить ее своими комковатыми лапами, полными пыли, рвать из ее чистого, стройного и нежного тела, из цветных ее крыльев перья самые красивые... Тем более что Стрельчиха была чуть-чуть толстенькой, не выходя из нормы приличия. Это делало ее особенно привлекательной. И казалось животному, что стол у него будет на сей раз вкусный, сытный, приятный, какого в тяжелой и издерганной жизни еще никогда не было.

Но птица летала в небе, устремляя в господина Льва свои стрелы, которые причиняли ему сладостную боль и... будили кое-какой внутренний трепет, тяжело объяснимый. Лев терпел. А увидев ее, облизывал губы.

Стрелы птички были как бы намазаны чем-то таким, что после каждого попадания Льва бросало в пространные рассуждения, думы, размышления. Он не нервничал, не выходил из себя, наоборот, нравилась ему эта игра, особенно когда был сыт. Только сожалел о том, что Стрельчиха летает высоко в небесах и он не может своими лаповыми сильными руками дотянуться до нее.

Иногда птица опускалась низко-низко, но не настолько, чтобы, не дай Бог, каким-то образом угодить в его длинные острые когти, которые прятались в кожаных подушечках толстых лап и оголялись только по необходимости. Тогда Лев ложился на землю и, растянувшись, наблюдал за своей потенциальной жертвой большими внимательными глазами, преисполненными желаний...

К разморенному солнечными лучами Льву незаметно подкрадывался сон. И виделось ему, нехорошему, что выросли и у него крылья – большие, полные энергии и готовности летать. Начал махать ими. Неожиданно для себя вознесся вверх. Чем больше вкладывал сил, тем выше поднимался. И вот уже почти достиг уровня птицы с мыслью схватить ее... Но Стрельчиха была очень внимательна и держала почтительную дистанцию. Сколько ни старался зверь догнать ее – не получалось. Уставший, замученный, нервный, возвращался он на то место, откуда начал взлет...

Пришел момент, и Лев очнулся после своего королевского сна. Вытягивался так, что кости трещали. Выпучивал глаза далеко-далеко вверх, но напрасно. Стрельчиха была где-то на веточке, рядом, выше его и в то же время не настолько близко, чтобы быть пойманной.

И грустный, заспанный, голодный бедняга шел на охоту.

В один из ясных дней, летая на большой высоте, птица вырвала из своего крыла перо, самое красивое, многоцветное, легкое, самое густое, и послала его дикарю.

Перо планировало в воздухе, подчиняясь веяниям потоков ветра, блестя, околдовывая и ослепляя взгляд виноватого. И, наконец, достигло Льва. Он взял его с осторожностью, понюхал и вдруг ощутил, как дрогнуло сердце, как оцетинилась грива, как разом оцепенели всегда по-

слушные стальные мускулы, воспрянули мгновенно все клетки могучего тела. Перо и мило неповторимый тонкий аромат: подобного он никогда, ни на какой охоте не чувствовал.

Заинтригованный, посмотрел Лев вверх, ища хозяйку пера. Но Стрельчиха поднялась еще выше и парила в воздухе, купалась в лучах солнца, бросая искоса редкие взоры на негодяя, который вытянулся во всю длину тела, рядом с небольшими камнями. Положив перо под голову, он оберегал его заботливо и бдительно, постоянно с жадностью и рычанием обнюхивая.

Если случалось, что птица исчезала на некоторое время – имела и она свои заботы: нужно

было высиживать птенцов, искать себе корм и другое, – Лев скучал, расстраивался, даже возмущался. И тогда из него, как из настоящего басбаритона, вырывался сильный грудной рев, который заставлял дрожать всю округу и даже тех жителей саванны, кто был абсолютно ни в чем не виновен.

Но время шло, и Стрельчиха появлялась иногда в компании стаи птиц, которые смотрели на этого паршивца – огромного, головастого и страшного – с превеликой боязнью, даже ужасом. Пернатые нисколько не приближались. Лишь иногда осмеливались спуститься и присесть на верхушки деревьев, чтобы получше его из-

учить. И оттуда внимательно наблюдали до первого незначительного движения мышц Льва, после чего моментально исчезали. Оставалась только Стрельчиха, садилась на нижнюю ветку рядом со страшилищем и оттачивала стрелы, чистила клювом перья, вытягивала в полный размах свои живописные крылья...

Как будто завязалась между ними дружба, какая-то особая связь, о которой никто не подозревал. И которую они пока не понимали.

В другой такой же хороший день, когда зверь, как обычно, наблюдал аэропируэты Стрельчихи, птица по обыкновению, летая в вышине вяло, но красиво, не выдержала и, камнем бросившись вниз, села прямо на замшевую мордочку Льва! Он тут же почувствовал нежнейшее из прикосновений, был проникнут и объят ее аурой, которая накрыла его с головы до хвоста и сделала так, что он мгновенно перестал быть прежним Львом – свирепым, безжалостным и не знающим меры, каким он был всегда! Стрельчиха сделала его ласковым, нежным и мягким, но исполненным, как обычно, сил и ума.

Из-за этого неожиданного превращения подавленный Львенок немного растерялся. Попробовал поднять голову, но не смог. Была она непосильно тяжела, как будто пригвождена к земле. Тут птица шепотом выдавила из себя: «Я больше не могу... Чего ждешь?! Ешь меня»...

И в этот миг потрясенный Лев понял, что просто не в состоянии проглотить крошку. Ведь он любит!

Как же съесть того, кого так сильно, так искренне любишь?!

Кристина ПЫНЗАРЬ

Учитель химии, I дидактическая степень, ТЛ «А.Руссо», г. Кишинев

Причины плохой успеваемости в подростковом возрасте

Одна из важных проблем современной школы – это слабоуспевающие учащиеся. Они были и есть практически в каждом учебном заведении. Эта проблема, впрочем, существовала всегда. Полагаю, она никогда не потеряет своей актуальности. И оставлять ее без внимания нельзя. Ведь ещё древние мудрецы говорили: **«Увидеть и понять проблему – наполовину решить её, если же не видишь проблему, это значит, что она в тебе самом»**. В последнее время психологи и педагоги вместе с медиками отмечают неуклонный рост числа детей с проблемами общего поведения и обучения. Давайте попробуем разобраться, с чем это связано. Предупреждение и ликвидация пробелов в знаниях – одна из главных составляющих нашей профессии, неудовлетворительное качество этой работы ведет к накоплению пробелов в знаниях до той степени, когда их устранение становится для ученика практически невозможным, и он переходит в разряд стабильно неуспевающих. Мы, учителя, пытаемся ликвидировать пробелы, исток которых у ребят разные. Слабоуспевающими принято считать учащихся, которые имеющих слабые умственные способности и слабые учебные умения и навыки, низкий уровень памяти или те, у которых отсутствуют действенные мотивы учения. Не секрет, число таких учащихся в школах составляет примерно 10-15%.

Причины слабой успеваемости учащихся.

- **Низкое развитие интеллекта;**
- **Отсутствие влияния родителей.**
- **Отсутствие устойчивой положительной мотивации учения.**
- **Неумение учиться, неуверенность в себе, заниженная самооценка.**
- **Состояние здоровья. Понятно, что человек, страдающий теми или иными недугами, не**

в состоянии вынести колоссальные учебные нагрузки.

- **Неумение педагога выявить затруднения и оказать в нужный момент квалифицированную помощь.**

- **Слаборазвитая волевая сфера.** На последнюю у нас как-то не принято обращать особого внимания, а между тем именно воля и усидчивость играют очень важную роль в учебной деятельности. Об этом еще писал К.Д. Ушинский: «Учение, основанное только на интересе, не дает возможности окрепнуть самообладанию и воле ученика, так как не всё в учении интересно, и придется многое, что надобно будет взять силой воли».

- **Снижение ценности образования в обществе.** Несовершенство организации учебного процесса (неинтересные уроки, отсутствие индивидуального подхода, преобладание производящей деятельности, перегрузка, несформированность приемов познавательной деятельности, пробелы в знаниях). Частые пропуски уроков без уважительной причины, приводят к отсутствию системы в знаниях, и как следствие этого – низкий уровень интеллекта.

- **Отрицательное влияние семьи, друзей, социальной среды и т.д.**

Таким образом, в реальной жизни школьника туго переплетается целый ряд причин. И дело не только, как считает большинство педагогов, в нежелании учиться, а гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Чтобы все неуспевающие школьники не были на одно лицо, без четкого представления о причинах, вызывающих неуспеваемость, о характере мыслительной деятельности учащихся, об их отношении к школе и мотивах учения, нужно, по мнению психолога Н.И. Мурачковского, учитывать определенные типы неуспевающих учеников. В основу классификации он положил два признака: первый характеризует особенности мыслительной деятельности, второй – направленность личности, ее отношение к учению. В итоге получилась следующая типология.

Первый: низкое качество мыслительной деятельности сочетается с положительным отношением к учению.

Второй: высокое качество мыслительной деятельности сочетается с отрицательным отношением к учению.

Третий: низкое качество мыслительной деятельности сочетается с отрицательным отношением к учению.

Такая типология, на мой взгляд, имеет большое практическое значение. Зная истинные причины неуспеваемости, можно оказывать каждой из групп учащихся дифференцированную помощь.

– Для учащихся первой группы характерны низкая обучаемость, слабое развитие мыслительной деятельности и у них преобладает репродуктивный (воспроизводящий) подход к решению учебных задач. Основная помощь прежде всего должна заключаться в формировании приемов познавательной деятельности. Взывать к совести, чувству долга, упрекать в том, что они работают недостаточно, ленятся, приглашать родителей в школу бесполезно. Эти учащиеся занимаются много, очень старательны, добросовестны, но для успешного обучения им не хватает познавательных сил. Главное в работе с ними – учить учиться.

– Причиной плохой успеваемости учащихся второй группы является их внутренняя личностная позиция – нежелание учиться. В силу разных причин их интересы лежат вне рамок учебной деятельности. Школу они посещают без всякого желания, на уроках избегают активной познавательной деятельности, к поручениям учителей относятся отрицательно. Исследования показывают, достаточно изменить их отношение к обучению, как резко возрастает продуктивность учебной деятельности. Поэтому преодоление неуспеваемости учащихся этой группы начинается с воспитательной работы. Например, привлекают ребят к участию во внеурочной деятельности: в подготовке школьных вечеров, КВНов, интеллектуальных конкурсов, проектов курсовых работ по различным тематикам и др. Это повышает самооценку и ведёт к изменению отношения к учебным предметам.

А как быть с теми, кто по субъективным или объективным причинам всё-таки не может или не хочет учиться лучше? Как ни грустно, таких учащихся с каждым годом становится всё больше. Что же надо сделать, чтобы они не потеряли веру в себя, не озлобились, сохранили положительное отношение к школе и учителям? Современный английский психолог и педагог Р. Берне считает: «Для тех, кто учится плохо, всегда нужен какой-то способ снизить влияние низкой успеваемости на самооценку. Было бы неверно поддерживать у школьников, которые не проявляют больших способностей к учебе, представления о том, что высшей ценностью и главным фактором всякой личностной оценки является только превосходная успеваемость. У каждого ребенка есть свои сильные стороны, свои положительные качества, на которых чуткий взрослый должен помочь ему выстроить прочный фундамент позитивной самооценки».

В работе со слабыми учащимися в своей педагогической работе я опираюсь на следующие правила, разработанные психологами:

1. Не ставить слабого в ситуацию неожиданного вопроса и не требовать быстрого ответа на него, давать ученику достаточно времени на обдумывание и подготовку.
2. Желательно, чтобы ответ был не в устной, а в письменной форме.
3. Нельзя давать для усвоения в ограниченный промежуток времени большой, разнообразный, сложный материал, нужно постараться разбить его на отдельные информационные куски и давать их постепенно, по мере усвоения.
4. Не следует заставлять таких учеников отвечать на вопросы по новому, только что усвоенному материалу, лучше отложить опрос на следующий урок, дав возможность ученикам позаниматься дома.
5. Путём правильной тактики опросов и поощрений (не только оценкой, но и замечаниями типа «отлично», «молодец», «умница» и т. д.) нужно формировать у таких учеников уверенность в своих силах, в своих знаниях, в возможности учиться. Эта уверенность поможет ученику в экстремальных стрессовых ситуациях сдачи экзаменов, написания контрольных работ и т. д.
6. Следует осторожнее оценивать неудачи ученика, ведь он сам очень болезненно к ним относится.
7. Во время подготовки учеником ответа нужно дать ему время для проверки и исправления написанного.
8. Следует в минимальной степени отвлекать ученика, стараться не переключать его внимание, создавать спокойную, не нервную обстановку.

Хотелось бы остановиться на одной из наиболее распространенных причин плохой успеваемости школьников – низкая мотивация обучения. Учеба перестает привлекать подростка.

Ведь ни для кого не секретом, что подростки часто учатся для того, чтобы их не ругали родители, отпускали погулять, купили что-нибудь и тому подобное. Бывает, что учителя и родители сами способствуют такому отношению к учебе, обращая внимание исключительно на отметки. Не всегда в семье или школе объясняется, что получение хорошего образования ценно само по себе, а не только как инструмент достижения карьерного роста или материального благополучия. Нередко для учителей и родителей важен уровень успеваемости учащихся, а не качество девяток и десятков: глубокие знания или вызубренный материал.

Интересны причины неуспеваемости, на которые указывают сами подростки. Одной из основных при-

чин, по их мнению, является отсутствие способностей: невнимательность, плохая память, неумение думать и др. И если младшие ребята жалуются на недостаточные знания, невозможность хорошо учиться, то старшеклассники склонны винить в плохой успеваемости лень, безволие, неумение, говорят о желании улучшить внимание, память, мышление.

Как добиться мотивации подростков к учебе?

Считаю, что преподавателям надо большее внимание уделять не количеству девяток и десятков, а качеству обучения. Возможно, построение образовательного процесса так, чтобы не только отметки являлись основой рейтинга учеников. Индивидуальный подход к ученику заключается в умении похвалить одного и не афишировать успеваемость другого. Сравнение учеников друг с другом также недопустимо. Лучшее сравнение успехов самого ученика: «Сегодня ты подготовился лучше, чем на прошлом уроке».

Все, что было сказано о причинах плохой учебы, относится и к родителям подростка, так как роль родителя очень важна и велика. Кроме того, индивидуальные природные особенности, заложенные в ребенке, могут быть схожи со способностями родителей. Часто у отстающих учащихся родители также не были отличниками.

Индивидуальные причины неуспеваемости ребенка могут быть следующими: плохая учеба родителей, отсутствие у них интереса к чтению и урокам. Высокомерное отношение родителей к людям, к школе и учителям. В семье не объясняют, что учеба – это труд. В начальных классах учитель не выявил индивидуальные особенности ребенка, а родители не проявляли достаточного интереса к школьным занятиям ребенка.

Во многих случаях можно изменить положение с успеваемостью, но начинать надо с себя. Переживания по поводу плохой учебы не помогут. Заставить подростка учиться тоже практически невозможно. Стоит попытаться увлечь подростка, мотивировать его на хорошую учебу. Это могут быть разговоры о будущей профессии или возможность продемонстрировать свои способности среди сверстников. Повышение самооценки подростка и укрепление самоуважения также способствуют улучшению успеваемости.

20.09.2013г. на площадке Российского центра науки и культуры в г.Кишиневе состоялась видеоконференция с представителями уполномоченных органов исполнительной власти ответственных за реализацию Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Псковскую область соотечественников, проживающих за рубежом. На указанном мероприятии присутствовали:

- сотрудники консульского отдела Посольства России в Молдавии – Рощина Тамара Георгиевна, Диков Илья Сергеевич;**
- представители общественных организаций соотечественников (русские общины Республики Молдовы);**
- соотечественники (потенциальные участники Госпрограммы).**

В ходе мероприятия представители уполномоченных органов исполнительной власти Псковской области подробно рассказали о ходе реализации Государственной целевой программы переселения соотечественников в Псковскую область.

**Государственная программа по оказанию
содействия добровольному переселению
в Российскую Федерацию соотечественников,
проживающих за рубежом
АДМИНИСТРАЦИЯ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ**

от 29.07.2013 № 333

Об утверждении областной долгосрочной целевой программы «Оказание содействия добровольному переселению в Псковскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2013-2015 годы»

На основании статьи 179 Бюджетного кодекса Российской Федерации, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 14 сентября 2012 г. № 1289 «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», постановлением Администрации области от 27 июня 2008 г. № 174 «Об утверждении Порядка принятия решений о разработке, формировании и реализации областных долгосрочных целевых программ», распоряжением Губернатора области от 03 октября 2012 г. № 41-РГ «Об утверждении концепции и разработке областной долгосрочной целевой программы «Оказание содействия добровольному переселению в Псковскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2013-2015 годы» Администрация области ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Утвердить прилагаемую областную долгосрочную целевую программу «Оказание содействия добровольному переселению в Псковскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2013-2015 годы».
2. Государственному финансовому управлению Псковской области обеспечить внесение соответствующих изменений в законы области об областном бюджете по финансированию областной долгосрочной целевой программы «Оказание содействия добровольному переселению в Псковскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2013-2015 годы».
3. Объемы финансирования областной долгосрочной целевой программы «Оказание содействия добровольному переселению в Псковскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2013-2015 годы» определять ежегодно при формировании областного бюджета на очередной финансовый год и плановый период.
4. Контроль за исполнением настоящего постановления возложить на исполняющую обязанности первого заместителя Губернатора области Емельянову В.В.

И.п. Губернатора области

М.К.Жаворонков

УТВЕРЖДЕНА
постановлением Администрации области
от 29.07.2013 № 333

**ОБЛАСТНАЯ ДОЛГОСРОЧНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА
«Оказание содействия добровольному переселению в
Псковскую область соотечественников, проживающих за
рубежом, на 2013-2015 годы»**

**ПАСПОРТ
областной долгосрочной целевой программы «Оказание со-
действия добровольному переселению в Псковскую область
соотечественников, проживающих за рубежом,
на 2013-2015 годы»**

Наименование программы	«Оказание содействия добровольному переселению в Псковскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2013-2015 годы» (далее - программа)
Дата согласования проекта программы Правительством Российской Федерации	Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 г. № 1236-р
Основания для разработки программы	Указ Президента Российской Федерации от 14 сентября 2012 г. № 1289 «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (далее – Государственная программа); распоряжение Губернатора области от 03 октября 2012 г. № 41-РГ «Об утверждении концепции и разработке областной долгосрочной целевой программы «Оказание содействия добровольному переселению в Псковскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2013-2015 годы»
Разработчик программы	Государственный комитет Псковской области по труду и занятости населения
Уполномоченный орган исполнительной власти Псковской области, ответственный за реализацию программы	Государственный комитет Псковской области по труду и занятости населения
Координатор программы	Управление Федеральной миграционной службы по Псковской области (далее – УФМС России по Псковской области) (в порядке взаимодействия)
Задачи программы	1. Увеличение численности молодежи, в том числе получающей образование в средних и высших учреждениях профессионального

	образования. 2. Закрепление переселенцев в области и обеспечение их социально-культурной адаптации и интеграции в принимающее сообщество. 3. Сокращение дефицита трудовых ресурсов. 4. Увеличение числа высококвалифицированных специалистов. 5. Развитие агропромышленного производства. 6. Развитие малого и среднего бизнеса
Исполнители основных мероприятий программы	Главное государственное управление социальной защиты населения Псковской области; Государственное управление образования Псковской области; Государственный комитет Псковской области по здравоохранению и фармации; Государственный комитет Псковской области по культуре; Государственный комитет Псковской области по молодежной политике; Государственный комитет Псковской области по физической культуре и спорту; Государственный комитет Псковской области по делам строительства; жилищно-коммунального хозяйства; государственного строительного и жилищного надзора; Главное государственное управление сельского хозяйства; ветеринарии и государственного технического надзора Псковской области; Государственное управление по информационной политике и связям с общественностью Псковской области; Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Псковской области; органы местного самоуправления Псковской области; государственные казенные учреждения Псковской области центры занятости населения (далее - ГКУ ПО ЦЗН)
Этапы и сроки реализации программы	Срок реализации программы: 2013 – 2015 годы
Объемы и источники финансирования программы	Общий объем бюджетных ассигнований областного бюджета – 2400 тыс. рублей, в том числе по годам: 2013 год – 800 тыс. рублей; 2014 год – 800 тыс. рублей; 2015 год – 800 тыс. рублей
Основные показатели эффективности программы (основные целевые индикаторы)	Количество участников программы и членов их семей, прибывших в Псковскую область и зарегистрированных в УФМС России по Псковской области. Доля трудоустроенных участников программы и членов их семей от общего числа участников программы и членов их семей в трудоспособном возрасте. Доля расходов областного бюджета на реализацию предусмотренных программой мероприятий
Ожидаемый конечный результат реализации программы	Добровольное переселение 1425 соотечественников, проживающих за рубежом, на постоянное место жительства в Псковскую область

Список субъектов принимающих участие в Государственной программе переселения в Российскую Федерацию.

Дальневосточный федеральный округ:

Сахалинская область;
Амурская область.

Сибирский федеральный округ:

Республика Бурятия;
Забайкальский край;
Кемеровская область;
Новосибирская область;
Красноярский край;
Алтайский край;
Омская область.

Уральский федеральный округ:

Челябинская область;
Свердловская область;

Ямало-Ненецкий автономный округ:

Курганская область;
Тюменская область.

Северо-западный федеральный округ:

Архангельская область;
Псковская область.

Приволжский федеральный округ:

Пензенская область;
Саратовская область;
Республика Мордовия.

Южный федеральный округ:

Волгоградская область.

Центральный федеральный округ:

Костромская область,
Смоленская область,
Воронежская область,
Калужская область,
Липецкая область,
Тамбовская область,
Курская область,
Тульская область.

